

033
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

научно-
популярная
серия



А. А. ЛЕОНТЬЕВ

Возникновение
и первоначальное
развитие языка

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

А. А. Леонтьев

В о з н и к н о в е н и е
и п е р в о н а ч а л ь н о е
р а з в и т и е я з ы к а

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

Каким было мышление первобытного человека? Как и почему возникла человеческая речь? Какое влияние оказал труд на формирование мышления и языка? На эти и другие вопросы отвечает данная книга. В ней широко использованы современные данные разных наук: языкознания, психологии, антропологии, археологии.

Ответственный редактор

А. Р. ЛУРИЯ

...Человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей.

Ф. Энгельс

Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни... Индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то различным.

К. Маркс

ВВЕДЕНИЕ

Во всякой науке есть проблемы, которые не могут быть решены только ее собственными средствами. Такова и проблема возникновения и первоначального развития человеческого языка.

Это и понятно. Современное теоретическое языкознание, с исчерпывающей полнотой отвечая на вопрос «как», при всей тонкости выработанных им приемов научного анализа не может ответить на вопрос «почему». С известным основанием можно сопоставить его с естествознанием времен Кювье; умея восстановить внешний облик ископаемых животных по одной кости или зубу, Кювье, как известно, не знал о движущих силах, путях и условиях эволюции, вызвавших появление и исчезновение этих животных.

Это, конечно, не вина Кювье; таков путь развития любой науки. Не следует забывать, какой колоссальный арсенал фактов, идей, построений находился в распоряжении Дарвина, когда он сформулировал свою теорию происхождения видов. Неоправданных, неподготовленных скачков в развитии науки не бывает и быть не может;

периоды бурного революционного развития науки чередуются с периодами накопления и первоначального осмысления фактов и подготавливаются ими. В истории лингвистической науки мы знаем два таких революционных периода. Первый из них привел к отделению лингвистики как самостоятельной науки от филологии; он нес с собой учение В. Гумбольдта о «языковой форме», первые попытки типологической классификации языков, а также элементы историзма в анализе языка — в первую очередь сравнительно-исторический метод. Второй, протекавший почти на наших глазах, принес учение о фонеме, соскоровскую концепцию языка, дескриптивную методiku американской лингвистической школы и многое другое — в том числе отказ от принципа историзма, не укладывавшегося в систему идей этой эпохи и плохо поддававшегося теоретическому осмыслению. И если в течение XIX века лингвисты интенсивно занимались вопросом о происхождении языка и достигли в этом значительных успехов (достаточно назвать имя Энгельса), то не случайно, что XX век не знает ни одной успешной попытки в этом направлении.

Надо полагать, что третьим шагом будет введение в лингвистическую науку исторического, вернее, историко-генетического принципа на новом качественном уровне, как это и происходит или произошло уже в ряде других гуманитарных наук (например, в этнографии, в психологии). Этот шаг приведет, по-видимому, к частичному слиянию общей лингвистики с другими науками в единую науку о человеке, как предсказывал на заре XX века замечательный русский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Можно, конечно, по-разному оценивать перспективы развития лингвистики. Но если смотреть на язык с точки зрения лингвистической школы Бодуэна де Куртенэ, в частности с точки зрения Л. В. Щербы, который еще в 1915 г. звал «любить, наблюдать и изучать человека... как единственного истинного носителя языка»; если при этом опираться на прогрессивное материалистическое понимание человеческой психики, особенно характерное для советской психологической школы Л. С. Выготского; если, что особенно важно, основываться при анализе отношений человека и общества на положениях исторического материализма, другого пути, по нашему мнению, быть не может.

Отсюда ясно, какое значение должна иметь проблема возникновения языка для лингвистической науки. Это — пробный камень лингвистической методологии.

* * *

Мы совершенно сознательно не касаемся в настоящей брошюре истории разработки вопроса о происхождении языка. Это отнюдь не означает, что мы считаем ненужным знакомство с литературой вопроса: однако введение историко-лингвистического материала, на наш взгляд, излишне усложнило бы понимание излагаемых в тексте проблем, не будучи в то же время необходимым для этого понимания.

Мы просим читателя не забывать, что далеко не все, о чем рассказано ниже, является общеизвестным и общепризнанным. Пожалуй, в науке о человеке нет вопроса, где было бы меньше абсолютных истин, истин в последней инстанции: и нам по ходу изложения нередко придется опираться на идеи, теории, построения, еще являющиеся предметом дискуссии. Но мы считали себя в праве делать это¹.

¹ Автор приносит благодарность всем товарищам, взявшим на себя труд ознакомиться с настоящей брошюрой и высказать свои замечания, в особенности П. Я. Гальперину, А. Н. Леонтьеву и В. З. Панфилову.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

1. УМЕЮТ ЛИ МЫШИ ЧИТАТЬ ПО-ГРЕЧЕСКИ?

Одна из самых распространенных сказок — сказка о человеке, знавшем язык птиц и зверей. Ее рассказывают почти все народы мира. Самое интересное для нас в этой сказке — то, каким представляют себе люди язык животных. С его помощью можно якобы выразить любое понятие, обычно выражаемое человеческим языком, а значит, он отличается от человеческого языка не больше, чем один человеческий язык от другого; и если мы не умеем говорить по-кошачьи, то только потому, что ни одна кошка или собака не взяла на себя труд научить нас своему языку^{1а}.

Некоторые народы искренне верили, что животные, например собаки, прекрасно понимают человеческую речь и только делают вид, что ее не понимают, чтобы человек не взвалил на них лишнюю работу. Многие были убеждены, что животные умеют даже читать. Так, один древнегреческий трактат о земледелии рекомендует бороться с полевыми мышами таким способом: «Возьми лист бумаги и напиши на нем следующие слова: „Я заклинаю вас, присутствующие здесь мыши, не приносить мне никогда вреда и не позволять ни одной другой мыши причинять мне ущерб. Я отвожу вам вон то поле, которое находится там-то (при этом следует указать какое); но если я когда-нибудь застану вас еще здесь, то клянусь матерью богов, я вас растерзаю в клочки“. Напиши это и прикрепи бумагу до восхода солнца к какому-нибудь камню в поле так, чтобы бумага лежала написанными строчками вверх»².

Проверить, умеют ли мыши читать по-древнегречески,

^{1а} Вспомним, как в романе Свифта Гулливер, вернувшись домой из страны гуингмов, ходил в конюшню отводить душу в беседе с лошадьми.

² Дж. Фрэйзер. Золотая ветвь, вып. IV. Л., 1928, стр. 62.

конечно, не приходило в голову ни одному ученому. Но попытки научить животных человеческому языку делались неоднократно. Известный американский зоопсихолог профессор Иеркс поставил такой опыт с человекообразной обезьяной — молодым шимпанзе по кличке Чим.

Вот как действовал Иеркс. В стене комнаты было сделано маленькое окошко. Иеркс подводил Чима к окошку и говорил: «ба, ба, ба». Тотчас же окошко открывалось и в нем появлялся кусок банана. По мысли Иеркса, Чим должен был научиться сам произносить «ба, ба, ба», чтобы получить банан. Увы, день проходил за днем — и все безрезультатно; за две недели Чим не только не стал говорить, но и вообще потерял всякий интерес к опыту, живо реагируя только на появление банана.

Тогда Иеркс решил: надо, чтобы Чим видел то, о чем он должен «просить». Банан положили в ящик с сеткой и приделали к нему рычаг. Иеркс с довольным видом говорил: «коо, коо», — потом нажимал рычаг, и банан вываливался на стол. Иеркс брал банан и съедал его на глазах у Чима. Сначала Чим как будто заинтересовался, но через месяц он «махнул рукой», так ни разу и не сказав «коо».

Неудачей окончился и третий, аналогичный опыт, где Чим должен был произносить «на, на, на». При этом интересно, что обезьяна не только не научилась «говорить», но даже и не пыталась научиться, не пыталась подражать речи человека. Надо сказать, что Иеркса это очень огорчило: он искренне верил, что шимпанзе воспользуется первой же возможностью, чтобы заговорить.

Но, может быть, можно по крайней мере научить животных п о н и м а т ь речь? Да и вообще «всем известно», что животные «понимают» человека: ведь если сказать хорошо выдрессированной собаке «ложись!» — она ляжет, если сказать «возьми!» — она бросится.

Голландский психолог Бойтендайк решил проверить этот «общеизвестный» факт. Он выработал у собаки условный рефлекс на определенное слово, а потом стал изменять это слово — на место одного звука или слога подставлять другой, изменять место ударения и т. д. Что же получилось? Собака оказалась не в состоянии выделить в слове отдельные фонемы или отличительные признаки фонем. Она всегда реагировала на звуковой облик слова в целом, в первую очередь, — на слог, стоявший под ударением, и на интонацию, с которой к ней обращались.

Поэтому вместо «ложись!» можно сказать «жи», вместо «дай лапу» — «айла», вместо «стул» — «ту». Так и делал советский физиолог Л. Г. Воронин, успешно повторивший опыты Бойтендайка: и собака прилежно выполняла то, что, как ей казалось, от нее требовали, не подозревая, как она роняет этим свое собачье «достоинство».

Одним словом, собака реагирует не на смысл, не на значение слова, а только на его звучание³. Предвосхищая дальнейшее изложение, скажем иначе: собака неспособна образовать условный рефлекс на значение слова, а только на его звучание. Тот или иной набор речевых звуков прочно связан у нее с определенным поведением; но мы могли бы выработать аналогичный условный рефлекс и на любой другой раздражитель: например, заставить ее ложиться по звуку выстрела (так, между прочим, и делают охотничьи собаки) или бросаться на человека по звону будильника. По словам биолога Сарриса, «die Wortvorstellung des Hundes immer dem Hunde gemäß ist» (понимание слов собакой происходит в меру собачьего разумения)⁴.

Но позвольте, скажет читатель, а как же с попугаями и говорящими скворцами? Ведь «общеизвестно», что попугаи не только говорят, но и понимают, что они говорят.

Понимают ли? Вот что пишет по этому поводу русский лингвист А. Л. Погодин в своей книге о происхождении языка:

«Не замечено, чтобы попугай приобретал свое умение говорить с возрастом, чтобы он учился, накапливал свой «словарь» и т. д. Он подражает так же сразу, как сразу бросается в воду и плывет вылупившийся утенок. Таким образом, даже в самом создании своего словаря попугай отличается от ребенка; в последнем случае мы видим сознательное и потому несовершенное подражание, сначала понимание, потом подражание; здесь, напротив, только удачное воспроизведение заимствованных слов и звуков. С этим багажом духовная жизнь птицы не обогащается нисколько, как мы, зная несколько иностранных слов и не понимая совсем родного языка, не смогли бы

³ О том, что животные никогда не понимают смысла слов, а обычно ориентируются на интонацию, говорит, опираясь на собственный многолетний опыт, и дрессировщик Б. Эдер.

⁴ E. G. Sarriss. Sind wir berechtigt, vom Wortverständnis des Hundes zu sprechen? Leipzig, 1931, S. 129.

приобрести ровно ничего от своего знакомства с несколькими разрозненными чужими словами. Можно определить это различие между речью ребенка и «речью» попугая или другой говорящей птицы, как различие между творческим актом и чисто механическим повторением заложенных звуков. В этом отношении крик попугая ближе к песням граммофона, чем к лепетанию ребенка... Но ближе к человеку речь попугая в том смысле, что она показывает, как при инстинкте звукоподражания и при инстинктивном разряжении энергии в форме звуков может образоваться зародыш человеческого слова в виде твердой ассоциации зрительного и слухового образов. Дальше этого, конечно, не идет «речь» попугая, скворца или другой говорящей птицы»⁵.

Выводы Погодина полностью подтверждаются опытами Н. Н. Ладыгиной-Котс. Ее попугай мог произносить 150 слов, но ни разу не сумел правильно назвать тот или иной предмет или цвет, так сказать, осознать, что именно перед ним, и выбрать из своего «словаря» подходящее слово. На неспособность попугая говорить «по-человечески» указывал также замечательный советский физиолог, ученик И. П. Павлова академик Л. А. Орбели⁶.

Из того факта, что ни одно животное ни при каких обстоятельствах не может научиться человеческому языку, — точнее, научиться пользоваться человеческим языком по-человечески, — можно сделать вывод: по-видимому, в самой психической организации животного заложен какой-то «недостаток», не позволяющий ему усваивать человеческий язык и вообще вести себя по-человечески. Попытаемся разобраться, чем же психика животного отличается от психики человека.

В основе поведения любого высшего животного лежит система рефлексов, т. е. реакций организма на внешние раздражители (стимулы). Эти рефлексy могут быть безусловными или условными.

Безусловный рефлекс — рефлекс врожденный и общий для всех животных данного вида. Только что вылупившийся из яйца и помещенный в изолированное поме-

⁵ А. Л. Погодин. Язык как творчество. Происхождение языка. Харьков, 1913, стр. 18.

⁶ Н. Н. Ладыгина-Котс. Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958, стр. 225; Л. А. Орбели. Вопросы высшей нервной деятельности. М.—Л., 1949, стр. 477.

щепе цыпленок, никогда не выдавший ни других цыплят, ни курицы (для опыта были взяты инкубаторные цыплята), ведет себя в основном так же, как все его ровесники на птичьем дворе. Если постучать около него пальцем по столу, имитируя клюющую зерна курицу, цыпленок начнет производить клевательные движения, хотя никто его не учил этому⁷. Детеныш тюленя через час после рождения спускается к воде и без всякой подготовки начинает плавать; птенцы серой куропатки при малейшей тревоге припадают к земле, чтобы стать незаметными на ее фоне. Можно сказать, что в мозгу цыпленка, молодого тюленя, птенца куропатки с самого начала заложена определенная модель поведения; нужно только «нажать на кнопку».

Условный рефлекс, в отличие от безусловного, формируется у животного прижизненно. Механизм его следующий. У собаки имеется безусловный пищевой рефлекс на мясо: мясо заставляет ее слюнные железы выделять определенное количество слюны. Мясо мы будем называть биологически важным раздражителем. Но допустим, что собака получает мясо только после звонка; тогда звонок, который сам по себе не имеет для собаки жизненно важного биологического смысла,

⁷ Известный американский писатель-природовед Эдуард Сетон-Томпсон рассказывает:

«Летом 1883 года в Керберн, на ферме брата, у меня было около пятнадцати маленьких тетеревят-птенцов, высиженных курицей.

Им было всего лишь две недели, когда над Керберн пропесся ураган с холодным ветром и градом. Опасаясь, что птенцы погибнут от резкого похолодания, я принес весь выводок домой, на кухню, и выпустил их под чугунную плиту на железный лист, которым был обит пол... Через полчаса малыши согрелись, распушили перья, почистили свои крылышки и приняли совсем здоровый вид.

...Один из малышей, не больше воробья, опустил свою голову почти до самого пола, поднял задорно шишечку, где со временем должен был вырасти хвост, растопырил крылья и стал так сильно топтать розовыми ножками, что чудился звон маленьких литавров.

И что же?

Все, как один, тетеревята встрепенулись и начали громко отбивать маленькими лапками, прыгать, скакать, притопывать, в точности как взрослые тетерева на току весной, в пору любви.

...Скоро я обнаружил, что могу сам заставить токовать птенцов. Стоило мне забарабанить пальцами по железному листу, как они начинали свой танец.

...Удивительно, что птенцы токовали совершенно так же, как и их родители, хотя они ни разу еще не видели взрослых степных тетеревов» (Моя жизнь. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 81—82).

го есть является индифферентным (безразличным) раздражителем, превращается в сигнал. У собаки «слюнки текут» уже просто по звонку, за которым, как собака твердо «усвоила», всегда следует мясо. Именно такие (слюнные) рефлексы исследовал И. П. Павлов, впервые сформулировавший понятие условного рефлекса.

Условный рефлекс может быть образован практически на любой раздражитель, доступный восприятию данного животного. Особенно интересно проследить образование и функционирование условных рефлексов у домашних животных, скажем у кошки. Вот кошка ходит следом за хозяйкой дома и выклянчивает мясо. Зрительный образ хозяйки условнорефлекторно связан в психике кошки с биологически важным раздражителем — мясом. Или другой пример. Все домашние — а только они и приносят еду для кошки — звонят у входной двери два раза. Поэтому у кошки выработался условный рефлекс на количество звонков. Она бросается к дверям, когда слышит два звонка и, следовательно, надеется что-то получить, но не обращает внимания, когда звонят один раз, то есть, посторонние, индифферентные для нее люди.

Любой рефлекс в конечном счете имеет для животного биологический смысл и является одной из форм его приспособления к внешней среде. Если бы животное, например, не было способно образовывать условные рефлексы, оно вскоре погибло бы, так как при малейшем изменении внешней среды действовало бы невпопад. Рефлекторная форма приспособления очень гибка: к одному условному рефлексу может присоединяться другой, третий и т. д.; происходит дифференциация и интеграция раздражителей, угасание и восстановление условного рефлекса и т. д. Но какой бы сложной ни была система условных рефлексов, она всегда упирается в практическую биологическую полезность данного раздражителя. Животное не осознает тот или иной предмет как нечто биологически важное для себя. Дело обстоит совсем не так: оно вообще ничего не осознает⁸, его деятельность, направленная

⁸ Интересной иллюстрацией этого положения является случай, рассказанный зоопсихологом Давидом Кацем. В одну клетку были посажены гигантский кенгуру и олень-самец. Пока кенгуру стоял на четвереньках, все было в порядке; но как только он пытался при-

на этот предмет, — пусть даже по существу индифферентный, но получивший функцию сигнала, — неотделима от удовлетворения той или иной физиологической потребности. Как говорит К. Маркс, «животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность»⁹. Это значит, что в психике животного нет и не может быть ничего, что выходило бы за границы биологического приспособления, хотя, как уже было сказано, это приспособление может быть чрезвычайно тонким. «Если у животного не существует инстинктивного отношения к данной вещи... и данная вещь не стоит в связи с осуществлением этого отношения, то в этом случае и сама вещь как бы не существует для животного»¹⁰. Советский физиолог Э. Г. Вацуро, исследовавший поведение обезьян, определил характер взаимодействия животных со средой как предметную отнесенность их поведения в отличие от предметного содержания деятельности человека. Это не совсем точно, но терминологически удобно.

Чтобы лучше понять, что это означает, сравним деятельность животного с автоматизированной деятельностью человека. Вы идете, задумавшись, по улице. По дороге вы встречаете людей, уступаете им дорогу; видите дома, автомобили; задерживаетесь на перекрестке, дожидаясь зеленого сигнала светофора — и все это происходит автоматически, бессознательно, или, как говорят, подсознательно — ибо вы в это время думаете о чем-то своем. Примерно так воспринимает окружающее и животное, с той только существенной разницей, что оно при этом не погружено в свои мысли, ибо их у него нет.

пять нормальное вертикальное положение, олень немедленно бросался на него. Оказывается, когда олень подымается на дыбы, это — сигнал нападения. Поэтому олень и в данной ситуации воспринял поведение кенгуру как вызов и, естественно, не стал дожидаться нападения, приняв соответствующие меры (D. Katz. *Animals and Men*. Melbourne — London — Baltimore, 1953, p. 146).

⁹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 565.

¹⁰ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959, стр. 196.

Продолжим аналогию дальше. Вы торопитесь перейти улицу, но вынуждены остановиться и пропустить проходящий транспорт. Если при этом вы думаете о чем-то другом, то воспринимаете транспорт просто как помеху, препятствие на вашем пути, не задумываясь о том, автобус перед вами или троллейбус, легковая машина или грузовик, а тем более — какой марки автомобиль. По мнению известного немецкого психолога Иксюля, восприятие животным окружающего мира носит именно такой характер. Например, собака может воспринять стену, шкаф, письменный стол как субъективно одинаковые предметы, если с «точки зрения» собаки все эти предметы имеют одинаковое назначение или вообще одинаковый смысл — например, если все они суть препятствия. А стул, кресло, диван — это все «предметы для лежания».

Если дело обстоит действительно так, — а сомневаться в этом у нас нет веских оснований, — ясно, что возможности звуковой коммуникации животных сильно ограничены. Им по существу нечего сказать друг другу: ведь животное может «понять» лишь то, что является для него сигналом, то есть служит первым звеном в цепи условного рефлекса. Поэтому стая попугаев — даже если все они умеют говорить — отнюдь не напоминает дискуссионный клуб: попугаи будут болтать кто во что горазд, не слушая и не пытаясь понять друг друга, как не пытаются понять друг друга воробьи, когда они наперебой чирикают на вашем подоконнике.

Это касается не только птиц, но и млекопитающих, в том числе обезьян. Разные исследователи указывали на многообразие звуков, издаваемых, например, шимпанзе, и на их тонкую «специализацию». Например, уханье соответствует волнению, хрюканье — удовлетворению, глухое мычанье — удивлению при встрече с неожиданным явлением или новым предметом и т. д. Но было бы натяжкой полагать, что шимпанзе таким способом «передает» определенную объективную «информацию» о предметной ситуации. Крупнейший знаток человекообразных обезьян Вольфганг Кёлер, в течение многих лет наблюдавший за поведением шимпанзе на специально оборудованной станции, в следующих словах формулирует свои выводы о «речи» шимпанзе: «Издаваемые ими звуки.. выражают только их стремления и субъективные состоя-

ния;... это — эмоциональные выражения, но никогда не знак чего-то «объективного»¹¹.

Звуки, издаваемые обезьяной, могут быть для другой обезьяны индифферентным раздражителем. Например, одного гамадрила крайне мало интересует, в каком настроении его сосед — другой гамадрил. Настроение соседа не имеет для него никакой биологической ценности; поэтому, когда сосед издает тихий носовой звук, свидетельствующий о чувстве удовлетворения, гамадрил не реагирует на этот звук и продолжает спокойно заниматься своим делом. Но не все звуки индифферентны для гамадрила; например, при крике «ак» в вольере с гамадрилами происходит переполох, так как этот крик, соответствующий эмоции страха, «включает» соответствующий условный (или даже, может быть, безусловный) рефлекс. Когда крайний журавль в журавлиной стае видит приближающегося охотника, он взлетает с громким хлопаньем крыльев: услышав это хлопанье, поднимается вся стая. Крик «ак» у гамадрила совершенно эквивалентен хлопанью крыльев, а отношение этого крика к реальной опасности (например, приближающемуся хищнику) то же, что отношение звонка к куску мяса в приведенном выше примере с собакой. «Звонком» служит тот из гамадрилов, кто первым увидел опасность и с перепугу закричал. Для этого гамадрила опасность — безусловный, биологически важный раздражитель, а крик «ак» — естественная, эмоциональная реакция, сопровождающаяся испугом и попыткой уйти от опасности; для других гамадрилов услышанный ими крик — с и г н а л опасности, так сказать, ее «заместитель». Они не «думают», не «понимают», что им «сказал» первый гамадрил, а просто пугаются: настораживаются, готовясь убежать, и сами начинают кричать «ак», выражая этим свой испуг.

Можно ли сказать, что гамадрилы реагируют на «сообщение» об определенной предметной ситуации? Можно, если не забывать о том, что само понятие предметной ситуации вносится в опыт человеком — экспериментатором. Он определенным образом классифицирует различные условия опыта, каждое из которых имеет для него, для его

¹¹ W. Köhler. Zur Psychologie der Schimpanzen.— «Psychologische Forschungen», Bd. I, 1921, S. 27; см. также: L. B o u t a n. Le pseudo-langage. Bordeaux, 1913.

человеческого интеллекта, определенный предметный смысл: например, просунутая сквозь сетку палка и забежавшая в клетку собака для экспериментатора образуют различные предметные ситуации. Но для гамадрила это — одна ситуация, ситуация опасности, не имеющая предметного смысла¹²; на любую опасность он будет реагировать одинаково — криком испуга «ак», как мы с вами одинаково вскрикнем «ой!» независимо от того, обожгли мы палец, укололи или прихлопнули дверь. Поэтому в общем безразлично, будем ли мы считать «ак» экспрессивно-эмоциональным выкриком или сигналом ситуации: одно влечет за собой другое; но зато не безразлично, будем ли мы говорить о предметном или сигнальном значении крика «ак».

Для чего мы остановились на анализе этого примера так подробно? Дело в том, что в последнее время вышел в свет ряд работ, посвященных «языку» животных, где применение самых современных методов анализа сочетается, к сожалению, с недооценкой некоторых очень важных принципиальных положений. Вот цитата из одной такой работы. Если вы внимательно следили за ходом рассуждения, то для вас не представит труда увидеть, в чем здесь неточность:

«Распространено мнение, что звуки животных, в том числе и обезьян, не имеют предметного значения. Обычно их рассматривают только как обнаружение эмоциональных состояний. Такое представление, во всяком случае по отношению к гамадрилам, нельзя признать обоснованным. Уже простое, неинструментальное наблюдение показывает, что звуки гамадрилов обладают достаточно определенным сигнальным значением...»

И дальше: «Таким образом, есть основание думать, что у гамадрилов крик *ак*, *ак*, *ак* обладает предметным сигнальным значением (? — А. Л.). Он появляется в повой, неожиданной ситуации и является сообщением об опасности... Следует думать, что эти животные оборудованы механизмом приема и выдачи сообщений. При этом очевидно, что они сообщают не о своих эмоциональных состояниях, а об изменившейся предметной ситуации»...

¹² Это, конечно, не значит, что гамадрил не отличает палки от собаки!

На последующих страницах автор без малейшей оговорки анализирует спектр обезьяньего крика, сравнивая его со спектром человеческих звуков: например, сопоставляется обезьяньи крик «ау» (связанный с инстинктом стадности) и дифтонги «ау» в английском и латышском языках. Как мы пытались показать выше, с таким же успехом можно искать общее между звуками человеческой речи и звуком хлопанья крыльев или звонком, а уж если сопоставлять в этом плане обезьян с человеком, то следует сравнивать обезьяньи крики не с языковыми звуками, а с междометиями, которые почти совершенно аналогичны по функции обезьяньим крикам, но никакого предметного значения не имеют.

Но оставим нашего автора и пойдем дальше.

2. «МАРТЫШКИН ТРУД»...

В 1920 г. индийский психолог Рид Сингх получил известие, что близ одной из деревень Индии замечены два загадочных существа, внешне похожие на людей, но передвигающиеся на четвереньках. Он немедленно выехал в эту деревню. И вот однажды утром охотники во главе с Сингхом, спрятавшись недалеко от волчьей норы, увидели, как старая волчица выводит на прогулку детенышей. Каково же было удивление охотников, когда вместе с волчатами из норы вышли две девочки — одна лет восьми, другая — примерно полутора.

Сингх взял с собой обеих девочек, всесторонне исследовал их и позже попытался воспитать, дав им имена Камала и Амала. Оказалось, что обе они были в младенчестве потеряны родителями и затем воспитаны волчицей. И вот, живя в семье волков и никогда не общаясь с людьми, Камала и Амала стали по своему поведению похожи на волков: они бегали на четвереньках, огрызались, пугались и пытались скрыться при виде людей, даже выли по ночам по-волчьи.

Младшая, Амала, умерла через год. Старшая, Камала, прожила еще девять лет, но так и не стала полноценным человеком. Правда, ее отучили огрызаться, выть и ходить па четвереньках, но для этого потребовалось несколько лет. Впрочем, если она куда-нибудь очень торопилась, то предпочитала все-таки становиться на четвереньки. Говорить как следует она не могла и в семнад-

цатилетнем возрасте правильно употребляла всего 40 слов ¹³.

Науке известно в настоящее время свыше 30 подобных случаев, и все они свидетельствуют об одном: если человек вырастает не в обществе людей, а в среде животных, он становится во всем похожим на этих животных. Если Ромул и Рем действительно существовали и были воспитаны волчицей, то особым интеллектом они, по-видимому, не отличались.

Мы видели, что в самой биологической природе обезьяны, как и любого животного, заложены особенности, препятствующие ей вести себя по-человечески. С другой стороны, пример Камалы и Амалы доказывает нам, что в биологической природе человека нет ничего, так сказать, препятствующего ему вести себя по-волчьи или по-обезьянни, ничего, что принципиально отличало бы его от обезьяны или любого другого животного. Значит, то главное, коренное, что возносит человека над миром животных и делает его человеком, лежит не в строении его организма.

Вывод напрашивается сам собой: по-видимому, это — о б щ е с т в о.

Но позвольте, — скажет скептически настроенный читатель. — Если мы обратимся к миру животных, там мы тоже увидим общества, ну, скажем, у обезьян-гамадрилов. В чем же разница между обществом гамадрилов и обществом людей?

Вернемся снова к стаду гамадрилов, чтобы взглянуть на него с другой стороны. Для чего, собственно, гамадрилам необходимо было объединяться в стадо? Для чего стаду нужен вожак?

Такой вопрос поставила перед собой советская исследовательница Н. А. Тих. И вот что показали ее наблюдения. Вожак в стаде выполняет строго определенные функции. Их три: прежде всего, «он наиболее чуток к тому, что происходит в окружении, и быстрее реагирует на признаки опасности, ... выступает на защиту отдельных членов стада при столкновении с внешним врагом». Затем «вожак оберегает стадо от рассеивания». И, наконец, он «защищает одних членов объединения от агрессии других, или,

¹³ Н. Р и ё г о н. De l'actinie à l'homme, t. II. Paris, 1958, p. 253.

наоборот, оказывает содействие агрессивным выступлениям одного животного прогив другого».

А теперь на минуту предположим, что «общество» (или, как обычно говорят зоологи, сообщество) гамадрилов распалось, и в этом обществе нет больше вожака¹⁴. Что при этом произойдет? Любому хищнику будет легко подобраться к стаду и поодиночке перебить всех обезьян. Это тем более не представит для него трудности, что стадо не будет держаться вместе, кучно, а разбредется по окрестностям. Значит, деятельность вожака имеет вполне определенный биологический смысл; не будь ее, гамадрилы не смогли бы выжить в борьбе за существование: ведь на родине, в Абиссинии, им приходится жить не в лесу, где легко спрятаться от врага, а на скалах, на больших открытых плато и т. д.

А какой биологический смысл имеет третья функция вожака? Это тоже легко понять: ведь для безопасности стада необходима внутренняя дисциплина. Интересно, что, по наблюдениям Н. А. Тих, «особой защитой вожака пользуются маленькие детеныши, лишённые матерей», а «наименьшим вниманием вожака пользуются подростки и очень старые самки»¹⁵. И это вполне объяснимо с точки зрения биологической целесообразности: старые самки уже не могут рожать детенышей и, следовательно, бесполезны; с другой стороны, они становятся в тягость стаду, так как не в состоянии поспевать за стадом, когда оно убегает от врага, не в состоянии вместе с другими добывать пищу и защищаться от нападения и т. д. Это и определяет отношение к ним вожака.

Итак, в стаде обезьян, по-видимому, господствует — как и вообще в мире животных — закон естественного отбора: кто лучше приспособится, у того больше шансов выжить. «Общество» гамадрилов — лишь одна из форм приспособления: оно не исключает других форм, а, наоборот, предполагает их. Обезьяна с каким-либо физическим недостатком — хромая, слепая и т. д. — обречена на гибель: заботиться о ней стадо не будет. Стадо дает своим членам преимущество в борьбе за существование;

¹⁴ На самом деле так никогда не бывает. Если лишить стадо вожака, немедленно «избирается» новый.

¹⁵ Н. А. Т и х. Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблем антропогенеза. Автореф. докт. дисс. Л., 1950, стр. 10.

но оно не отменяет самой борьбы, а в этом его коренное отличие от человеческого коллектива. Поэтому прав был профессор В. М. Боровский, когда он, критикуя попытки отождествить обезьянье «общество» с человеческим обществом, писал: «Мы сами «социализируем» стаю обезьян, перенося наши понятия, выработанные для нашего «экономического» общества, на «биологическую» стаю обезьян»¹⁶. Кстати, такой «социализации» не избежала и Н. А. Тих.

Конечно, бывают случаи кажущейся бескорыстной взаимопомощи и у обезьян. Но, во-первых, эта взаимопомощь никогда не распространяется на «трудовую» деятельность обезьян, о которой речь будет ниже: обезьяны обычно не помогают, а мешают друг другу решить поставленную экспериментатором задачу. А во-вторых, говорить о «помощи» здесь можно опять-таки только с нашей точки зрения. Вот что по этому поводу замечает Н. Ю. Войтонис: «У нас зарегистрированы случаи, когда обезьяна, ушедшая из вольеры, расплетает сетку клетки обезьяньего дома и выпускает сидящую в ней обезьяну, или когда обезьяна, ушедшая из вольеры, приносит ветку дерева обезьяне, сидящей в клетке. Цепь действий в каждом из этих случаев объединена общим мотивом только для человека; у обезьяны же действия имеют непосредственно импульсивный характер, и лишь случайность объединяет эти действия в удачное сочетание. Так, по нашим наблюдениям Ева, сидя в вольере, научилась в процессе обычного манипулирования над сеткой кормовой клетки расплетать ее. Выйдя из вольеры и погуляв по парку, она естественно устремилась к себе подобным. Очутившись перед сеткой клетки, она занялась привычным делом. Сидевшая в клетке обезьяна, конечно, воспользовалась образовавшимся отверстием. Точно так же объясняется и второй случай»¹⁷.

Итак, жизнь в среде себе подобных еще не делает из обезьяны человека. Для этого нужна не просто жизнь в сообществе, а общественный труд, общественное производство.

¹⁶ В. М. Б о р о в с к и й. Психическая деятельность животных. М.—Л., 1936, стр. 300.

¹⁷ Н. Ю. В о й т о н и с. Предыстория интеллекта. М.—Л., 1949, стр. 217.

На этом месте читатель-скептик снова прерывает нас. Чем же у муравьев, например, не общественное производство? — спрашивает он. Тут и взаимопомощь, и совместный труд, и даже разделение труда!

Посмотрим, однако, на муравьев не глазами нашего скептика (который, в сущности, скептик лишь в том, что касается человека, а то, что видит у животных, воспринимает без малейшей критики), а глазами Марка Твена. Правда, великий юморист несколько сгустил краски, но в принципе данное им описание «трудовой деятельности» двух муравьев, несущих в муравейник ногу прошлогоднего кузнечика, вполне соответствует действительности. Вот это описание:

«...Повинуясь некоему голосу древнего муравьиного разума, приятели берутся за ногу кузнечика с обоих концов и тянут ее изо всех сил — каждый к себе. Потом они устраивают перекур и обмениваются мнениями. Они видят, что дело у них не клеится, но по какой причине — им невдомек. И они снова берутся за свой груз тем же манером, что и раньше, и с тем же успехом. Начинаются взаимные попреки... Спор становится все жарче и переходит в драку. Приятели, сцепившись намертво, некоторое время обгрызают друг другу челюсти, а потом катаются по земле и кувыркаются, пока один из них, не досчитавшись ноги или усика, не запросит пARDону. Мир заключен, и муравьи снова берутся за работу, все на тот же безмозглый лад; но теперь калеке приходится туго: сколько он ни тянет на себя поклажу, здоровый муравей, как более сильный, перетягивает и волочит и его вместе с ношей; а приятель, чем отпустить, отчаянно за нее цепляется и разбивает себе голени о неровности почвы. Наконец, протащив ногу кузнечика вторично по тому же маршруту, упарившиеся муравьи сваливают ее примерно на том же месте, где она сперва лежала, и, рассмотрев повнимательнее, решают, что эта высохшая нога не такой уж клад, чтобы особенно за нее держаться, после чего оба расходятся в разные стороны...»¹⁸.

¹⁸ М. Твен. Пешком по Европе. Собр. соч., т. 5. М., 1960, стр. 151. — Твен не без юда комментирует свое описание: «Я, конечно, имею в виду нашего обычного муравья, так как никогда не встречал пресловутых швейцарских и африканских муравьев, которые голосуют, содержат обученные армии, эксплуатируют рабский труд и ведут религиозные диспуты» (там же, стр. 149).

Ясно, что при такой «организации производства» не может идти речь ни о взаимопомощи, ни, тем более, о совместном труде. Что касается разделения труда, то попробуйте заставить крылатого муравья-самца заботиться о снабжении муравейника пищей или, еще лучше, попытайтесь научить рабочего муравья-самку откладывать яйца. Это вам, увы, не удастся; самцы биологически неприспособлены для труда, а рабочие муравьи биологически неспособны участвовать в производстве потомства. Да и все муравьиное «общество» не более похоже на человеческое, чем, например, колония кораллов, образующая коралловый риф; и там, и здесь животные «объединяются» в силу чисто биологических причин.

Видимо, даже трудовая деятельность в сообществе еще не есть общественный труд. Почему? Корни этого лежат в х а р а к т е р е этой деятельности.

Замечено, что любое животное очень легко научается в неволе всему тому, что ему приходится делать в естественных условиях, что свойственно его виду. Енот-полоскун занимается «стиркой» на сцене Дуровского уголка, потому что у всех представителей этого вида существует безусловный рефлекс — полоскать пищу в воде перед едой. Но енота нельзя или очень трудно заставить бить в барабан: это «специальность» зайца, у которого «барабанный бой» — врожденный безусловный рефлекс, играющий ту же роль, что крик «ак» у гамадрила. «Трудовая» деятельность любого животного — от муравья до шимпанзе — лимитирована опытом вида, отложившимся в строении тела животного и в системе присущих ему безусловных рефлексов. Потому-то «обезьяны легко справляются с трудными задачами, но соответствующими их натуральным условиям, и не справляются с легкими задачами, не свойственными их природной обстановке»¹⁹.

Правда, чем выше стоит животное на лестнице эволюции, чем ближе оно к человеку, тем больше у него «свобода действий», тем более сложные условные рефлекссы можно у него выработать на базе имеющихся безусловных. Например, шимпанзе во время эксперимента приучался даже «изготавливать орудия»: ему давали кусок трубы, в середине которого находился апельсин, и

¹⁹ Г. З. Р о г и н с к и й. Навыки и зачатки интеллектуальных действий, у антропоидов (шимпанзе). Л., 1948, стр. 191.

толстую доску. Шимпанзе отщеплял от доски лучину и ею выталкивал апельсин из трубы. Но затем он бросал лучину в угол и навсегда забывал о ней²⁰.

Но тут вступает в действие уже известная нам закономерность, «запрещающая» животному делать то, что не имеет для него биологического смысла²¹. Когда мы говорим о целесообразности действий шимпанзе, то этим отчетливо противопологаем друг другу цель и способ ее достижения. Но сам шимпанзе не может выделить в «трудовом действии» причину и следствие, цель и способ. Поэтому он обычно «запоминает» трудовую ситуацию как единое целое, выступающее как цепь условных рефлексов, не «задумываясь» над расчленением этой цепи на отдельные звенья. Так, шимпанзе Рафаэль проделывал в ходе эксперимента массу сложных действий: разыскивал кружку, наливал в кружку воду из бака, стоявшего на плоту, переходил по дощечке на другой плот и там заливал огонь этой водой (за что получал от экспериментатора апельсин), хотя имел полную возможность никуда не ходить, а просто нагнуться и зачерпнуть рукой воды из озера. Предвидеть результат действия, если оно совершается впервые, шимпанзе не может, как не может собака, услышав в первый раз звонок, предвидеть, последует ли за ним кусок мяса. Он, по выражению Н. Н. Ладыгиной-Котс, «крепок задним умом»: лишь на практике испытыв пути решения, он начинает применять их правильно²². Впрочем, для нас в этом нет ничего неожиданного: мы уже видели, что животное вообще воспринимает окружающие предметы только «субъективно», с точки зрения их прямого биологического смысла.

²⁰ Н. Н. Ладыгина - Котс. Развитие психики в процессе эволюции организмов, стр. 200.

²¹ У обезьян и у других высших животных мы можем наблюдать так называемую ориентировочно-исследовательскую деятельность, кажущуюся проявлением бескорыстного любопытства. Именно такая деятельность описана И. А. Крыловым в басне «Мартышка и Очки»:

То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,

То их понюхает, то их полизет...

Но в конечном счете ориентировочно-исследовательская деятельность, обуславливаемая ориентировочным рефлексом, тоже — один из актов индивидуального приспособления животного к среде.

²² Н. Н. Ладыгина - Котс. О познавательных способностях шимпанзе. — В кн.: А. Брам. Человекообразные обезьяны. М. — Л., 1924, стр. 192.

Итак, для любого животного «трудовое действие» — это либо результат приспособления вида к среде, либо результат приспособления индивида к среде.

В первом случае в основе «трудового действия» лежит безусловный рефлекс, точнее, система безусловных рефлексов (инстинкт). Животное производит только одно определенное действие или систему действий и не только не может по желанию варьировать его или заниматься другим делом, но и совершенно не интересуется, для чего именно оно поступает так, а не иначе. Бобр воздвигает плотину не потому, что питает склонность к технике или его по складу характера особенно интересует ирригация, а потому, что животные этого вида сотни тысяч лет воздвигают такие же плотины, и это до сих пор обеспечивало безопасность их жилищ. При этом «если молодому бобру, находящемуся в зоопарке и никогда не видевшему реки, дать ведро с водой и немного глины, то он в определенный сезон года будет «строить» в клетке нечто вроде плотины, усердно прихлопывая глину своим сильным плоским хвостом, хотя, конечно, никакой норы ему защищать не надо и не от кого»²³.

Во втором случае «трудовое действие» только обусловлено безусловным рефлексом, строится же оно на основе цепочки условных рефлексов. Важно обратить внимание, что те сложнейшие условные рефлексy, которые успешно вырабатывают у шимпанзе в условиях эксперимента, не обязательны для него в естественных условиях и, как правило, вне эксперимента никогда не образуются. Поэтому они ограничены рамками индивидуального опыта и не могут стать частью видового опыта; по той же причине ценят дрессированной собаки приходится все же специально дрессировать.

Кроме того, шимпанзе, который с помощью экспериментатора «изобрел» новое орудие — скажем, соединил вместе две палки — не в состоянии поделиться своим «открытием» с другими; ведь для этого другие обезьяны должны вместе с орудием получить и умение им пользоваться, а это умение, как мы видели, вырабатывается у каждой обезьяны в отдельности в ходе индивидуального приспособления к среде.

²³ Ю. П. Фролов. От инстинкта до разума (Очерк науки о поведении). М., 1952, стр. 52.

До тех пор, пока труд будет актом непосредственного биологического приспособления; до тех пор, пока орудие труда — это только случайное, подсобное средство, — невозможен качественный скачок в развитии труда, делающий его общественным трудом, а человека — господином природы.

Поговорим об этом скачке несколько подробнее.

3. ... И ТРУД ЧЕЛОВЕКА

«То, что существует, как зачаток, у одного животного вида, может стать отличительным признаком другого вида животных. Это в особенности приходится сказать об употреблении орудий. Слон ломает ветви и отмахивается ими от мух — это интересно и поучительно, но в истории развития вида «слон» употребление веток слонем в борьбе с мухами не сыграло никакой существенной роли. Слоны не потому стали слонами, что их более или менее слоноподобные предки обмахивались ветками. Не то с человеком», — говорит Г. В. Плеханов²⁴.

Действительно, труд — главное видовое отличие человека от других животных, определяющий признак вида *Homo sapiens* — «человек разумный». Как следует понимать это положение и, прежде всего, — что такое вид?

Вид — это не простая совокупность существ, обладающих теми или иными общими чертами. Как говорит замечательный советский биолог академик В. Л. Комаров в своей книге «Учение о виде у растений», «если бы не было наследственности, то не было бы и вида. Все особи, относимые нами к одному виду, именно потому и принадлежат к нему, что связаны некоторой суммой общих всем им свойств, унаследованной от общего родоначальника»²⁵. Например, мы знаем три вида шимпанзе: *Anthropopithecus troglodytes*, или «шимпанзе обыкновенный», *Anthropopithecus calvus*, или «шимпанзе лысый» и *Anthropopithecus (Pan) paniscus*, или «шимпанзе карликовый». Что позволяет нам уверенно относить любого шимпанзе к одному из этих видов? Дело в том, что все

²⁴ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — В кн.: «Избранные философские произведения», т. I. М., 1956, стр. 609.

²⁵ В. Л. Комаров. Учение о виде у растений. М. — Л., 1944, стр. 207.

шимпанзе вида *calvus* рождаются почти без волос на голове, а все шимпанзе вида *paniscus* — с наполовину сросшимися вторым и третьим пальцами ноги. У «лысого шимпанзе» так же не может родиться обезьянка со сросшимися пальцами, как в семье «обыкновенного шимпанзе» мы никогда не увидим лысого детеныша²⁶.

Природа каждого отдельного животного определяется его принадлежностью к тому или иному виду. В течение своей жизни животное только реализует эти видовые свойства. При этом, конечно, видовые свойства не остаются неизменными с течением времени: они медленно, но неуклонно изменяются, правда, лишь постольку, поскольку изменяются условия обитания данного вида. И каждое вновь рождающееся животное воспроизводит в строении своего тела, во всей своей биологической природе те изменения, которые накопились за всю историю вида. Пока не наступил ледниковый период, у мамонтов рождались голые детеныши; но когда изменение условий обитания заставило мамонтов постепенно приобрести новый признак — густую шерсть, детеныши мамонта стали появляться на свет в теплой шубе. Все же остальные признаки у них сохранились неизменными.

Еще раз обратим внимание: то, что специфично для вида и воспроизводится в индивидуе — это прежде всего морфологические признаки, т. е. особенности строения тела животного. Из миллиардов бобров выжили и дали жизнеспособное потомство те, у которых были острые резцы и хвост лопатой, потому что такие особенности строения тела бобра единственно рациональны с точки зрения выполняемой им задачи и позволяют построить плотину с наименьшей затратой времени и сил. Вообще прогрессивное развитие в мире животных сводится к улучшению биологической приспособленности животных данного вида к условиям жизни этого вида.

Посмотрим теперь на человека, на вид *Homo sapiens*. За те несколько десятков тысяч лет, которые человек существует, он достиг таких колоссальных высот прогресса, так невероятно далеко ушел вперед по сравнению с первыми настоящими людьми — кроманьонцами

²⁶ Как мы видели, в число признаков вида входят также врожденные особенности поведения животных этого вида.

(не говоря уже о первобытном человеке), что эту эволюцию нельзя даже сравнивать с эволюцией в мире животных. За время, прошедшее от появления первого каменного топора на деревянной ручке до первого полета человека в космос, лошадь, например, едва успела сменить три пальца на копыто. Но при таких невероятных темпах эволюции биологические особенности человека, его видовые морфологические признаки по существу не изменились; если бы можно было одеть кроманьонца в европейский костюм и пройти с ним по улицам большого города, никто, пожалуй, и не обернулся бы.

Значит, эволюция вида *Homo sapiens* протекала не в биологической сфере, а в какой-то иной сфере, и накопление видовых признаков, видового опыта, происходило не в форме морфологических изменений, а в какой-то иной форме.

Эта сфера — сфера социальной, общественной жизни человека; эта форма — закрепление достижений человеческой деятельности в общественно-историческом опыте человечества.

На новом этапе видовой опыт отражается уже не в изменении, скажем, строения руки человека, а в изменении того орудия, которым рука действует. Каждое новое поколение «получает в наследство» от предыдущих уже не только окружающую среду и обусловленные ею безусловные рефлексы, но еще и те орудия, которыми пользовалось предыдущее поколение; а значит, оно приспосабливается к этим новым орудиям, вырабатывая у себя соответствующую систему условных рефлексов. «В орудиях труда,— говорит Плеханов,— человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение. С того времени, как он возвысился до их употребления, он придает совершенно новый вид истории своего развития: прежде она, как у всех остальных животных, сводилась к видоизменениям его естественных органов; теперь она становится прежде всего историей усовершенствования его искусственных органов»²⁷.

Возьмем способ добывания огня с помощью трения, еще и сейчас используемый некоторыми народами мира

²⁷ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 610.

(рис. 1, 2). Одна из разновидностей этого способа — сверление деревянной дощечки деревянной палочкой. В Африке, у бушменов, мы находим простейший вид такого сверления: палочка зажимается между ладонями, и сверление осуществляется быстрым попеременным движением ладоней взад и вперед. Эскимосы Северной Америки пользуются более сложным «механизмом»: они закручивают вокруг палочки тетиву лука, которая служит чем-то

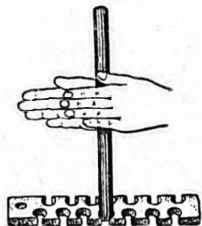


Рис. 1. Простейший способ добывания огня сверлением у бушменов (по Тэйлору)

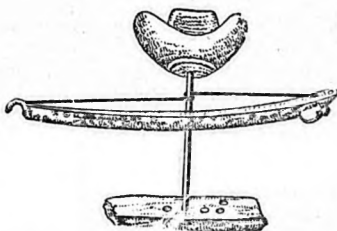


Рис. 2. Способ добывания огня сверлением у эскимосов (по Тэйлору)

вроде пружины²⁸. Представим себе человека, который впервые изобрел способ вращения палочки с помощью лука и успешно им пользовался. Его потомок, имея в своем распоряжении это изобретение, конечно, и не подумает возвращаться к старому, более трудоемкому способу вращения палочки; более того, он, может быть, внесет в него новые усовершенствования, — допустим, догадается удлинить тетиву. Его потомок, в свою очередь, убедится, что вместо тетивы, сплетенной из растительных волокон, лучше использовать жилу убитого оленя, более прочную и упругую, и так далее.

Таким образом, орудие, переходя из рук в руки, все совершенствуется и совершенствуется. Но этим прогресс не исчерпывается. Ведь если усовершенствованное орудие позволяет производить нужное действие с меньшей затратой сил, то для того, чтобы создать само это орудие, нужно приложить больше сил и умения²⁹. Скажем, пе-

²⁸ Э, Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 143—144.

реход от тетивы из растительных волокон к тетиве из жилы предполагает создание целой маленькой «промышленности» по обработке жил. Поэтому прогрессивное развитие формы орудий в конечном счете влечет за собой все большее разнообразие форм труда; окружающие человека вещи поворачиваются к нему все новой полезной стороной. А разнообразие форм труда приводит к тому, что человек развивает у себя все новые способности. Эти способности, реализуясь в процессе труда, приводят к все новому усовершенствованию орудий и к все более полной и многообразной обработке продукта труда.

Выше мы уже подчеркивали, что у животных прогрессивное развитие сводится лишь к усовершенствованию приспособления данного вида к среде. Потому-то темпы эволюции в животном мире несоизмеримы с темпами эволюции у человека. Ведь человек, в противоположность любому животному, никогда не сталкивается с природой один на один: даже Робинзон на необитаемом острове имел в своем распоряжении многовековой опыт всего человечества. Его отношение к природе опосредовано его отношением к обществу. У него всегда есть возможность почерпнуть необходимые навыки, умения, способности из общей кладовой социально-исторического опыта человечества, не дожидаясь, пока природа поставит его перед необходимостью выработать эти способности в порядке индивидуального приспособления. И возвращаются эти способности «с процентами»: изменение условий жизни и деятельности одного человека или группы людей обогащает не только их личный опыт, но и коллективный, социально-исторический опыт. Можно сказать, что человек всегда на один шаг опережает природу, не давая ей застать себя врасплох, в то время как животное на шаг отстает от природы и вынуждено следовать за ней.

Дело в том, что — в отличие от «труда» животных — труд человека далеко не всегда связан с непосредственным биологическим эффектом. Наоборот, самое основное в нем — производство орудий, которому мы главным образом и обязаны всесторонним развитием своих физиче-

²⁹ А создавать его заново, конечно, придется; ведь все на свете изнашивается, а в особенности деревянная палочка. Кроме того, видя, как одна семья трудится с помощью усовершенствованного орудия, другие семьи попытаются скопировать его.

ских и психических способностей,— не имеет своей ближайшей целью удовлетворение биологической потребности: оно — лишь один из целого ряда шагов на пути к ее удовлетворению. По-видимому, это и побудило Бенджамина Франклина определить человека как «животное, делающее орудия» (a tool-making animal). Но это значит, что в отношении человека к среде должно было произойти какое-то изменение, в результате которого для него оказалось возможным «отказаться» от обязательной биологической целесообразности своих действий и, несмотря на это, выжить в борьбе за существование, не стать жертвой естественного отбора. Это изменение как раз и заключалось в том, что труд стал о б щ е с т в е н н ы м. Люди стали трудиться не только рядом, но и вместе, сообща; исчезла необходимость бороться с силами природы и обеспечивать свое существование самому, в одиночку. Но это означало другую необходимость — сделать труд таким, чтобы он приносил максимальную пользу обществу, а следовательно, и самому человеку; учитывать не только свой личный биологический интерес, но и общественный интерес. Забегая вперед, скажем: когда общественный интерес и его соотношение с интересом личным впервые стали отражаться в мозгу человека, это и был первый проблеск человеческого разума, человеческого сознания.

Но этим роль общества еще не исчерпывается. Оно не только позволяет освободиться от гнета борьбы за существование; не только позволяет передавать от одного человека к другому, от одного поколения к другому навыки пользования орудием и само орудие. Оно порождает совершенно новый фактор, позволяющий передавать друг другу не одни только простейшие трудовые навыки, а любые достижения человеческого знания и мышления,— а именно я з ы к.

«...Люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями. Участвуя в труде, в производстве и различных формах общественной деятельности, они усваивают богатства этого мира — и таким образом развивают в себе те специфически человеческие способности, которые в этом мире кристаллизованы, воплощены. Так же обстоит дело и с развитием их мышления и приобретением знания и й. Никакой личный опыт человека, как бы богат он

ни был, не может, конечно, привести к тому, что у него сформируется отвлеченное логическое или математическое мышление и самостоятельно сложатся соответствующие системы понятий. Для этого потребовалась бы не одна, а тысячи жизней. В действительности мышление и знания у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов познавательной деятельности прежних поколений»³⁰ (разрядка наша.— А. Л.).

Несколько иначе ту же мысль выразил К. А. Тимирязев: «Если заурядный, но получивший современное образование человек,— говорит он,— обладает в наше время сведениями о природе, которым позавидовал бы Аристотель, то причина тому лежит не в исключительном каком-нибудь умственном превосходстве, даже не в том, что непосредственно окружало его в период его личного развития, а, конечно, в тех двадцати двух веках, которые недаром же прожило с тех пор человечество»³¹.

Вот эти достижения мышления, эти крупницы человеческого знания и передаются через язык, через языковую деятельность. И если трудовые навыки человека закреплены в орудии, точнее — в его функции³², то мышление, знания человека закреплены в общественном сознании.

Но прежде чем человек научился с помощью языка передавать и усваивать достижения мышления, язык, как и мышление, должен был пройти долгий путь исторической эволюции. О том, какие ступени он преодолел на этом пути, мы расскажем в следующей главе.

³⁰ А. Н. Леонтьев. Человек и культура. М., 1961, стр. 7.

³¹ К. А. Тимирязев. Исторический метод в биологии. Избр. соч., т. III. М., 1952, стр. 406.

³² «Для человека орудие есть не только предмет, имеющий определенную внешнюю форму и обладающий определенными механическими свойствами; оно выступает для него как предмет, в котором запечатлены общественно выработанные способы действия с ним, трудовые операции» (А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 288).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

1. ЧТО МЫ ДОСТОВЕРНО ЗНАЕМ О ПРЕДКАХ ЧЕЛОВЕКА

В первой главе, сравнивая психику животных с психикой человека, мы рассуждали так, как будто бы обезьяна сразу, одним скачком превратилась в человека. На самом деле этот процесс отнюдь не был кратковременным. Правда, мы не можем с точностью назвать его продолжительность, так как разные ученые определяют эту продолжительность по-разному; но, по-видимому, он занял не меньше миллиона лет — почти весь так называемый четвертичный период и часть третичного¹.

Процесс превращения обезьяны в человека начинается с австралопитека. Австралопитек — это жившая в третичном периоде человекообразная обезьяна, остатки скелета которой найдены в Южной Африке. Она, так сказать, стоит на самой последней ступеньке перед человеком. В отличие от современных человекообразных обе-

¹ В палеоантропологии (науке об ископаемых предках человека), как и в других науках, занимающихся далеким прошлым Земли, принята особая система периодизации. По этой системе возраст той или иной находки определяется указанием на тот слой почвы, где она найдена. Нас интересуют только самые поздние, наиболее близкие к нашему времени геологические периоды: третичный и четвертичный. Восходящие к четвертичному периоду находки в зависимости от материала и формы орудий относятся либо к палеолиту (древнекаменный век), либо к неолиту (новокаменный век). Палеолит, в свою очередь, распадается на следующие культурные эпохи:

I. Ранний (нижний) палеолит: дошельская культура, шелль, ашель, мустье.

II. Поздний (верхний) палеолит: ориньяк, солютре, мадлеп.

III. Мезолит.

Названия отдельных культур (шелль, ашель и т. д.) происходят от названий местностей во Франции, где были найдены орудия соответствующего типа.

зьян, австралопитек передвигался не на четырех, а на двух ногах — почти как человек. Об этом свидетельствует строение его скелета. С человеком австралопитека сближает и строение зубов: передние зубы не такие большие и не так выдаются вперед, как у гориллы или шимпанзе. Но по размеру мозга австралопитек ближе к обезьяне, чем к человеку. Если судить по тем ископаемым животным и растениям, которые найдены одновременно с остатками австралопитеков в тех же слоях, австралопитеки жили не в лесу, как современные человекообразные обезьяны, а в степи.

Из таких ископаемых животных для нас особенно интересны маленькие (ныне вымершие) обезьянки-павианы, и вот почему. «При исследовании 58 черепов павианов, найденных вместе с австралопитековыми..., оказалось, что около 80% черепов несли на себе явные следы сильных раскалывающих ударов и окаменели уже после того, как эти удары были им нанесены... Многие следы ударов на черепах павианов имели вид двойных вмятин, причем расстояния между ними оказались в точности соответствующими ширине между мышелками длинных костей копытных, найденных по соседству»². Значит, австралопитеки охотились на павианов с помощью костей (и камней, тоже найденных в раскопках).

Попробуем по всем этим данным представить себе австралопитека. Он ходил на двух ногах, — а следовательно, не мог бегать так быстро, как большинство животных и, в частности, те «копытные», на которых он охотился. У него не было ни крупных и острых зубов, ни когтей, — значит защищаться от нападения или самому нападать ему было трудно. И если при таких условиях австралопитек выжил и смог эволюционировать дальше, к современному человеку, это свидетельствует о том, что в его распоряжении были какие-то могущественные средства, способные заменить и умение быстро бегать, и острые клыки. Вы, конечно, уже догадались, что это были за средства. Во-первых, австралопитек владел орудиями — камнем и дубиной, используя их для самозащиты, для охоты на других животных, для выкапывания корней из земли и т. д., о чем говорят описанные выше находки. Во-вторых, для охоты

² Я. Я. Р о г и ц с к и й и М. Г. Л е в и н. Основы антропологии. М., 1955, стр. 204.

на копытных животных и для защиты от хищников австралопитеки должны были объединиться в стадо; это подтверждается одновременной находкой в пещере Стеркфонтейна (около города Претория в Южной Африке) двенадцати черепов. Впрочем, и с теоретической точки зрения «вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»³.

Итак, у австралопитека мы видим и зачатки трудовой деятельности, т. е. использование орудий, и зачатки общественной жизни, т. е. стадность. Но эти формы приспособления австралопитека к среде принципиально ничем не отличаются от аналогичных форм приспособления у животных, стоящих ниже его на лестнице эволюции. С физиологической точки зрения использование орудий и стадность — это лишь результат появления некоторых новых условных рефлексов и превращение некоторых условных рефлексов в безусловные, что сплошь да рядом встречается в животном мире и не требует принципиальной перестройки механизмов поведения. Поэтому и объем мозга австралопитека не превосходит объема мозга других человекообразных обезьян. Кстати, используют орудия иногда и другие животные: например, южноамериканская обезьяна капуцин имеет обыкновение разбивать орехи с помощью камней.

Австралопитеком завершается эволюция в животном мире. Следующий шаг привел к появлению древнейшего человека — питекантропа, т. е. «обезьяночеловека».

Мы не останавливаемся здесь отдельно на описании всех известных науке форм и разновидностей первобытного человека. Все многообразие этих форм может быть сведено к двум основным стадиям развития: древнейший человек, или питекантроп (сюда, кроме собственно питекантропа, относятся синантроп и гейдельбергский человек, появившиеся несколько позже) и древний человек, или неандерталец. За неандертальцем следует кроманьонский человек, который уже не может быть назван первобытным. Когда мы говорим, например, «неандертальский человек», то обычно имеем в виду типичные черты этой стадии развития.

³ Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы. Соч., т. 20. М., 1961, стр. 488 — 489.

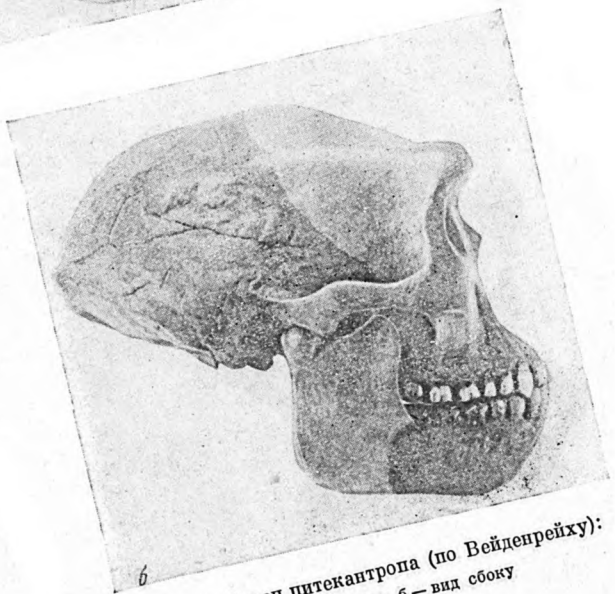
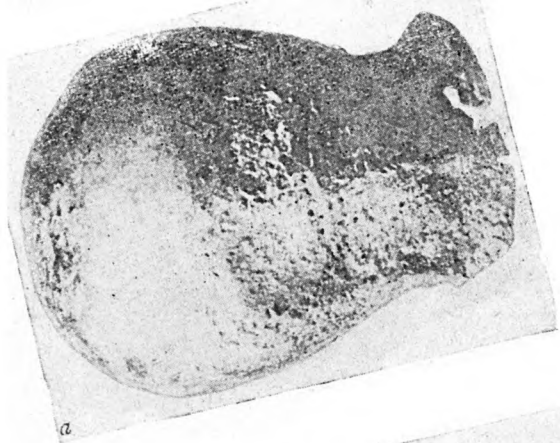


Рис 3. Череп питекантропа (по Вейденрейху):
а — вид сверху; б — вид сбоку

В современной антропологии существует мнение, что непосредственным предком человека в животном мире был не австралопитек, а какая-то другая высшая обезьяна. Это не меняет сущности сказанного.

Первое, что бросается в глаза при сравнении питекантропа с человекообразными обезьянами, — это объем и форма черепа. Емкость мозговой полости черепа составляет у питекантропа 900 куб. см (горилла — 500 куб. см; современный человек — 1400 куб. см). Лоб у питекантропа покатый, узкий, крышка черепа плоская (рис. 3).

Исходя из того, что мы знаем об австралопитеке, следовало бы ожидать, что вместе с питекантропом должны быть обнаружены и орудия, которыми он пользовался. Но пока ничего похожего не найдено (мы говорим о собственно питекантропе). Что касается синантропа, то его орудия науке известны. Это слегка обтесанные по краям куски камня (рис. 4). Археологи обычно относят их к дошелльскому типу⁴.

Следующий тип орудий (орудия шелльской эпохи) примерно соответствует по возрасту останкам гейдельбергского человека. Шелльское орудие — это чаще всего камень, грубо оббитый с двух сторон; с одного конца у него острая режущая часть, с другого — утолщение для того, чтобы было удобно это орудие держать (рис. 5). Такие орудия обычно называют «рубиллами». «Шелльское рубило имело, вероятно, универсальное применение, служа и ударным, и режущим, и колющим орудием, а одновременно, вероятно, и метательным оружием»⁵.

Ашельские орудия тоже обычно называются «рубиллами», они тоже универсальны. Но эти «рубилла» меньше по размерам и лучше отделаны, чем шелльские (рис. 6).

Питекантропа сменяет неандертальский человек, или неандерталец (это слово происходит от названия долины Неандер в современной Германии).

Емкость мозговой полости неандертальца — 1600 куб. см;

⁴ Примерно в том же месте, что кости и орудия синантропа, а именно в пещере Чжоукоудянь (Китай), в 1934 г. было обнаружено еще более грубо обработанное орудие, причем вместе с ним находились кости животных, живших одновременно с питекантропом. Это косвенно свидетельствует о том, что у питекантропа уже были искусственно выделанные орудия.

⁵ М. О. К о с в е н. Очерки истории первобытной культуры, изд. 2. М., 1957, стр. 18.

в этом отношении неандерталец превосходит даже современного человека. Ниже мы попытаемся объяснить, почему так получилось. Несмотря на громадную разницу в объеме мозга, по форме черепа неандерталец ушел от питекантропа недалеко. Например, угол наклона лба у синантропа — $60,5^\circ$, у неандертальца — 63° ,

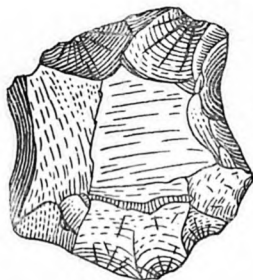


Рис. 4. Орудие синантропа (по Рогинскому и Левину)



Рис. 5. Шелльское рубило (по Косвену)



Рис. 6. Ашельское рубило (по Косвену)

а у современного человека — примерно 90° ⁶. Но некоторые существенные изменения заметны: у неандертальца не такой узкий лоб, как у питекантропа; верхняя часть черепа тоже шире (рис. 7).

Очень интересна рука неандертальца. «Она была относительно крупной, очень мощной, грубой и неуклюжей, с широкими, как бы обрубленными пальцами, заканчивающимися чудовищными ногтями. ...Мощная мускулатура давала ей колоссальную силу захвата и удара. Захват уже был, но он осуществлялся не так, как у нас. При ограниченной противопоставленности большого пальца, при необычайной массивности остальных, нельзя брать и держать пальцами. Клик-кобинец⁷ не брал, а «сгребал»

⁶ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин. Основы антропологии, стр. 238.

⁷ Неандерталец из пещеры Клик-Коба в Крыму.

предмет всей кистью и держал его в кулаке. В этом за-
жиме была мощь клещей»⁸.

Орудия неандертальца, т. е. орудия мустьерской
культуры, свидетельствуют о значительном техническом
прогрессе. Универсальное ручное рубило устаревает



Рис. 7. Череп неандертальца из Ла-Шапелль (по Булю)

и постепенно исчезает. Его место занимают специализи-
рованные орудия: остроконечник и скребло (рис. 8).

Наряду с каменными орудиями появляются и первые
костяные, — по-видимому, шила. По некоторым косвенным
данным можно заключить, что уже существовали и дере-
вянные орудия.

Особенно важно, что в шелльскую и ашельскую эпохи
орудия выделялись так: брался камень (по терминологи-
и археологов «ядрище») и оббивался по краям. У шелль-
цев осколки, вероятнее всего, совсем не использовались,
ашельцы иногда делали из них более мелкие орудия. Но
в основном использовалось ядрище. А для культуры
мустье типичны, наоборот, орудия, выделанные из отще-

⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Кисть ископаемого че-
ловека из грота Кник-Коба. — В сб.: «Палеолит Крыма», вып. II.
М.—Л., 1941. Цит. по: Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин.
Основы антропологии, стр. 258.

пов, а не из ядрища. «Все внимание при выделке орудий теперь обращено не на самый желвак или кусок обрабатываемого кремня, а на сколы или пластины, отбиваемые от него посредством ударов»⁹.

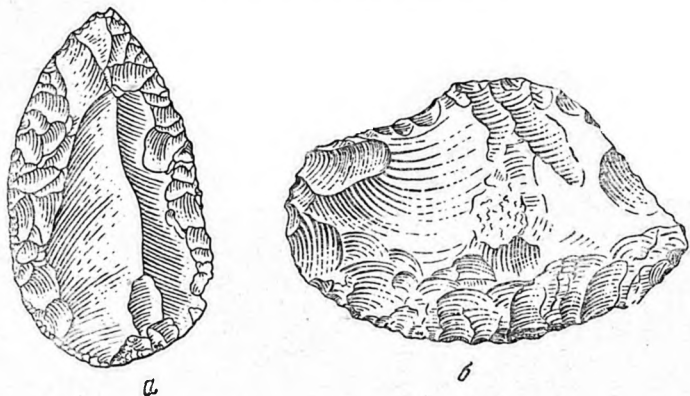


Рис. 8. Мустьерские орудия (по Ефименко):

а — остроконечник; б — скребло

Заметим себе этот факт: он очень важен для выяснения вопроса о мышлении первобытного человека, — а значит, и о его языке.

2. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОБЫТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Мы уже знаем, что главная особенность человека по сравнению с животными — это умение производить орудия.

По всей вероятности, появлению искусственно обработанных орудий предшествует совместный, в полном смысле слова общественный труд с помощью естественных предметов. Как говорил Людвиг Нуаре, «вполне понятно и естественно, что лишь впоследствии научились готовить орудия для целесообразного пользования ими, и что, вообще, этого не могли делать раньше, чем испробовали в течение продолжительного времени на разном

⁹ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939, стр. 172.

разных объектах действия различных естественных предметов»¹⁰.

Не следует думать, что в какой-то момент какому-то питекантропу вдруг «пришло в голову» заострить камень, которым он выкапывал корни из земли. В течение многих тысяч лет труд имел, по выражению Маркса, «животнообразную инстинктивную форму». Вплоть до неандертальского периода трудовые действия наших предков с физиологической точки зрения почти не отличались от «трудовых действий» любого животного. «Применения, к которым лучше всего, по-видимому было приспособлено большинство орудий нижнего палеолита..., могли быть лишь уточнением врожденных инстинктивных реакций»¹¹.

Что это практически означало? Действия древнейшего человека направлялись не отвлеченным представлением о наиболее целесообразном способе труда или о наиболее целесообразной форме орудия, а непосредственным удобством использования и бессознательным подражанием. Если, скажем, рубило позволяло успешно разрезать звериную шкуру или свежевать тушу, оно сохранялось и использовалось дальше; если же оно по каким-либо причинам было неудобным, например тупым или слишком легким, или не имело утолщенной части и поэтому резало руку — оно либо совершенствовалось дальше, либо совсем отбрасывалось¹².

Потому-то в домустьерское время, как мы только что видели, в первую очередь использовалось ядрище. Ведь для того, чтобы из наличных кусков камня отобрать наиболее подходящий для изготовления орудия, необходимо уметь сравнить, сопоставить каждый из кусков с хранящимся в памяти представлением идеального орудия —

¹⁰ Л. Н у а р е. Происхождение орудия.— В кн.: Э. К а п п, Г. К у н о в, Л. Н у а р е, А. Э с п и н а с. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925, стр. 48.

¹¹ Ч а й л д В., Г о р д о н. Археологические документы по истории науки.— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 29.

¹² «Разумеется, миндалевидная форма ручных рубил не является продуктом какой-то идеи, озарившей шелльского человека, а возникла постепенно в результате длительного опыта» (С. А. Семёнов. Первобытная техника. М.— Л., 1957, стр. 56). У истоков этого опыта стоит «естественная ретушь» — случайное, непреднамеренное заострение орудия в самом процессе труда, его «самозатачивание».

эталона. Только таким способом можно убедиться в пригодности его для нашей цели. Но питекантроп как раз не мог, не умел этого делать. Он просто откалывал от своего ядрища кусочки камня до тех пор, пока оно не становилось достаточно удобным.

Прямым и неоспоримым доказательством неосознанности трудовых действий древнейшего человека являются результаты проделанного советским археологом С. Н. Замятинным анализа шелльских и ашельских орудий, сделанных из отщепов. Этот анализ показал, что древнейший человек при изготовлении орудий следовал случайным контурам отщепа; край отщепа лишь заострялся, но не формировался¹³.

Об этом же свидетельствуют и косвенные данные. Первобытный человек вообще, а древнейший человек в частности, был физически необычайно сильным¹⁴. Значит, если обработка происходила описанным выше образом, то она, как правило, должна была быть во всех случаях примерно одинаковой и прекращаться, когда орудие было с нашей точки зрения еще слишком массивным; ведь из-за разницы в физической силе и «представление» питекантропа об удобстве должно было отличаться от нашего. А если бы обработка производилась намеренно, если бы у питекантропа была осознанная конечная цель, то мы, естественно, должны были бы находить орудия разного размера и веса, приспособленные для разных целей. На деле подавляющее большинство шелльских и многие ашельские орудия чрезвычайно тяжеловесны — до 2 кг — и совершенно однотипны. Это относится, конечно, только к ядрищам. Отщепы же составляют очень небольшой процент шелльских орудий. Зато в более позднее время, особенно в мустьерскую эпоху, налицо удивительное разнообразие орудий как по форме, так и по массивности.

¹³ С. Н. З а м я т и н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 14.

¹⁴ «По сравнению с плечевой костью предплечье было коротким», — пишут о неандертальце Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин (Основы антропологии, стр. 240). Но по законам механики в рычаге третьего рода, каким является рука, вес уравниваемого груза (груза, который можно поднять) тем больше, чем — при прочих равных условиях — короче внешнее плечо рычага, т. е. в данном случае предплечье.

Итак, первые «мысли человека вовсе не исходили из простых, абстрактных понятий... Напротив, рука и мышление непосредственно примыкали к человеческим потребностям, и создания руки, которые являлись одновременно и мыслями, протекали еще целиком на службе этих потребностей»¹⁵. Лишь с течением времени — не ранее позднеашельской или даже мустьерской эпохи, когда появилась совершенно новая техника обработки орудий, — труд первобытного человека [перестал быть инстинктивным.

Мы подошли к самой сложной части нашего рассказа, касающейся первых шагов формирующегося мышления и языка. Прежде чем заняться этой проблемой, мы должны предварительно рассмотреть три существенных теоретических вопроса. Один из них касается характера законов, действующих в процессе антропогенеза, в процессе возникновения современного человека. Другой — вопрос о том, как вообще рождается мысль, — вопрос о происхождении «умственных действий». Третий — о средствах звуковой коммуникации, предшествующих появлению языка.

а) **З а к о н ы, д е й с т в у ю щ и е в п р о ц е с с е а н т р о п о г е н е з а.** Мы знаем, что вся жизнь животных организмов и, что самое важное, закономерности их эволюции определяются законами биологическими — в первую очередь, законом естественного отбора. Напротив, на человека законы эти уже не распространяются. Но, разумеется, они «отменились» не сразу.

По мнению большинства советских антропологов, в процессе антропогенеза можно выделить три стадии, каждая из которых обладает качественным своеобразием. Это: 1) стадия австралопитека, 2) стадия первобытного человека, куда относятся питекантроп и неандерталец, и 3) стадия современного человека, *Homo sapiens*, начинаю-

¹⁵ Л. Н у а р е. Происхождение орудия, стр. 49. — Поэтому очень странно выглядит утверждение В. Ф. Зыбковца («Дорелигиозная эпоха». М., 1959, стр. 96), что питекантроп с самого начала осознавал все свои действия, «мыслил логично, т. е. определенно и последовательно, понимая последовательную связь между своими трудовыми операциями и тем, что должно явиться результатом этих операций; ...постепенно постигал понятия тождества и его противоположность — различие, так как изготовлялось-то орудие одного типа — рубило».

появляясь с кроманьонца. Переход от одной стадии к другой совершался не постепенно, а скачкообразно. Оба «скачка» — при переходе от обезьяны к питекантропу и от неандертальца к *Homo sapiens* — связаны с существенным изменением в характере и соотношении законов, управляющих эволюцией человеческого рода. «Первый поворотный момент соответствует первому появлению социальных закономерностей, второй — установлению их полного, безраздельного и окончательного господства в жизни человека»¹⁶.

Значит, на стадии первобытного человека эволюция подчиняется закономерностям двоякого рода — и биологическим, и социальным. Ясно, что закономерности эти не могли действовать в одних и тех же областях жизни первобытного человека. Дело было, по-видимому, так. «Все те изменения в организме, которые происходили под влиянием трудовой деятельности, все процессы наследственной передачи изменений органов тела потомкам, все те преимущества, которые давали своим обладателям эти наследственные изменения, все эти явления подчинялись биологическим законам и никаким другим.

Наоборот, в той мере, в какой древнейший человек уже овладел производством орудий труда, эти последние должны были развиваться в силу особенностей производства и усовершенствоваться путем социальной традиции, давая огромные преимущества всем членам создавшего эти орудия коллектива, независимо от биологических свойств как отдельных членов коллектива, так и всего коллектива в целом. Все эти явления происходили под влиянием новых, социальных закономерностей»¹⁷. А если так, следовательно, все способности человека, связанные с социальной традицией, а не с биологической наследственностью, тоже относятся к сфере действия социальных закономерностей.

¹⁶ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин. Основы антропологии, стр. 317; см. также: Г. Ф. Дебец. О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXIII. М., 1948; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. — В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951, стр. 10.

¹⁷ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин. Основы антропологии, стр. 316.

б) П р о п с х о ж д е н и е «умственных действий». Мы привыкли говорить о мышлении, о мысли, о представлении, совершенно не связывая все эти понятия с конкретной предметной деятельностью человека. Нам кажется, что между мыслью и действием существует только одного рода отношение: «подумал — сделал»; кажется, что действие — всегда только следствие, результат мысли.

Но, будучи материалистами, мы с вами не можем оставить в стороне вопрос: а как же зарождается, откуда берется сама мысль? Ясно, что человек не рождается с полным комплектом мыслей; столь же ясно, что в процессе антропогенеза мысль не может на какой-то ступени самозародиться, неожиданно прийти в голову питекантропу или неандертальцу.

На этот вопрос был найден ответ, причем независимо друг от друга, в двух странах двумя во многом различными психологическими школами: в СССР — школой Л. С. Выготского и во Франции — так называемой социологической школой (Ж. Пиаже, А. Валлон).

Всякая мысль — или всякое «умственное действие» (как говорит П. Я. Гальперин, чтобы противопоставить его внешнему, «материальному» действию с предметами) — зарождается всегда вне сознания человека в материальной, внешней форме. Например, чтобы научить ребенка считать, надо заставить его сначала иметь дело с конкретными предметами. Поэтому в младших классах при обучении счету обычно используют палочки, счеты или что-нибудь другое в этом роде.

Между физическим, материальным действием и умственным действием лежит ряд ступеней, в настоящее время хорошо исследованных¹⁸. Происходит постепенное «вращивание» предметного действия в сознание, его интериоризация, превращение в мысль через ступень речевого действия.

Для того чтобы такое «вращивание» осуществилось, необходима помощь языка. При этом в конечном счете несущественно, как обозначается действие с помощью языка; важно лишь, чтобы оно вообще было обозна-

¹⁸ П. Я. Г а л ь п е р и н. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В сб.: «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959.

чено — но именно действие, а не посторонний, вне человека лежащий раздражитель, хотя бы это был и объект действия. Важно, чтобы язык мог выразить общее понятие или по крайней мере общее представление о данном действии.

Надо думать, что и в филогенезе мысль уходит своими корнями во внешнее, предметное действие.

Как любил говорить Л. С. Выготский, «в начале было дело», действие, предметная операция. (Замечательная книга Анри Валлона, посвященная происхождению мысли, так и называется — «De l'acte à la pensée», т. е. «От действия к мысли».) В дальнейшем мы исходим из гипотезы, что в процессе возникновения мысли у первобытного человека ее развитие проходило примерно через те же ступени, что у современного человека. Конечно, конкретная психологическая структура интериоризации мысли при этом сильно отличается от ее интериоризации у современного подростка. Но принцип остается, по-видимому, тем же. Во всяком случае, только теория «умственных действий» может в настоящее время сколько-нибудь убедительно объяснить механизм возникновения мышления у первобытного человека.

в) **Д о я з ы к о в ы е с р е д с т в а з в у к о в о й к о м м у н и к а ц и и .** По поводу речи питекантропа между учеными существуют серьезные разногласия. Например, В. В. Бунак считает, что «речь возникла на основе звуков, свойственных высшим антропоидам, но не аффективных криков, а аффективно-нейтральных жизненных шумов, сопровождавших обыденные акты поведения... По мере возраставшего разнообразия в приемах добывания пищи и других видов деятельности... уточнились и сопровождавшие их жизненные шумы»¹⁹.

Но с теорией «жизненных шумов» В. В. Бунака никак нельзя согласиться. Наш предок-австралопитек был, в отличие от шимпанзе, оранга и гиббона, которых наблюдал В. В. Бунак, общественным животным, в этом отношении приближаясь к гамадрилу. Значит, в стаде австралопитеков, как и во всяком обезьяньем стаде, должны были существовать средства сигнализации

¹⁹ В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. — В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951, стр. 271.

об опасности, о появлении пищи и т. д. — а они всегда бывают именно «аффективными криками». С другой стороны, труд первобытного человека с самого начала — о б щ е с т в е н н ы й труд, и в трудовом коллективе первобытных людей, естественно, должны были использоваться для целей коммуникации те звуки, которые к этому времени у ж е б ы л и о б щ и м и: «лишь общий звук имел возможность сделаться языковым»²⁰. Природа никогда не идет обходными путями, когда в ее распоряжении есть прямая дорога.

Итак, невозможно вслед за В. В. Бунаком допустить, что речь возникла из случайных звуков, не игравших никакой роли в трудовом действии, а только сопровождавших его. Ведь она вообще возникла лишь благодаря труду и для целей трудовой коммуникации. Утверждая это, мы имеем в виду следующее.

Как мы знаем, у гамадрилов (и других стадных животных) каждый издаваемый звук, играющий роль средства коммуникации, выражает эмоциональное состояние животного и в то же время сигнализирует об определенной ситуации — в зависимости от чего автоматически приводится в действие, стимулируется та или иная модель поведения. Какие это могут быть ситуации? Они примерно одинаковы у любого животного: поиски и нахождение пищи, защита от нападения и т. д. У австралопитека, несмотря на то, что в его распоряжении были орудия, характер подлежащих «обозначению» ситуаций по существу не меняется, так как не меняется в принципе его психика; разве только общее количество ситуаций и, соответственно, общее количество используемых звуков должно было несколько увеличиться.

Но у питекантропа положение становится совершенно иным.

Изменилась функция средств общения. Раньше это были сигналы ситуаций, «стадные стимуляторы»²¹; они «включали» механизм поведения каждого члена стада в о т д е л ь н о с т и. Но стадо питекантропов — это трудовой коллектив, где успех, скажем, охоты определяется не столько успешностью действий каждого отдельного

²⁰ Л. Н у а р е. Происхождение орудия, стр. 26.

²¹ Н. Ю. В о й т о н и с. Предыстория интеллекта. М. — Л., 1949, стр. 214.

охотника, сколько согласованными действиями всего коллектива. Поэтому необходимо было выработать такие средства коммуникации, которые не просто сигнализируют о чем-то, но побуждали к определенному совместному действию или к его прекращению, иными словами, являлись бы средствами общественной регуляции поведения. Появление таких новых средств коммуникации не отменяет существования и старых — «стадных стимуляторов», употреблявшихся, вероятно, там, где дело не касалось трудовых процессов.

Впрочем, как и «стадные стимуляторы», новые средства коммуникации не имели, вероятно, предметного содержания. Они, как легко понять, должны были быть связаны хотя и с трудовыми ситуациями, но все же именно с ситуациями. Они побуждали к определенному действию, ничего не говоря о том, над чем производится это действие. Да в этом сначала и не было необходимости, так как звук-регулятор был необходим только тогда, когда объект труда был в поле зрения и должен был употребляться одновременно с соответствующим трудовым действием. Скажем, убив оленя, питекантроп мог что-то «сказать», «приглашая» других питекантропов разделить тушу и одновременно сам приступая к этому; но, не видя оленя, он не мог и «сказать» о необходимости его разделить, потому что у него, как мы уже говорили, не могло быть представления об олене; он не мог по желанию вызвать в памяти обобщенный зрительный образ оленя. В этом питекантроп еще не отличался от любого животного ²².

Различные «первобытные стада» питекантропов, сброшенные по материку Евразии, с самого начала попадали в различные географические условия. Неодинаков был материал орудий, неодинаковы породы дичи и т. д. Для животных это было совершенно не существенно: если хищник попадал в новый район, где жили незнакомые ему породы дичи, то он вырабатывал новые условные рефлексы и продолжал охотиться как ни в чем не бывало. Но стадо питекантропов, как мы уже говорили,— это

²² Иногда говорят о представлениях у животных. Но при этом обычно имеют в виду возможность запоминания животным раз виденного предмета или обстановки.

трудова́й коллектив, где непременно должны были появиться новые средства общественной регуляции поведения. А поведение, подлежащее регуляции, различалось от стада к стаду²³. Поэтому в разных стадах система средств общения должна была быть разной. Это различие, вероятно, сохранялось довольно долго, так как «отдельные орды древнейших людей были мало связаны друг с другом, не объединялись в какие-либо группы»²⁴.

Что касается внешней, фонетической стороны речи питекантропа, то по ряду причин (см. § 4) членораздельной речи у него не могло быть. Существенной разницы между «речью» австралопитека или любой другой обезьяны и речью питекантропа не было. «Различие заключалось здесь, конечно, не просто и не только в богатстве тех или иных модуляций, не в разнообразии звуков, а в их общественной роли, в их социальной функции у человека»²⁵.

Теперь мы, кажется, достаточно знаем для того, чтобы перейти к анализу первобытного мышления. Не следует, конечно, забывать, что мы можем себе представить мышление древнейшего и древнего человека лишь с известной вероятностью, в порядке рабочей гипотезы.

²³ «...Различие в видовом составе фауны, окружавшей человека, которое отражается в костных остатках, собираемых на стоянках и являющихся результатом его охотничьей деятельности, позволяет предполагать, что и приемы охоты должны были варьировать в зависимости от биологических особенностей того или иного промыслового животного» (С. Н. З а м я т н и н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 95).

²⁴ А. А. Ф о р м о з о в. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 30.

²⁵ А. П. О к л а д н и к о в. Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытно-общинного строя.— «Всемирная история в десяти томах», т. I. М., 1955, стр. 36—37.— Иным путем, чем А. П. Окладников, пришел к тому же выводу И. И. Мещанинов, который писал: «Выкрик имел уже социальное использование задолго до выработки звукового языка... Именно потому, что он уже был социально используется, он содержал в себе все предпосылки к звуковому языку» (Основные лингвистические элементы.— «Язык и мышление», II. Л., 1934, стр. 17). В этом отношении развитие языка аналогично развитию орудия: и то, и другое подчиняется закону «от функции к форме» (иногда называемому законом Гартига).

3. КАКИМ БЫЛО МЫШЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ЧЕЛОВЕКА?

Вопрос этот поставлен не совсем точно, потому что вызывает представление о неизменности мышления древнейшего человека. Правильнее было бы спросить: каким было мышление человека сначала, в каком направлении оно развивалось и каким стало потом?

Мы оставили древнейшего человека, питекантропа (или синантропа), на той стадии, когда он уже научился обрабатывать орудия, но делал это почти инстинктивно. Сознание еще только зарождается. Мысли еще нет.

Прежде всего, постараемся уяснить себе: почему вообще возникли у первобытного человека мысли? Почему он не мог обойтись, как все животные, обычным условно-рефлекторным поведением? Для этого надо сначала понять, в чем именно заключается объективное превосходство человеческой мысли перед простым условным рефлексом, человеческого сознания — перед психикой животного.

Животное, варьируя свое поведение в зависимости от внешних раздражителей, не осознает себя, свои действия и их объекты. Его психика как бы вплетена в сеть естественных процессов и закономерностей природы, как бы нераздельна с ними, — ведь животное «эгоистично», оно руководствуется лишь своими собственными, причем ближайшими биологическими интересами. Напротив, человек всегда противопоставляет себя окружающей природе, как бы вставляя мысль между собой и природой.

Это противопоставление имеет определенный приспособительный смысл. Он заключается в том, что человек получает возможность постоянно мерить свое поведение общественной меркой. Если мы думаем о том, как нам лучше всего склотить стол, то при этом автоматически мысленно оперируем и с понятием стола (поскольку дело касается самой задачи), и с социально выработанными орудиями труда и трудовыми операциями (когда дело касается способа ее выполнения), и с эстетическими критериями, носящими тоже общественный характер. Одним словом, мысля, мы вынуждены учитывать в своей индивидуальной деятельности, в своем индивидуальном поведении то, что создано всем человечеством, что имеет общественную, социальную природу.

В основе индивидуального мышления и индивидуального поведения человека всегда лежит система общественно-выработанных понятий, представлений, операций. Мысль и дает возможность учитывать в индивидуальном поведении достижения и потребности общества, трудового коллектива. Простой условный рефлекс такого учета обеспечить не может: он, как и другие виды приспособления животного к среде, для этого недостаточно гибок.

У современного человека практически вся его жизнь связана с обществом. Но у древнейшего человека, в частности у питекантропа, контроль и участие общества не распространялись, по-видимому, дальше трудовых процессов: вся остальная жизнь подчинялась биологическим закономерностям (см. выше). Значит, необходимость вплетать общественное в индивидуальное, учитывать достижения и потребности общества в своем индивидуальном поведении касалась у древнейшего человека только трудовой деятельности, так сказать, трудового поведения. Именно для этого ему прежде всего нужны были мысли.

Опыт обработки орудий и вообще трудовой опыт, по-видимому, первоначально передавался только через подражание, дополненное ощущением практической целесообразности. Потому-то, несмотря на тот факт, что «у оторванных друг от друга групп древнейших людей техника обработки камня развивалась самостоятельно»²⁶, мы не находим никаких местных (локальных) различий в форме шельльских орудий: ведь их функция была всюду в общем одинаковой и, значит, примерно одинаковым должно было быть ощущение удобства. Впрочем, о путях передачи трудового опыта нам еще придется говорить ниже.

Стихийно, неосознанно выработанные и так же неосознанно, путем подражания передаваемые от одного члена стада к другому трудовые операции, опредмеченные, закрепленные в предмете труда, и были сначала эквивалентом мысли — способом, средством общественного воздействия на индивидуальное поведение. Именно в этом смысле создания руки «являлись одновременно и мыслями»; именно поэтому «мышление и действие были первоначально неразрывны»²⁷. Маркс и Эп-

²⁶ А. А. Ф о р м о з о в. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 27.

²⁷ Л. Н у а р е. Происхождение орудия, стр. 31.

гельс выразили ту же мысль в «Немецкой идеологии» в следующих словах: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей»²⁸.

Но ведь в какой-то момент они перестали быть неразрывными! Как же это могло произойти?

Давайте вернемся к сказанному выше о процессе возникновения умственного действия и посмотрим: что должен был иметь и что должен был уметь первобытный человек, чтобы его действие могло интериоризоваться и стать мыслью?

Обычно всякое трудовое действие очень тесно связано с предметом труда и варьируется в зависимости от особенностей этого предмета. Каждый, кому приходилось колоть дрова, знает, что для успешности этого простейшего трудового действия недостаточно махать топором, хотя колка дров без этого невозможна: надо еще предварительно наметить на чурбаке определенное место и ударить именно по нему, а такое место придется искать заново у каждого чурбака. Для того чтобы трудовое действие могло автоматизироваться, сократиться, оно не должно опираться на конкретные особенности объекта труда, оно должно оторваться от объекта и приобрести самостоятельную ценность.

Но трудовые действия древнейшего человека всегда производились с определенным объектом, с определенным «чурбаком». Значит, первым шагом должно было быть отделение действия от объекта действия, колки дров от конкретного чурбака, — отделение, которое дало бы возможность человеку производить то или иное действие, не имея под руками соответствующего объекта.

А такое отделение могло произойти опять-таки лишь в результате п о д р а ж а н и я.

И там подражание, и здесь подражание, — скажете вы. Какая же разница? Почему тогда с самого начала не могло произойти отделение трудового действия от объекта?

Но подражание подражанию рознь. Одно дело, когда налицо объект, и только приемы его обработки пере-

²⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Немецкая идеология. Соч., т. 3. М., 1955, стр. 24.

даются путем подражания, причем каждое из имитируемых действий приводит к конкретному, осязаемому результату. Другое дело, когда нет конкретного объекта, а само действие — не результативно.

Когда в театральной школе обучают студентов так называемым «этюдам на физическое действие», т. е. требуют от них, чтобы они имитировали разные, в том числе трудовые действия, не имея в руках ни материала, ни орудия, — шили невидимой иглой, заколачивали невидимый гвоздь в невидимую доску невидимым молотком, — то студенты вынуждены руководствоваться в своем поведении теми раздражениями, которые поступают от мышц в мозг. При этом очевидно, что для успешности такого «физического действия» необходимо, чтобы студент имел опыт в соответствующем виде труда, чтобы в его мозгу отложились прежние раздражения от определенных мышц, то есть чтобы у него уже сформировалась известная модель поведения.

Примерно так же, видимо, обстояло дело в процессе антропогенеза. Но ни мозг, ни рука современного человека уже не подвергаются морфологическим изменениям: изменяется только характер их функционирования. Что касается первобытного человека, то у него, судя по интенсивности его эволюции, изменение среды и способа поведения быстро сказывалось на строении как того, так и другого. Там, где современному человеку достаточно образовать у себя нервно-мозговую модель действия, т. е. заставить работать уже имеющиеся клетки, у первобытного человека эти клетки должны были создаваться заново. То же и с рукой: мы, производя то или иное действие, лишь используем уже сложившийся нервный и скелетно-мышечный аппарат. А у первобытного человека этот аппарат еще только формировался. Поэтому-то трудовое действие не могло отделиться от предмета труда с самого начала: ведь этому акту должны были предшествовать известные морфологические изменения.

Итак, на определенном этапе трудовое действие получило возможность отделиться от объекта действия²⁹. К каким последствиям это должно было привести?

²⁹ А что дало непосредственный толчок к осуществлению этой возможности? А. Валлон полагает, что первое «настоящее» подражание было ритуальным, т. е. носило характер колдовства и имело целью так или иначе воздействовать на предмет труда, скажем,

Последствия эти настолько важны, что на них стоит остановиться подробнее.

П о с л е д с т в и е п е р в о е. Уже не нужно было непосредственного зрительного впечатления, чтобы побудить трудовой коллектив к деятельности. Имитируя соответствующее действие (и издавая одновременно тот или иной звук), первобытный человек стал достигать такого же результата, какого он достигал раньше, у к а з ы в а я на данный предмет. Имитация действия вместе со звуком стала потенциальным сигналом, эквивалентным в определенном отношении трудовой ситуации в целом.

П о с л е д с т в и е в т о р о е. Благодаря тому, что наряду с многочисленными конкретными трудовыми действиями («копнуть здесь», «копнуть там», «разрезать это мясо», «разрезать эту шкуру») возникло «просто действие» — «просто резание», «просто копание», «просто оббивание камня», появилась возможность первичного бессознательного обобщения и вместе с тем различения трудовых действий.

П о с л е д с т в и е т р е т ь е. Действие отделилось от трудовой ситуации; теперь, следовательно, одно и то же действие может быть и результативным, т. е. направленным на предмет труда, и нерезультативным, т. е. направленным «в пространство». Но не следует забывать, что в психике первобытного человека трудовое действие отражается нерасчлененно, целиком, во всех своих компонентах, включая сюда и объект действия. И вот — вероятно, сначала благодаря трудовой сигнализации (см. «последствие первое») — образуется в общем довольно простая связь: как звонок вызывает у собаки определенную комплексную реакцию, аналогичную реакции на мясо, так здесь имитация трудового действия (и связанный с ним звук) вызывала у первобытного человека представление о трудовой ситуации в целом — в частности, об объекте действия. Но так как имитация действия фи-

имитация охоты производилась для того, чтобы достичь успеха в охоте на данное животное. Но доказательства, приводимые им, относятся к совсем другой эпохе развития мышления. Нам представляется, что причина подражания была скорее эмоциональной, аффективной. Ведь «весь строй жизни первобытного человека удерживает аффективную жизнь... на первом плане» (А. В а л л о н. От действия к мысли. М., 1956, стр. 106).

физиологически мало отличается от самого действия, — во всяком случае, в мозг поступают от мышц в обоих случаях почти одинаковые сигналы, — то естественно, что и трудовое действие стало сопровождаться таким представлением во всех случаях, когда оно совершалось.

Сфера «представлений» у животных (а значит и у нашего первобытного человека) не выходит за пределы круга биологически значимых предметов и явлений. Больше того, животные отождествляют и, видимо, «представляют» в предметах только то, что биологически значимо, и настолько, насколько это биологически значимо. Например, в опытах с крысами было важно соотношение площадей фигур, нарисованных на дверцах: за той дверцей, где нарисована большая фигура, крысу ждет пища. И крысы, выдрессированные на круги, ведут себя так же при виде одинаковых с ними по величине треугольников³⁰. Как раз человека это могло бы смутить — для него различие понятий круга и треугольника перевешивает различие в размере. Еще более простой пример: собаке важен запах мяса, а цвет его и форма куска ей безразличны. И спрятанное ею мясо она ищет именно по запаху.

Но поскольку нас интересуют не представления первобытного человека вообще, а только представления, возникающие в процессе его общественно-трудовой практики, сказанное придется несколько уточнить. Разыскивая съедобный корешок, первобытный человек «представляет» свою потребность в пище удовлетворенной этим корешком. Ну, а если речь идет не о собирательстве, а об охоте, т. е. если мы имеем дело с совместным трудом? Тогда человек, представляя свою потребность удовлетворенной, «мечтая» о том, как он убьет, скажем, мамонта, не может одновременно не представлять себе, что он это сделает не один (иначе говоря, не вспоминать прежних удачных коллективных охот). Его «представление» включает в себя «представление» об объективно полезных свойствах данного мамонта, раскрывающихся в процессе общественного труда (охоты).

И вот такое-то «представление» начинает сопровождать каждое трудовое действие. Получается, как говорил Л. С. Выготский, своеобразное удвоение процесса труда:

³⁰ Ян Дембовский. Психология животных. М., 1959, стр. 319.

с одной стороны, реальное действие с реальным объектом; с другой — представление о действии и о его объекте. На зрительное восприятие объекта как бы накладывается представление о его способности удовлетворить определенную потребность и о коллективности связанного с этим объектом действия. Поэтому «глаз стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, созданным человеком для человека»³¹.

Но дело ведь не только в объекте! «Представление» об объекте — это одновременно и «представление» о том коллективном действии, которое необходимо, чтобы раскрыть полезное свойство, скрытое в объекте, и удовлетворить с его помощью соответствующую потребность. Трудовое действие тем успешнее, чем оно ближе к представляемому в процессе труда, общественно выработанному действию-эталону.

Итак, воспринимая предмет труда — объект конкретного трудового действия — человек связывает с ним определенное абстрактное действие-эталон. В этом смысле можно вслед за Марксом сказать, что в предмете труда о п р е д м е ч е н о трудовое действие или, вернее, способность человека производить это действие. С другой стороны, благодаря возможности сопоставить, конечно неосознанно, свое действие с действием-эталоном возникает новый механизм передачи трудового опыта через предмет труда, в частности — через орудие. О том, что первобытный человек имел возможность сопоставлять с эталоном не только трудовое действие, но и его предмет, говорит сравнительно долгое существование ручного рубила в мустьерскую эпоху — эпоху специализации орудий; оно уже не было нужно, но по традиции сохранялось.

Мы помним, что шелльские и ашельские орудия были двух видов: ручные рубила, т. е. обычные орудия-ядрища, и значительно более редкие — отщепы, так называемые сопровождающие орудия. Раньше отщепы получались случайно, как отходы при обработке ядрищ, и их обработка — если она производилась — в общем не отличалась от обработки ядрищ. Но в конце ашельского периода «ручное рубило не только совершенствуется, стано-

³¹ К. М а р к с. Экономическо-философские рукописи 1844 года, стр. 562.

вится лучше оббитым и более легким, но к нему пришиваются и другие орудия, по форме, виду и технике совершенно отличные от него. Эти новые орудия — пластины... значительно меньшего размера» (Г. де Мортилье)³². При этом каждый из типов обрабатывается очень тщательно: орудие уже не оставляется в том виде, в каком оно впервые показалось удобным сделавшему его человеку, а доводится до известного внешнего совершенства с помощью вторичной оббивки, или «ретуши».

Сопоставим описанное положение с тем, что нам известно о руке первобытного человека.

Как уже отмечалось, даже неандерталец в его более ранней и примитивной книккобинской форме еще не мог, держать орудие пальцами, а держал его в кулаке. Именно в мустьерскую эпоху человек и научается пользоваться пальцами, о чем говорит появление в позднем мустье костяного шила. Что же так повлияло на морфологическую эволюцию руки неандертальца? Чтобы рука претерпела известное морфологическое изменение, необходимо, чтобы она сначала была вынуждена выполнять новую функцию³³. Но если она не приобрела особой морфологической специализации, — не стала органом копания, органом резания или оббивания, а продолжала быть органом универсальным, — то это означает, что ей приходилось выполнять не одну функцию, а несколько разных, т. е. расширение сферы производства привело человека к необходимости заниматься разными по характеру видами труда.

«Оставаясь в известном смысле нейтральной, т. е.... не перерождаясь для той или другой способности предпочтительно перед другими», рука первобытного человека создала себе «орудие, которое утруждало ее лишь до тех пор, пока она хотела добиться от него определенного действия, а затем могло быть отложено в сторону или быть заменено другим»³⁴. Как только потребность производить то или иное трудовое действие начинала превосходить физические возможности руки (если, конечно, одностороннему ее развитию препятствовали другие выполняе-

³² Цит. по: В. И. Р а в д о н и к а с. История первобытного общества, ч. I, стр. 163.

³³ Это известный биологический закон, касающийся всех органов человеческого тела; его впервые сформулировал академик К. М. Бэр.

³⁴ Л. Н у а р е Происхождение орудия, стр. 43.

мые ею функции), рука «подставляла» вместо себя орудие, и дальше изменялось и приспособлялось в основном именно орудие.

Такие возможности открылись перед рукой благодаря все тому же отделению трудового действия от объекта («последствие второе»). Если раньше первобытный человек не мог различить объективно разные приемы обработки разных орудий — ядрищ и отщепов, и их отражение в его психике было поневоле одинаковым, то теперь деятельность по обработке орудий могла расчлениваться; в психике человека могли закрепиться две самостоятельные операции (или серии операций). Появление же двух различных типов орудий, соответствующих двум различным операциям (или сериям операций) по их изготовлению, создает предпосылки для расчленения и закрепления в мозге и мышцах руки человека, для опредмечивания в продукте труда тех операций, которые этими орудиями производятся.

Еще несколько слов в заключение этого параграфа.

Несколькими страницами выше мы задали риторический вопрос: что должен был иметь и что должен был уметь первобытный человек, чтобы у него возникла мысль? Ответ гласил: в первую очередь он должен был отделить трудовое действие от предмета труда, чтобы оно смогло редуцироваться. Но это обеспечило бы ему только первый шаг на пути интериоризации действия. А второй шаг связан уже с полной редукцией действия и его переходом в план «громкой речи» (если пользоваться здесь системой понятий, разработанных П. Я. Гальпериним): действие окончательно становится умственным, но остается пока еще внешне выраженным в речевой форме.

В «Двадцатилетнем опыте» И. П. Павлов указывает, что механизм речевых движений принципиально тот же, что и механизм движений руки³⁵. И если в течение некоторого времени человек регулярно использовал определенные звуки, то в конце концов у него должны были появиться специфические речевые условнорефлекторные связи, — вместе с развитием соответствующих участков коры головного мозга и совершенствованием речевого аппарата. Но

³⁵ И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1938, стр. 491.

об этом позже. Сейчас нас интересует то, что на определенной ступени развития в распоряжении первобытного человека должен был оказаться «двойной комплект» сигнальных средств для одних и тех же трудовых ситуаций — действие и звук; причем звук был пригоден практически для всех условий сигнализации (кстати, он был, вероятно, очень громким — вспомним звуки, издаваемые гориллой), а действие — отнюдь не для всех: оно не годилось ни ночью — в темноте, ни в густом лесу, ни в условиях сильно пересеченной местности.

А это явно неэкономично. Поэтому двигательный компонент сигнала — как более громоздкий — начал редуцироваться еще больше, пока не потерял окончательно своей сигнальной функции, которая полностью перешла к его близнецу — звуку³⁶. И если раньше развернутое трудовое действие — носитель «мысли», т. е. общественного начала в индивидуальном поведении, — отождествлялось для человека с тем же действием, только сокращенным, редуцированным, оторванным от объекта, и могло подменяться этим последним, то теперь оно стало отождествляться со звуком и подменяться им. В психике первобытного человека установилась прочная рефлекторная связь между определенной трудовой ситуацией и определенным звуком.

Итак, на пороге неандертальской ступени антропогенеза мы находим у первобытного человека зачаток мысли — это «удвоенное» трудовое действие (см. выше), и зачаток языка — это все еще нерасчлененный нечленораздельный звук, сопровождающий трудовое действие или заменяющий его в нетрудовой ситуации.

Все описанное в этом параграфе могло произойти не тем путем и не в той последовательности. Но мы потому так подробно остановились на развитии мышления и языка древнейшего человека, что происходившие в это время процессы не могли не произойти. Иначе становится невозможным объяснить дальнейшее развитие мышления и языка — прежде всего у неандертальца.

Именно эта задача сейчас и стоит перед нами.

³⁶ Что же случилось дальше с этим редуцированным остатком трудового действия, потерявшим свою сигнальную функцию? Он стал жестом. Но это уже новая, очень серьезная проблема, и мы не можем на ней специально останавливаться.

Ашельская эпоха характеризуется, как мы видели, появлением двух типов орудий. А в мустьерскую эпоху увеличение количества различных типов орудий приобретает характер снежной лавины: как свидетельствует С. А. Семенов, «в состав орудий мустьерских памятников входили каменные отбойники, каменные и костяные ретушеры, костяные подкладки, или наковальни, кремневые остроконечные ножи для разделки туш животных, ножи из отщепов для резания мяса и строгания дерева или кости, скребели для обработки кожи, проколки, костяные и каменные наконечники для рогатин (с этим едва ли можно согласиться по причинам, изложенным ниже.— А. Л.) и другие орудия, не считая деревянных дубин, рогатин, средств для добывания огня и т. д.»³⁷. Однако чем глубже мы заглядываем в мустьерскую эпоху, тем больше выделяются на фоне этого разнообразия скребло и остроконечник. О чем это свидетельствует?

Во-первых, о том, что еще больше увеличивается количество трудовых действий, которые приходилось производить первобытному человеку. А так как теперь случайные различия в приемах обработки могли закрепиться в виде самостоятельных операций, расчленение операций влияло и на расчленение предметов труда, на закрепление за каждым из типов орудий своей традиционной формы, передаваемой, как и соответствующая операция, от человека к человеку, от поколения к поколению. «Неверно, конечно, что только в мустьерскую эпоху появляются дисковидные нуклеусы³⁸, скребла, остроконечники... Но в мустьерских орудиях отмечается большая правильность и тщательность обработки, появляются в у с т о й ч и в ы х с е р и я х различные варианты многих выработанных форм орудия, скребла или остроконечника. То более крупные, то мелкие, то тонкие и уплощенные, то массивные, удлиненных очертаний, они, по существу, представляют орудия, предназначенные для различных видов работы»³⁹. Итак, развитие шло следую-

³⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 231.

³⁸ Ядрище, остающееся после того, как от камня отколют тонкие пластины для изготовления остроконечников и скребел.

³⁹ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 118.

щим путем: появление новых операций — закрепление за данной операцией определенной формы орудия, которым она выполняется — закрепление этой формы как типовой, т. е. появление орудия нового типа, и передача ее следующим поколениям уже именно как типовой формы.

Во-вторых, о том, что увеличение количества трудовых действий происходило в условиях продолжающейся изоляции отдельных стад, то есть качества и неогото своеобразия этих действий в каждом стаде. Недаром типы орудий часто называются по той стоянке, где орудий данного типа найдено особенно много: «орудия Микок» совершенно не похожи на «пластины Леваллуа» и т. д. С одной стороны, с одними и теми же трудовыми действиями в разных стадах связывались разные особенности обработки; с другой стороны, и сами трудовые действия несколько различались.

Наконец, остановимся на «проблеме» скребла и остроконечника. «Для понимания назначения этих двух форм мустьерских ножей — ручного скребла и ручного остроконечника — очень любопытные факты дает нам этнографический материал. У эскимосов, например, мужчины употребляют нож одной формы, а женщины другой. Мужской нож у эскимосов имеет всегда заостренную форму клинка; он очень удобен во время охоты — для нанесения добивающих ударов животному, для вспарывания туши убитого животного и т. д. Женский нож эскимосов, так называемый ulu, очень похож на мустьерское скребло и служит для обработки туш убитых животных и рыб, для обработки кожи, изготовления одежды из шкур и т. д... Такое же деление ножей на мужские и женские наблюдается и у австралийцев.

По всей вероятности и в эпоху мустье каменные ножи изготовлялись в двух основных формах в зависимости от применения их одной — в сфере мужского труда, другой — в сфере женского труда. Остроконечник (точнее некоторые его формы) был мужским ножом, скребло — женским. Это чрезвычайно важный факт, свидетельствующий о развитии в это время разделения труда между полами (естественное разделение труда)⁴⁰. Значит, должны были измениться, и очень

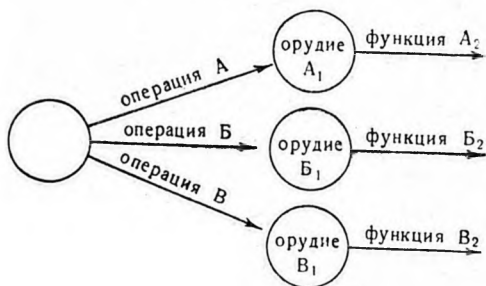
⁴⁰ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I, стр. 173—174.

серьезно, отношения внутри стада первобытных людей: естественное разделение труда ведет к его расслоению на половые и возрастные группы.

Уже к началу мустьерской эпохи мы можем констатировать, правда с серьезной оговоркой, что первобытный человек «осознает» продукт своего труда: этим мы хотим сказать, что предмет труда уже не вплетен в трудовую деятельность человека, как он вплетен в деятельность обезьяны, а в известном смысле ей противопоставляется благодаря тому, что на зрительный образ этого предмета «накладывается» и с ним отождествляется представление-воспоминание об эталоне. Внимание человека произвольно сосредоточивается на том, чтобы сделать предмет труда возможно ближе к эталону. Предмет становится объектом внимания, «презентируется» (А. Н. Леонтьев) в психике человека.

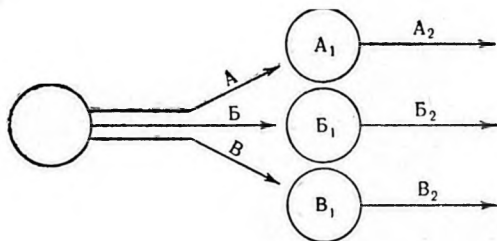
Но само действие еще не может при этом презентироваться в сознании, способ действия не может стать объектом внимания. Иное положение возникает в связи со специализацией орудий.

Когда орудий было два-три типа, способ их изготовления различался коренным образом. Схематически изобразить это можно так:

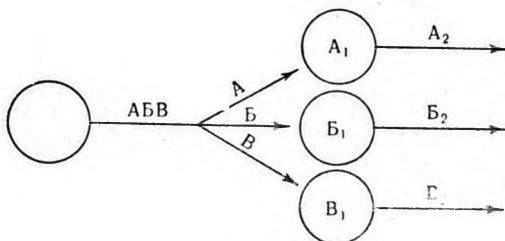


Но количество функций руки растет, а следовательно, растет и количество орудий (см. предыдущий параграф). Между тем количество различных операций по изготовлению орудий ограничено физическими возможностями руки. Поэтому на известном этапе наша схема приобретет примерно такой вид (для простоты мы изображаем,

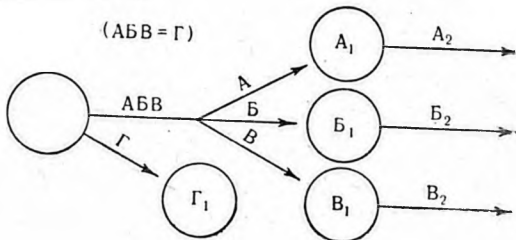
как и раньше, только три типа операций и, соответственно, орудий):



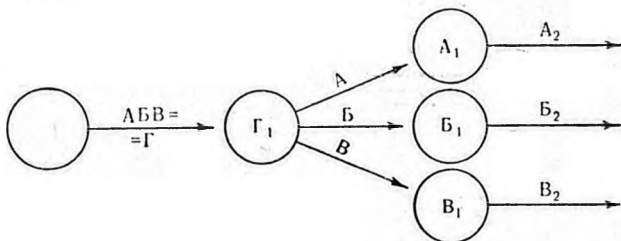
Иначе говоря, операции в какой-то своей части начинают совпадать. Но если так, то и в психике человека они должны отражаться в этой своей части одинаково:



Само по себе такое положение еще не может привести ни к каким принципиально новым результатам. Но дело в том, что практически наряду с орудиями A_1 , B_1 , B_1 первобытный человек умеет производить еще более простое орудие Γ_1 , ход выделки которого совпадает с ходом трудовой операции до места ее расчленения на отдельные операции А, Б, В:



И вот операция Г совпадает с операцией АБВ, и в точке ее расчленения возникает представление о готовом орудии:



Наша исходная трудовая операция А (или Б, или В) распалась на две самостоятельные операции, разделенные представлением о «полуфабрикате», о промежуточном продукте труда. Действие Г, опредмеченное в орудии Г₁, стало необходимым условием для производства действий А, Б, В — способом их выполнения. Оно стало производиться для того, чтобы можно было произвести действие А, Б, В. А «когда цель действия входит в другое действие как условие его выполнения, то первое действие превращается... в сознательную операцию»⁴¹. Операция Г стала презентироваться в психике человека.

Но стала ли она в полном смысле сознательной? Конечно, нет. Ее «осознанность» напоминает «осознание» объекта трудового действия, — это только возможность остановить внимание на любом этапе операции, но не больше; это отнюдь не способность, например, сознательно расчленив эту операцию или способность производить ее по желанию в любой обстановке. Сознание первобытного человека — «чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что... его инстинкт осознан»⁴².

Вышеописанный процесс расчленения трудовой операции на два этапа не сконструирован нами умозрительно: это и есть процесс, который мы прослеживаем в развитии каменных орудий. Последней из схем соот-

⁴¹ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 233.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, стр. 30.

ветствует, например, позднеашельская (премустье́рская)⁴³ техника Леваллуа: «пластины или «ножи» Леваллуа по внешнему виду представляют ручное рубило, расколотое пополам и превращенное в два ножевидных орудия относительно тонкой формы» (см. рис. 9)⁴⁴.

Если действие один раз смогло расчлениваться, то этим открывается путь и к появлению многоступенчатого действия, состоящего из целого ряда промежуточных операций. Именно такое многоступенчатое действие лежит в основе новой, типичной для эпохи мустье техники обработки. Раньше весь процесс обработки сводился к оббивке. Теперь появились новые способы: скалывание и разнообразная ретушь⁴⁵, а сам процесс распался на три стадии: а) подготовка камня к скалыванию (оббивка), б) скалывание и в) ретушь.

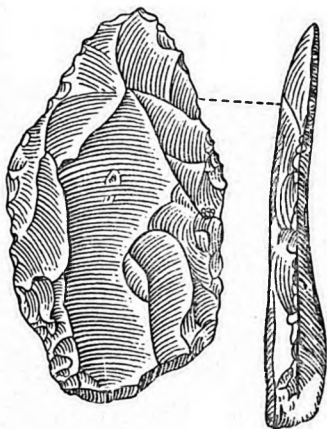


Рис. 9. «Пластина» типа леваллуа (по Обермайеру)

Расчленение действия, конечно, должно было отразиться и на морфологических особенностях первобытного человека, в первую очередь, на строении его мозга.

⁴³ Как же так? — восклицает наш читатель. Мы же давно углубились в мустьерскую эпоху! На это можно ответить словами П. П. Ефименко: «Нельзя представить себе, чтобы... в среде разбросанных, мало общающихся, замкнутых первобытных орд, при достаточно различных условиях природной обстановки, процесс трансформации средств производства, в частности, того, что мы называем кремневым инвентарем, мог идти в совершенно одинаковом темпе и совершенно тождественным образом. Это противоречило бы тому, что мы знаем о первобытном человечестве». (П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 221).

⁴⁴ В. И. Радоица. История первобытного общества, ч. I, стр. 161.

⁴⁵ Скалывание заключается в ударе по краю кремня, в результате чего образуется тонкая пластинка-лезвие. Ретушью археологи

Этот вопрос в настоящее время разрабатывается в Институте антропологии МГУ, где используется очень интересная методика — изучаются слепки внутренней полости черепа первобытных людей. Оказалось, что участки наиболее интенсивного роста коры головного мозга у неандертальца соответствуют тем участкам коры мозга современного человека, которые ведают тонкой регулировкой действий руки ⁴⁶.

Можно подойти к решению этого вопроса и с другой стороны.

Мы помним, что череп неандертальца имеет ряд отличительных признаков по сравнению с черепом питекантропа. У нас отмечено их два: более широкий лоб и расширение верхней части черепа. Конечно, эти изменения не говорят прямо об изменении формы и объема мозга; но связь здесь, по-видимому, очень вероятна

В тех случаях, когда вследствие травмы или опухоли функции того или иного участка коры головного мозга человека нарушаются, мы можем сделать заключение о том, какого рода работу выполняет этот участок в нормальном состоянии. И вот что дает нам исследование таких случаев: «поражение теменно-затылочных отделов коры приводит к нарушению операций, требующих объединения внешних влияний и их следов в одновременные группы... Поражение лобно-височных отделов мозга... приводит к нарушению операций, требующих объединения внешних влияний или их следов в последовательные ряды...»⁴⁷.

Если рассмотреть еще и лобные отделы мозга, окажется, что при их поражении в принципе сохраняются оба вида операций. Однако нарушается регулирующая роль речи в поведении: затрудняется или делается совершенно невозможным «выполнение сознательного, целенаправленного действия, систематическое активное мы-

называют вторичную подправку (затачивание) края каменного орудия. Она бывает ударная, контрударная (когда обрабатываемое орудие упирается в подставку-наковаленку) и отжимная (производимая не ударом, а давлением).

⁴⁶ В. И. Кочеткова. Эволюция специфически человеческих областей коры мозга гоминид.— «Вопросы антропологии», вып. 7. М., 1961, стр. 20.

⁴⁷ А. Р. Лурья. Травматическая афазия. М., 1947, стр. 24—26.

шление, произвольное запоминание»⁴⁸, одним словом, оказываются пораженными те психические способности человека, которые связаны с осознанием окружающих человека предметов, с понятийным мышлением и, соответственно, с системой речевых значений.

Но как раз у питекантропа и у неандертальца именно то место черепной коробки, где у человека помещаются лобные доли, почти совершенно сглажено: оттого и лоб у них покатый. Поэтому едва ли у неандертальца была особенно значительной регулирующая функция речи, столь характерная для современного человека.

Относительно широкий лоб неандертальца и увеличение ширины черепа в верхней его части косвенно свидетельствуют о том, что у неандертальца большую роль, чем у питекантропа, могла играть лобно-височная область коры. К тому же выводу пришли советские антропологи, исследовавшие слепки внутренней полости черепов первобытных людей. А если так, можно предположить, что неандерталец, по-видимому, уже мог объединить внешние влияния или следы их в последовательные ряды — что, собственно, и требовалось для расчленения трудового действия на отдельные ступени.

Еще раз отметим, однако, что никакой самостоятельной ценности данные о форме черепа для нас не могут иметь. Мы привели их только потому, что они объективно подтверждают выводы, полученные другими путями.

Итак, «сознание» неандертальца — «вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами»⁴⁹. Так как первобытному человеку было свойственно «не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира», в мозгу человека запечатлевалась «способность этих предметов „удовлетворять потребности“ людей»⁵⁰, но не сами эти предметы в совокупности объективно присущих им признаков. Точно так же первобытный человек воспринимал орудие как

⁴⁸ А. Р. Л у р и я. О двух видах аналитико-синтетической деятельности коры головного мозга. — «Труды Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова», т. 147. Одесса, 1957, стр. 70.

⁴⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Немецкая идеология, стр. 29.

⁵⁰ К. М а р к с. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». Соч., т. 19. М., 1961, стр. 377.

средство удовлетворения определенной потребности, например потребности в резании или скоблении. Поэтому естественно ожидать, что неандерталец распространял на свои орудия и на продукты своего труда те звуковые сигналы, которые первоначально были связаны только с самим действием. Видимо, можно согласиться с немецким ученым начала XIX в. Лазарем Гейгером, который пришел к выводу, что в большинстве языков слова, обозначающие предметы утвари или орудия, происходят от названия соответствующих действий. Например, в русском языке: *шила* || *шить*, *рубил* || *рубить*, *нож* || (*во-*)*нзить*, *топор* || старослав. *топати* — «рубить, ударять» и т. д., а также *стол* || *стлать*, *горшок* из **горншок* || *гореть* (сюда же *горн*, *горнчар* > *гончар* и др.), *кол* || (*от-*) *колоть* и т. д. «Звуки... речи, первоначально служившие, наиболее вероятно, сигналами действий, начали затем обозначать также предметы и явления»⁵¹.

Вот, казалось бы, окружающие человека предметы и начали получать имена; правда, это пока еще не имена, а «фамилии», они одинаковы у орудия, действия и предмета, точнее, это одно имя, прилагаемое к любому из компонентов трудового акта. Еще точнее было бы сказать, что это вообще не имя: если сравнивать с современным языком, то оно соответствует по функции не слову «цыплек», а зову «цып-цып-цып». Во всяком случае, предмет впервые стал связываться с определенным звуковым сигналом.

Но тут мы наталкиваемся на одну очень существенную трудность. Вот в чем она заключается.

Возьмем данные о количестве различных звуков, производимых обезьянами. Шимпанзе способен издавать примерно 8 звуков⁵², южноамериканская обезьяна ревун — 9, гамадрил — 9 и т. д. В общем количество звуков, которые могли быть использованы в сигнальной функции древнейшим человеком, не превышало, вероятно, 10—15, причем, как подсказывают наблюдения над обезьянами,

⁵¹ М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. М., 1958, стр. 318.

⁵² Лернед насчитывает их 32, но она считала звуки, различные для ее восприятия, а не для восприятия шимпанзе. То же с данными Тих о гамадриле (18 звуков). У Боровского указывается для капуцина число 30; но источник этих сведений неясен.

это были в основном звуки, связанные с работой гортани — типа уже знакомого нам крика «ак».

Но ведь у неандертальца число подлежащих обозначению трудовых действий значительно превышает эту цифру! Его хозяйство отнюдь не было примитивным. Значит, надо было найти способ специализации звуков, унаследованных от обезьян и бывших раньше нечленораздельными выкриками. Таким способом оказался переход к членораздельным речевым звукам. Он заключался в том, что органы речевой полости (главным образом, язык, мягкое небо и губы), ранее не игравшие почти никакой роли для звукопроизводства, получили, напротив, основную функциональную нагрузку и стали обеспечивать различие речевых звуков.

В том, что процесс «передвижения речевых работ из гортани в полость рта» (И. А. Бодуэн де Куртенэ) действительно происходил, нет никаких сомнений. На это указывает целый ряд косвенных признаков. Наиболее убедительным из них является то, что, «в отличие от гейдельбергского человека, неандерталец имел отчетливо развитые выступы для прикрепления язычных мышц и в этом отношении напоминал современных людей»⁵³. А значит, мышцы языка несли у неандертальца большую нагрузку, чем у гейдельбергского человека. Этого и следовало ожидать — ведь именно язык играет у современного человека первенствующую роль в процессе речеобразования, обеспечивая главным образом членораздельность речи.

Конечно, на самом деле изменения органов речи и их функций, происходившие в неандертальский период, неизмеримо сложнее. Именно потому, что они очень сложны и требуют специальных знаний в области анатомии и физиологии, мы не будем здесь их рассматривать и отошлем читателя к статье В. В. Бунака⁵⁴. С некоторыми из этих изменений нам, однако, придется еще столкнуться.

Как звучали издаваемые неандертальцем звуки для нашего современного уха?

Чтобы ответить на этот вопрос, познакомимся с исследованиями Н. И. Жинкина, касающимися механизмов

⁵³ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левиц. Основы антропологии, стр. 238.

⁵⁴ В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. — В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.

речи у современного человека ⁵⁵. По Жинкину, в речевом образовании участвуют три основные группы органов: а) органы речи в собственном смысле, т. е. в основном язык и другие органы артикуляции; б) гортань, или глоточный резонатор; в) органы дыхания, в особенности бронхи и диафрагма. Последовательность процессов, приводящих к образованию речи, примерно следующая.

Из коры мозга поступает сигнал в органы артикуляции. Одновременно из другой области коры поступает согласованный с первым сигнал в глотку. Но для образования разных звуков необходимо разное давление воздуха, подаваемого в полость рта: для взрывных звуков больше, для щелевых — меньше и т. д. При этом наблюдается следующее интересное явление: громкие сами по себе звуки, например *а, о, л*, произносятся с минимумом подаваемого воздуха, тихие же, неслышные звуки (*ж, т, и*) обеспечиваются наибольшим давлением ⁵⁶, так что «сильные звуки ослабляются, тихие — усиливаются, т. е. происходит... сжатие крайних величин и приведение их к обозримому слухом уровню, с сохранением относительных различий» ⁵⁷. Вот эта-то регуляция давления, т. е. количества воздуха, поступающего из легких, и осуществляется глоткой: глотка передает бронхам и диафрагме через дыхательные центры мозга сигнал о необходимом количестве воздуха, являясь как бы «пультом управления», позволяющим передать необходимую информацию о речевом звуке в органы дыхания.

Для нас особенно важно, какие участки мозга ведают связью глоточного резонатора с другими компонентами речевого аппарата — с органами артикуляции, во-первых, и органами дыхания, во-вторых. Выясняется, что взаимная координация сигналов, поступающих в органы артикуляции и в глотку, отнюдь не с самого рождения присут

⁵⁵ Н. И. Ж и н к и н. Механизмы речи. М., 1958.

⁵⁶ Поэтому их нельзя «кричать»: весь запас давления уже израсходован на произнесение звука. М. М. Пришвин в повелле «Двойной след» (из цикла «Рассказы егеря») говорит о своей собаке по кличке «Кэт»: «Кэт от первоначального, неудачно данного первым ее владельцем, Китти. Тот был не охотник, не понимал, что кричать на букву «и» громко нельзя. Я стал звать на э, выпла Кэт...»

⁵⁷ Н. И. Ж и н к и н. Новые данные о работе двигательного речевого анализатора в его взаимодействии со слуховым. — «Известия АПН РСФСР», вып. 81. М., 1956, стр. 239.

человеку. Она обязана своим возникновением условнорефлекторным связям, образующимся прижизненно в результате овладения языком: владея несколькими языками, человек может соответственно изменять характер координации, но для этого нужна долгая тренировка — иначе он будет говорить с акцентом. По-видимому, эта координация установилась уже после окончательного складывания физического типа современного человека, когда его морфологическая эволюция прекратилась. Во всяком случае, система «органы артикуляции — мозг — глотка» сложилась очень поздно. Напротив, механизм глоточной регуляции дыхания (система «органы дыхания — мозг — глотка») является безусловнорефлекторным, он самонастраивается задолго до того, как человек начинает говорить. Легко проследить, как дети примерно пяти-шести месяцев от роду, не умея, конечно, произнести ни одного речевого звука, тем не менее очень умело координируют деятельность гортани и органов дыхания, так что на слух получается полная иллюзия, что ребенок произносит слоги. А значит, и в истории формирования человека этот механизм установился очень рано, во всяком случае, когда морфологическая эволюция еще не закончилась или как раз заканчивалась. Одним словом: сначала образовалась связь и координация между глоткой и органами дыхания, и лишь потом — координация между глоткой и органами артикуляции.

А так как произносить звуки без участия глотки невозможно (если отвлечься от щелкающих звуков — см. ниже), то звуки сначала должны были быть и слогами, как у пятимесячного младенца; лишь впоследствии, вероятно, уже у *Homo sapiens*, звук должен был начать противопоставляться слогу. Это согласуется и с некоторыми данными о строении гортани первобытного человека.

Во-первых, в процессе антропогенеза выделяется так называемый «голосовой мускул», благодаря которому натяжение голосовых связок становится независимым от работы стенок гортани. Так как острая необходимость в усиленной работе голосовых связок появляется по-видимому, только у неандертальца, процесс выделения «голосового мускула» едва ли мог завершиться раньше неандертальского периода. С другой стороны, между моментом, когда «голосовой мускул» полностью сформиро-

вался как отдельный мускул, и моментом, когда он стал действовать самостоятельно, т. е. когда кора головного мозга стала подавать ему специальные сигналы, иначе говоря, когда в коре образовалось специальное «представительство» голосового мускула, должно было пройти немало времени. Поэтому вероятнее всего, что неандерталец, если и имел голосовой мускул, то пользоваться им «как следует» не умел. А это значит, что он не мог произносить различных гласных: все они были «на одно лицо», точнее — произношение любого звука произвольно вызывало у неандертальца колебание голосовых связок, то есть гласный призыв.

Во-вторых, этот призыв отнюдь не был похож на те чистые гласные, которые произносит современный человек, потому что закругление краев голосовых связок еще не завершилось. А это значит, что вместе с речевым звуком неандерталец производил массу негармоничных, пронзительных звуков-визгов, скрипов, писков.

Итак, в речи неандертальца звук, по-видимому, не противопоставлялся слогу. Где он мог артикулироваться?

По всей вероятности, звуки речи неандертальца образовывались в самой гортани и в задней части полости рта. Дело в том, что чисто ротовая артикуляция — произношение губных, зубных и тому подобных звуков — требует, чтобы полость рта составляла с гортанью единое целое: только тогда гортань будет способна обеспечить правильное давление воздуха, а следовательно, достаточно членораздельное, различное на слух произношение. Между тем, гортань неандертальца связана с полостью рта лишь сравнительно небольшим проходом, который превратится в широкие «ворота» лишь тогда, когда неандерталец с о в е р ш е н о выпрямится и голова его не будет сдвинута вперед, — а это один из важнейших признаков уже Homo sapiens. Поэтому, если допустить, что речь неандертальца была членораздельной, и, в частности, допустить увеличение роли языка, то область, где язык неандертальца мог первое время артикулировать звуки, лежит, повторяем, где-то между гортанью и твердым нёбом. Кроме того, неандерталец легко мог произносить «в нос», так как нёбная занавеска отстояла у него дальше от задней стенки гортани, чем у современного человека.

Сложнее обстоит дело с проблемой так называемых щелкающих звуков или «кликсов». Это особый класс соглас-

ных звуков, встречающихся в настоящее время в языках бушменов и готтентотов. Отличие их от обычных звуков заключается в следующем: если обычные звуки произносятся на в ы д о х е, то щелкающие звуки — на частичном в д о х е; точнее, с помощью губ или языка в каком-либо месте полости рта образуется небольшой вакуум, заполнение которого в результате легкого «взрыва» и дает эффект щелчка. Примерами щелкающих звуков могут служить чмокание (соответствующий звук языка бушменов племени масарва так и называется в лингвистике — «звук поцелуя») и звук, обычно обозначаемый как «ц-ц-ц» и выражающий сожаление. В современной лингвистике существует точка зрения, согласно которой именно щелкающие звуки появились в истории человеческого языка первыми, и из них возникли все другие звуки⁵⁸. Это представляется нам по ряду соображений маловероятным: например, все «кликсы» не могут произноситься громко, а речь первобытного человека не могла не быть громкой. Но если учесть, что щелкающие звуки не требуют, как обычные звуки, специальной регулировки дыхания с помощью гортани и не требуют точной артикуляции, в то же время четко различаясь на слух, можно, видимо, допустить их использование первобытным человеком наряду с другими звуками. Если в дальнейшем они не получили широкого распространения в языках современного человечества, то это, видимо, связано с невозможностью быстрого перехода от одной «щелкающей» артикуляции к другой, в то время как обычные артикуляции могут сменяться достаточно быстро.

Самое важное отличие речи неандертальца от речи современного человека связано, однако, не со строением речевых органов и не с местом артикуляции отдельных звуков, а со структурой механизма речи и речевого слуха.

Как выше уже говорилось, речевые движения и их соотношение с акустическими впечатлениями от звуков речи усваиваются человеком только в процессе овладения языком. Его речевой слух, т. е. способность правильно воспринимать, узнавать слышимые звуки, обусловлен его

⁵⁸ J. van Ginneken. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939; R. S t o p a. Powstawanie i klasyfikacja dźwięków mowy ludzkiej.— «Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozpr. Komisji językowej», I, 1959.

родным языком: те звуки, которые различаются в его родном языке, он услышит в чужом; если же двум или нескольким звукам чужого языка в его родном языке соответствует один звук, он услышит эти несколько звуков как один. Дело здесь совсем не в том, что ухо «по-разному» слышит у разных людей: напротив, слышит оно примерно одинаково. Оказывается, восприятие речи — это скорее дело речи, чем дело слуха; по-видимому, для правильного узнавания речевых звуков необходимо, чтобы во время восприятия речи происходили микроскопические движения артикуляционных органов, как бы моделирующие движения органов речи говорящего⁵⁹.

С физиологической точки зрения такое моделирование связано с появлением в мозгу определенного функционального объединения разных отделов, как бы «надстроенного» над элементарными условно- и безусловнорефлекторными связями «второго этажа». Л. С. Выготский писал, что «человек вовсе не кожаный мешок, наполненный рефlekсами, и мозг — не гостиница для случайно останавливающихся рядом условных рефlekсов»⁶⁰. Системность реакций мозга на внешние стимулы как раз и обеспечивают «физиологические органы» (термин А. А. Ухтомского), — функциональные мозговые системы, образующиеся у человека — как и у животного — прижизненно. Но у животного они играют лишь вспомогательную роль, объединяя простейшие рефlekторные связи. У человека же они являются необходимым условием человеческого сознания, его физиологической предпосылкой и «надстраиваются» над функциями мозга, возникшими в ходе антропогенеза и отсутствующими у животных.

Эти системы соответствуют различным специфически человеческим способностям, предполагающим усвоение отдельным индивидом общественно-исторического опыта человечества. Мы уже говорили в конце первой главы о том, что только благодаря существованию общественного опыта, общественного сознания и возможности черпать

⁵⁹ Материалы по этому вопросу собраны в папкей статье «Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи». — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

⁶⁰ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения. — В сб.: «Психология и марксизм». Л. — М., 1925, стр. 179.

из этой «кладовой» необходимые знания и умения человек делается человеком. Функциональные мозговые системы у человека — это как раз и есть такие особенности функционирования (точнее — взаимосвязи функций) уже сложившихся, морфологически неизменных и передаваемых по наследству физиологических механизмов, которые складываются у каждого человека в отдельности в процессе овладения общественно выработанным опытом.

К числу такого рода умений принадлежит музыкальный (звуковысотный) слух. Это — специфически человеческая способность. Именно на примере музыкального слуха работами А. Н. Леонтьева и его сотрудников были показаны особенности возникновения и действия функциональных мозговых систем (само это понятие восходит к работам И. П. Павлова). В частности, было показано, что человек, который специально не занимался выработкой музыкального слуха, не способен ясно различать и запоминать звуковысотные различия: само по себе ухо не может этого обеспечить. Формирование музыкального слуха протекало в опытах так: человека сначала учили петь, добиваясь того, чтобы он подстраивал свой голос по высоте к звуку, который он слышал. Когда это ему удавалось и достигалось совпадение слышимого и пропеваемого звука по высоте, в мозгу обучающегося замыкались рефлекторные связи, и дальше становилось возможным редуцировать пропевание, сведя его к еле заметным молчаливым колебаниям голосовых связок. Значит, в принципе таким же путем музыкальный слух формируется и на практике.

К числу такого рода умений принадлежит и речевой слух, который обязан своим существованием объективному существованию фонологической системы языка (но и наоборот, о чем иногда забывают лингвисты).

Все функциональные мозговые системы у человека имеют нечто общее: они являются эквивалентом, заменителем морфологических изменений, прекратившихся с появлением *Homo sapiens*. Неандертальцу они были не нужны: иначе они отложились бы в строении его нервной системы в виде морфологических изменений. А значит, неандерталец мог различать речевые звуки лишь постольку, поскольку такое различение могло обеспечиваться обычным «животным» слухом, т. е. мог различать примерно те звуки, которые может различать нетренированное ухо

современного человека, — иначе говоря, ухо ребенка первого года жизни. В этой связи интересно заметить, что различительная или, как говорят, «разрешающая» способность человеческого уха больше в области высоких звуков, нежели в области низких⁶¹; вероятно, речевые звуки неандертальца были относительно высокими, пронзительными, что согласуется с данными о строении его голосовых связок.

5. ОТ НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА К *HOMO SAPIENS*

Теперь, когда читатель имеет представление о функциональных мозговых системах, ему будет понятно, почему объем мозга неандертальца так велик и иногда превышает даже объем мозга современного человека и почему между черепами неандертальцев, найденными в разных местах, имеются большие различия.

Пока у человека еще не появились специальные функциональные мозговые системы, взявшие на себя усвоение видового, общественно-исторического опыта, все необходимые для первобытного человека способности, как мы знаем, закреплялись в виде определенных особенностей строения мозга. Эти особенности варьировались у разных территориальных разновидностей. И вот у одной из разновидностей неандертальского человека развитие в силу тех или иных причин пошло таким образом, что стало возможным объединение различных участков коры мозга в единую функциональную систему, работа которой с успехом заменяла работу нескольких изолированных областей коры. Естественно, что дальнейшая морфологическая эволюция мозга оказалась непушной — во всяком случае, в той сфере, которая обслуживалась функциональной системой. Эта разновидность оказалась жизнеспособной, потому что у нее были потенциальные возможности для дальнейшего — почти безграничного — развития в данном направлении. А другая разновидность, напротив, стала развиваться в сторону все большего усложнения строения мозга, не меняя принципа его работы. Размеры мозга все росли и росли, пока

⁶¹ Р. Грант. Электрофизиологическое исследование рецепции. М., 1957, стр. 288.

мозг не достиг объема, мешающего нормальной жизнедеятельности его носителя. Ясно, что по закону естественного отбора эта разновидность должна была вымереть.

Первая, жизнеспособная разновидность — это так называемые атипичные неандертальцы, в особенности неандертальцы из Палестины и Северной Африки. Человек ведет свое происхождение именно от этой разновидности. А вторая — это «типичные» неандертальские формы из Мустье, Ла-Шапелль и некоторых других, особенно среднеевропейских находок. Это был тупиковый путь антропогенеза.

Сразу напрашивается вопрос: в чем же особенности морфологической эволюции атипичного неандертальца были более прогрессивными и благодаря чему они возникли?

Самое главное отличие палестинского неандертальца от типичного неандертальца из Ла-Шапелль — это «небольшой по объему мозг, но с более прогрессивным развитием отдельных его областей, с более сложным расположением борозд и извилин на его поверхности... Череп этих людей отличается высоким сводом, меньшим наклоном лба, большей округленностью затылка»⁶² (рис. 10).

Очень может быть, что это отличие свидетельствует о большем развитии у атипичного неандертальца (по сравнению с типичным) теменно-затылочных отделов коры головного мозга. А это как раз те отделы, которые обеспечивают «расположение внешних воздействий или их следов в одновременные пространственные группы и обозрение этих элементов, уложенных в одновременную («симультанную») систему»⁶³. Характерно, что в мустьерскую эпоху мы еще не находим конструктивных орудий, составленных из двух или нескольких частей (топор + ручка; копьё + наконечник), а только دستруктивные, полученные путем доведения исходного предмета, например камня, до необходимого размера и формы.

Причину описанного развития мозга следует, видимо, искать в большей морфологической приспособленности руки атипичного неандертальца к тонким трудовым

⁶² В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Стр. 84.

⁶³ А. Р. Лурия. Травматическая афазия. М., 1947, стр. 21.

операциям. Например, при сравнении неандертальцев из Ла-Шапель и с горы Кармел (Палестина) бросается в глаза, что у лашапелльского неандертальца большой палец руки не может свободно противопоставляться

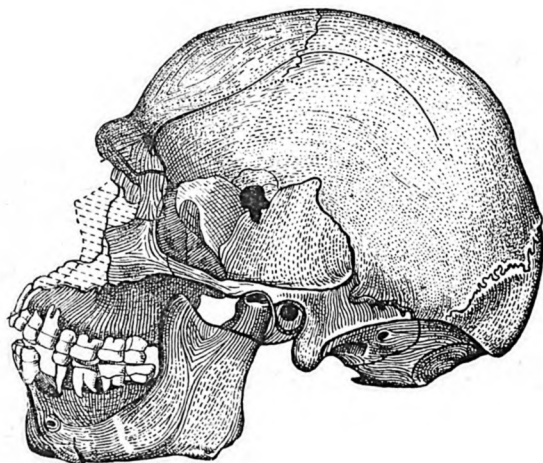


Рис. 10. Череп «атипичного» неандертальца с горы Кармел в Палестине (по Мак-Коуну и Кизсу)

остальной кисти (отсутствует так называемый седловидный сустав), в то время как рука палестинца почти совершенно схожа с нашей. Такая же несовершенная рука была у книккобинского человека: потому он и был вынужден держать орудие в кулаке. Это не значит, конечно, что предки неандертальцев с горы Кармел не имели когда-то такой же примерно кисти, как книккобинец: на известном этапе развития все формы первобытного человека, вероятно, характеризовались «неудобным» строением руки. Но если рука палестинского неандертальца эволюционировала от этого состояния в «нашу» сторону, то развитие руки лашапелльца по какой-то причине оста-

новилось и даже пошло (с нашей точки зрения) «вспять». Было бы интересно проверить, не связано ли указанное различие с начинающимся использованием кости для производства орудий: заметим, что в «классической» стоянке Ла-Шапелль костяные орудия как будто совершенно отсутствуют. Ведь каменное мустьерское орудие, как бы оно ни было обработано, вполне можно было держать «по-кин-кобински» (рис. 11); то же касается производства мустьерских орудий, вплоть до самых изощренных способов, например, ретуши. Но орудия из кости и дерева требуют иной, «современной» кисти.

Каким же путем изменение в строении кисти могло вызвать появление новых отделов коры?

Благодаря более тонкому строению кисти атипичная разновидность неандертальца смогла производить большее количество трудовых действий и более сложные действия, что, естественно, не могло не привести к изменению структуры производственных отношений в стаде и к усложнению хозяйства.

В конце концов должна была возникнуть потребность в разделении труда между членами стада. Мы имеем здесь в виду не общее всем неандертальцам естественное разделение труда, в частности разделение труда между мужчиной и женщиной, отразившееся в появлении скребла и остроконечника, а связанную с этим разделением впервые появившуюся возможность не выполнять всего цикла трудовых операций, но разбить их во времени и распределить между различными членами стада: один неандерталец приготовил камень к скалыванию, второй производит это скалывание, третий будет ретушировать.

Трудовые операции могли распределиться таким образом между членами стада только при одном условии: если предмет, в котором общественная практика воплотила известные функции, будет обозначаться языковыми средствами. Это нужно для того, чтобы он отличался от

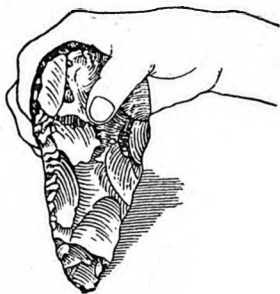


Рис. 11. Способ держания каменных орудий (по Равдоникасу)

предметов, в которых в ходе общественной практики воплощены, «опредмечены» другие функции.

Поясним сказанное на чрезвычайно упрощенном примере. Если первый член стада производит скалывание и называет продукт своего труда «то, что относится к скалы в а н и ю», а второй производит ретушь и называет тот же предмет «т о, ч т о о т н о с и т с я к р е т у ш и», как они смогут договориться? Особенно если третий решит ограничиться простой оббивкой и, приступив с получившимся рубилом к сдиранию шкуры, назовет это рубило — «т о, ч т о о т н о с и т с я к с д и р а н и ю ш к у р ы»...

«На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились... потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются,— говорит Маркс,— люди дают отдельные названия целым классам предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира»⁶⁴. Мы как раз и пришли к необходимости такого обозначения.

Раньше звук был стимулятором. Потом он, кроме того, стал и регулятором. А теперь звук стал еще и знаком. Знаковость человеческого языка— его основное, как говорят, «конституирующее» свойство. Знак позволил ввести в поведение человека «искусственный» сигнал, дополнительный стимул, который позволяет учитывать в поведении не только непосредственное воздействие внешних раздражителей, не только внешние природные связи этих раздражителей, но и те их связи, которые возникли в ходе общественной практики человечества, в ходе активного подчинения природы человеком. Вот что по этому поводу пишет Л. С. Выготский: «...Система... связей, устанавливающихся в мозгу животного, есть копия или отражение природных связей между «всевозможными агентами природы», сигнализирующими наступление непосредственно благоприятствующих или разрушительных явлений... Активное приспособление человека в среде, изменение природы человеком не может основываться на сигнализации, пассивно отражающей природные связи всевозможных агентов. Оно требует активного замыкания такого рода связей, которые яв-

⁶⁴ К. М а р к с. Замечания на книгу А. Вагнера, стр. 377.

ляются невозможными при чисто натуральном, т. е. основанном на природном сочетании агентов, типе поведения. Человек вводит искусственные стимулы, сигнализирует поведение и при помощи знаков создает, воздействуя извне, новые связи в мозгу..., управляет мозгом и через него — собственным телом»⁶⁵. «Всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением, чужим или собственным, — есть знак»⁶⁶.

Теперь, скажем, исходное ядрище будет называться *X*, получившийся после оббивки полуфабрикат-рубилло — *Y*, отколотое от него лезвие — *Z* и т. д. Зная, что данное орудие — орудие *Z*, человек, даже если он не имеет собственного трудового опыта и лишь в общих чертах представляет себе производство, будет понимать, что оно уже прошло первые стадии обработки и теперь подлежит ретуши. Самое же главное — все орудия, прошедшие те же стадии обработки и подлежащие ретуши, будут носить имя *Z*, а если они прошли те же стадии обработки, но ретуши не подлежат и по каким-то соображениям предназначены для непосредственного использования в неотретушированном виде, то, хотя их производство идет совершенно тем же порядком, они получают какое-то другое название. *Z* получило определенное, не только субъективное, но и объективное значение, в нем, в этом слове или звуке *Z*, оказалось закрепленным объективно существующее в трудовой практике человечества взаимное отношение трудовых действий. Можно даже сказать, что ему соответствует некоторое первичное понятие. Одним словом, вместе со знаком возникла вторая сигнальная система. Человек стал реагировать и образовывать условные рефлексy не на звучащие, а на значенные первобытного «слова». А это, в свою очередь, должно было привести к распадению субъективного тождества «слова» и обозначаемого им действия или предмета и к осознанию человеком своего языка.

Строго говоря, это, конечно, еще не понятие, а представление: звук *Z* вызывает определенные зрительнокинестетические ассоциации, но не более. Впрочем, нам с вами вполне достаточно и представления. Ведь чтобы

⁶⁵ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 112—113.

⁶⁶ Там же, стр. 109.

у человека могло возникнуть даже только обобщенное представление об орудии Z, он должен уметь сопоставить, сравнить данные орудия. А механизм сравнительного анализа одновременных впечатлений как раз и обеспечивается теменно-затылочной областью коры.

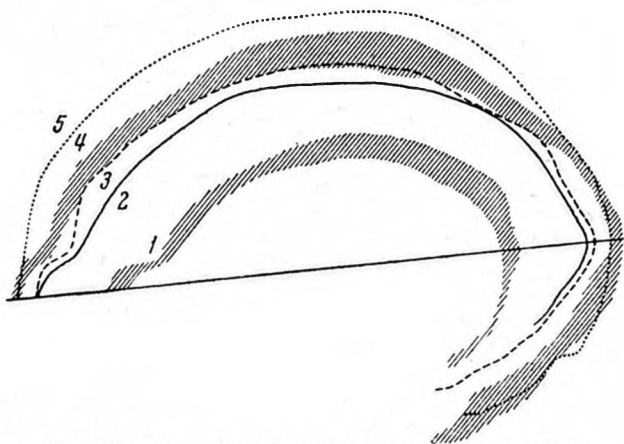


Рис. 12. Сравнение очертаний черепов (по Вейперту):

1 — шимпанзе; 2 — питекантроп; 3 — синантроп; 4 — неандерталец; 5 — современный человек

Поэтому-то изменение строения кисти через цепь причин и следствий могло привести к образованию новых отделов коры ⁶⁷.

Развитие теменно-затылочной области могло повлиять и на речь; вероятно, именно тогда она стала не просто

⁶⁷ Второстепенной причиной того, что лашапелльский неандерталец «зашел в тупик», была, может быть, изолированность отдельных неандертальских групп. Ввиду того, что брак осуществлялся всегда внутри одной и той же семьи неандертальцев, обострились, гипертрофировались типичные неандертальские признаки (П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 202; А. Золотарев. Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов. — «Антропологический журнал», 1936, № 3, стр. 361). Между тем, у палестинских неандертальцев налицо явное смешение различных физических типов, а это расшатывает биологическую наследственность (Я. Я. Рогинский и М. Г. Левиц. Основы антропологии, стр. 255).

членораздельной, а н с в я з н о й. Раньше, когда человек слышал последовательный ряд звуков, он строил свое поведение соответственно каждому звуку в отдельности. Теперь он получил возможность проецировать эти звуки на одну временную плоскость, сопоставлять их и строить свое поведение в зависимости от того, к каким результатам приведет их сопоставление. Грубо говоря: услышав звук со значением «убивать» и звук со значением «олень», человек мог, сопоставив эти звуки, понять, что речь идет об убивании оленя.

На этом нам тоже придется еще остановиться. А пока обратим внимание вот на что. Выше говорилось, что функция речевого «высказывания» у первобытного человека, была, по-видимому, в первую очередь регулирующей. Регулировало оно поведение всего стада, поведение других людей.

Но мы не можем забывать и того, что оно, это «высказывание», регулировало и поведение самого говорящего. Если представить себе такую трудовую ситуацию, в которой человек регулирует, направляет с помощью речи только собственную деятельность, мы подойдем совсем близко к возникновению уже собственно человеческой мысли, пока еще высказываемой вслух.

Конечно, для этого необходимо было изменение самого принципа трудовой деятельности в коллективе. Прежде одновременных общих усилий коллектива едва-едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Но развитие техники облегчило производство, позволило сделать его общественным по существу, но не обязательно по форме. Человек, вооруженный, скажем, копьем, может самостоятельно пойти на охоту, сохраняя зависимость от своего трудового коллектива лишь в том, что он производит общественно выработанные действия общественным орудием и сдает добычу в общий котел. Прежде он сознавал себя только как члена коллектива, не выделяя себя из коллектива,— в этом не было необходимости; теперь же его трудовое поведение, отличное от поведения других людей, становится и для него субъективно его собственным поведением. Появляется возможность для только что описанного возникновения собственно мысли. Появляется и с а м о с о з н а н и е.

Способность человека к саморегуляции поведения связана с развитием лобных долей мозга и пропадает при

их поражении. Очень важно, что эта способность включает в себя и способность осознавать, презентировать в сознании и по желанию воспроизводить все окружающие предметы; это происходит благодаря появлению знака и предполагает возникновение настоящего человеческого представления. Человек может осознать (вызвать в сознании зрительный или другой чувственный образ) и произвольно вспомнить (быть способным в л ю б о й м о м е н т воспроизвести этот образ) любой предмет, лишь бы он был предварительно обозначен с помощью звука. Звук Z вызывает в его сознании все свойственные предмету Z объективные свойства, причем «представляется» уже не какой-то определенный предмет-эталон, а обобщенная схема, «скелет», состоящий из характерных для всего класса Z свойств. Лишь отдельные детали представления могут заполняться за счет личного чувственного опыта человека.

Появление обобщенного и отодвинутого во времени представления, в свою очередь, связано с возникновением конструктивных орудий, простейшими из которых являются копьё с каменным наконечником и каменный топор, привязанный к деревянной ручке, и первыми шагами изобразительного искусства. То, что и конструктивные орудия, и наскальные рисунки впервые зарегистрированы (причем одновременно) в начале ориньякской эпохи, т. е. вместе с появлением *Homo sapiens*, подтверждает связь представления с собственно человеческой ступенью антропогенеза.

Можно себе представить, однако, какое количество звуков нужно было для обозначения действий человека и предметов, его окружавших! Поэтому обычно полагают, что наряду с возможностью последовательно располагать звуки возникла потребность «растянуть» эти звукознаки, раздробить их на более мелкие части и поставить значение целого в зависимость от звучания и расположения этих частичек, то есть предполагают, что одновременно с появлением дискурсивности (последовательного расположения) слов в предложении возникла дискурсивность звуков в слове.

Нам представляется, что это были не одновременные процессы. Вот какими соображениями мы при этом руководствуемся.

Если бы одновременно шло образование и механизма дискурсивности слов, и механизма дискурсивности зву-

ков, и, наконец, механизма взаимного противопоставления звуков, ведающего строением и функционированием фонологической системы (и поражаемого при так называемой «афферентной моторной афазии»), — если бы эти три механизма возникли синхронно, то из этого следовало бы, что они должны иметь одинаковую или сходную природу. Но один механизм (дискурсивности слов) оказался связанным со специфически морфологическими изменениями коры мозга и вызывал развитие лобных долей; а значит, его формирование предшествовало становлению *Homo sapiens*; два же других механизма — чисто функциональные, т. е. возникли уже после этого становления, причем на основе иных, более элементарных функций.

Это подтверждают и другие данные. Нижняя челюсть неандертальца, массивная и управляемая крайне мощными, но инертными жевательными мускулами, не могла двигаться достаточно быстро, чтобы поспевать за сменой артикуляций: поэтому она редуцировалась, стала легче и подвижнее⁶⁸.

Это явно происходило до окончательного складывания физического типа *Homo sapiens*. Что же касается отношений звука и слога, то эти отношения управляются, как уже было сказано, условнорефлекторным, не передающимся по наследству и весьма поздно образовавшимся физиологическим механизмом.

На то, что звук и слог расчленились очень поздно, указывают и некоторые лингвистические данные.

Некоторые исследователи полагают, что современной стадии в развитии индоевропейских языков предшествовала стадия «протофонем». Протофонема, или силлабема, — это сочетание нескольких звуков, каждый из которых в отдельности не несет фонологической нагрузки. В частности, лишен фонологической значимости гласный звук⁶⁹. Во всяком случае, работами лингвистов-индоевропейцев, связанными с так называемой «ларингальной теорией», реконструировано такое состояние протоиндо-

⁶⁸ В. В. Б у н а к. Происхождение речи по данным антропологии, стр. 232—233.

⁶⁹ W. P. Lehmann. Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952, p. 110—112. См. также: С. Д. К а ц н е л ь с о н. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской языковой системы.— «Вопросы языкознания», 1958, № 3.

европейского языка, когда он характеризовался множеством согласных, но лишь одним-единственным гласным. А ведь «если бы такой «моновокалический» язык существовал, то в нем наблюдались бы многочисленные скопления согласных: ведь только при этом условии и могла бы существовать одна-единственная гласная, противопоставляясь отсутствию гласного... между согласными. «Моновокалический» язык без скопления согласных с фонологической точки зрения явился бы языком без гласных, ибо гласный, обязательно следующий после каждого согласного, очевидно, нужно было бы рассматривать только как составной элемент реализации согласного, не имеющий смыслоразличительной функции»⁷⁰. Одним словом, «моновокалический» язык, даже если в нем фонетически можно было выделить гласные и согласные звуки, не мог использовать их различие для различения слов⁷¹.

Аналогичное «моновокалическое» состояние с гораздо большей уверенностью устанавливается и еще для некоторых групп языков, например для абхазо-адыгской⁷², для австралийского языка аранта (Кацнельсон). Кроме того, как известно, семито-хамитские языки характеризуются трехгласным корнем, в котором лексическое значение выражается только согласными, гласные же играют подчиненную роль. Не исключено, что можно восстановить моновокалическое состояние и для этой группы языков. К сожалению, в отношении большинства других групп языков трудно сказать что-либо определенное ввиду малой разработанности их сравнительно-исторических грамматик.

⁷⁰ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 107.

⁷¹ «Если бы существовал такой язык, в котором не было бы комбинации согласных и в котором были бы ...такие слова: *pasaka*, *tataba*, *gana* и все бы на *-a* окачивались, каждый слог имел бы *a* и какую-нибудь согласную,— ...люди, которые говорили бы на таком языке, не дошли бы до того, чтобы разделить гласные от согласных... Для них звуками речи были бы: *pa*, *ka*, *ta*...»—говорил в одной из лекций Л. В. Щерба. Нетрудно понять, что вначале в языке не могло быть скопления согласных — оно предполагает очень тонкую координацию работы гортани и органов артикуляции, достижимую лишь с течением времени.

⁷² Н. Яковлев и Д. Ашихамов. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 404—406; ср. А. Н. К у і р е г с. Phoneme and morpheme in Kabardian. 'S-Gravenhage, 1960.

Во всяком случае, очень вероятно, что по крайней мере часть языков человечества прошла через «моновокалический» период, тем более, что, как мы отмечали выше, биологические предпосылки для различия гласных создаются довольно поздно. Иначе говоря, потребность сделать речь более членораздельной была в моновокалических языках удовлетворена сначала каким-то иным способом, и лишь впоследствии, очень поздно (настолько поздно, что мы уже можем реконструировать этот период!) слог распался на отдельные звуки.

Первый способ, который приходит в голову,— это возможность сочетания слогов в многосложное слово. Но тогда должен был появиться и какой-то способ «скленывать» слоги, вроде словесного ударения в русском языке или гармонии гласных в турецком.

Однако здесь возникает трудность: дело в том, что появление «настоящего» слова относится к периоду заведомо после того, как закончилась морфологическая эволюция человека ⁷³. Между тем возросшая потребность в обозначении — то есть превращение звука-регулятора в звук-знак — относится к периоду заведомо до этого. Поэтому маловероятно, что потребность сделать речь более членораздельной была удовлетворена за счет перехода от односложности к многосложности.

У нас есть другая гипотеза.

Постараемся понять: как в принципе мог впервые возникнуть звуковысотный слух? Ведь в природе не бывает чистых тонов. А для того чтобы у человека появился звуковысотный слух, надо, чтобы ему было к чему «подстраивать» двигательное звено слухового анализатора, надо, чтобы был звук фиксированной высоты, служащий эталоном. Когда появился речевой слух, с тембром речевых звуков дело обстояло очень просто: ведь определен-

⁷³ Почему могла возникнуть функциональная система, ведающая речевым слухом? Ведь чтобы воспринимать тонкие звуковые различия, совершенно не обязателен такой скачок в структуре восприятия: разрешающая способность уха вполне «разрешает» воспринимать эти различия. Но одного человеческого и любое другое ухо обеспечить никак не может — последовательного отождествления звуков и «сведения» их в слово. Именно для этого и нужен принципиально новый механизм. «Здесь одного внешнего акта прислушивания для ясности перцепции недостаточно» (И. М. Семенов. Рефлексы головного мозга. Избр. произв., т. I. М., 1952, стр. 60).

ные звуки были зафиксированы за определенными «значениями», хотя и субъективными, еще у неандертальца и, значит, могли служить неподвижной точкой отсчета. А как же с высотой тона?

Мы полагаем, что первые фиксированные тоны определенной высоты были речевыми тонами. В этой связи очень интересны наблюдения немецкого фонетиста Вэнглера над пением на тональном африканском языке хауса. При пении на языке хауса встречаются даже внутри одной песни два очень резко разграниченных вида мотивов. «Одни, которые могут быть названы речитативными, отражают тональные различия языка, причем значительно яснее, чем это происходит при обычной речи. Другие, музыкальные в собственном смысле, сохраняют самостоятельность»⁷⁴. Вся песня сводится к повторению одной музыкальной фразы с некоторыми вариациями. При этом те куски этой фразы, которые относятся к «музыкальным в собственном смысле», сохраняют при повторении свой мелодический облик; они-то и являются, по выражению Вэнглера, «музыкальными кирпичами», из которых строится песня. Что касается речитативных мотивов, они варьируются, но в музыкальном отношении все они однотипны — это чередование двух тонов, разделенных диапазоном в малую терцию⁷⁵.

Все это получает своеобразное осмысление, если мы привлечем для сравнения данные о музыке некоторых очень архаичных по культуре народов, не говорящих (по крайней мере в настоящее время) на тональных языках, — огнеземельцев (Южная Америка) и ведда (Цейлон). И у тех, и у других «все напевы отличаются весьма ограниченным диапазоном и однообразным характером интонирования: подавляющее большинство их состоит из последования двух или трех тонов, не превышающих, как правило, диапазона малой терции...»⁷⁶. Структура

⁷⁴ Н. Н. W ä n g l e r. Singen und Sprechen in einer Tonsprache (Hausa).—«Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 11, 1958, Н. 1, стр. 32.

⁷⁵ Там же, стр. 29.

⁷⁶ Р. И. Г р у б е р. Всеобщая история музыки, ч. I. М., 1960, стр. 10. Грубер считает, что музыка возникла в процессе звукоподражания. С этим едва ли можно согласиться: ведь для того чтобы выделить как объект подражания именно высоту тона, нужно было уже иметь звуковысотный слух; как уже сказано выше, в при-

музыкальной фразы и песни в целом тоже чрезвычайно похожа на структуру песни хауса: с одной стороны, фиксированный мотив в конце строфы (музыкальная концовка), и речитатив в начале строфы; с другой стороны, постоянное повторение одной и той же музыкальной фразы с некоторыми вариациями.

Очень вероятно, что «моновокалические» слогги с одним и тем же согласным все же различались, но различались по высоте тона, а не по тембру гласного. Думается, что тональные различия возникли еще в конце неандертальской ступени (но, конечно, неандерталец воспринимал отдельные звуки, различия же между ними не осознавал) и уже у *Homo sapiens* легли в основу формирования функциональной системы звуковысотного слуха. А благодаря тому, что эта система сложилась, стало возможным отделение музыки от речи — переход от речитативного типа к мелодическому, нащупывание качественной определенности тонов, расширение диапазона производимых звуков и т. д. Вероятно, когда необходимость использования тонов для смысловозличения отпала, они приняли на себя эмоциональную нагрузку — так и возникла музыка.

В заключение нельзя не оговориться, что современные тональные языки отнюдь не стоят, конечно, на этой гипотетической стадии в развитии человеческого языка вообще. В ряде этих языков тоны появились уже вторично, что можно доказать; но даже и там, где вторичность тональных различий прямо не доказуема, мы имеем дело с совершенно другой генетической стадией языкового развития. Достаточно сказать, что нет ни одного языка, где бы тональные различия не сочетались с различиями гласных по тембру. Впрочем, Н. Д. Андреев восстанавливает такое состояние общиндоевропейского языка («ранне-

роде нет чисто звуковысотных различий. И соотносить отдельные звуки друг с другом, т. е. анализировать их, наш предок тоже не мог, если отдельные тоны не были зафиксированы в его сознании, если их различие не было связано для него с какими-то иными, жизненно важными различиями. Гипотеза, предполагающая «нащупывание» качественной определенности тонов, вырастающей из первичных животноподобных звучаний» (там же, стр. 19), противоречит, таким образом, данным психологии и физиологии высшей нервной деятельности.

индоевропейский период»), когда слова были односложными и характеризовались не только моновокаличностью, но и несколькими тонами, используемыми для смысловоразличения⁷⁷. Если так, то здесь мы имеем дело как раз с пережитком гипотетически восстановленной нами генетической стадии в развитии человеческого языка.

⁷⁷ Н. Д. Андреев. Периодизация истории индоевропейского праязыка.— «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 14.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЯЗЫКА

1. ВНЕШНЯЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ЯЗЫКОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Говоря о языке и мышлении первобытного человека, мы подчеркивали изолированность, замкнутость отдельных стад питекантропов и неандертальцев. Теперь мы снова вернемся к этому вопросу.

Читателю знакома, конечно, работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Вспомним, что именно писал в этой книге Энгельс о происхождении семьи.

Первой стадией был так называемый *п р о м и с к у и т е т*, т. е. беспорядочные половые сношения всех членов стада. За ним следует стадия *к р о в н о р о д с т в е н н о й с е м ь и*. На этой стадии «брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, т. е. отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг таких супругов, а их дети, правнуки первых,— четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи взаимные супружеские права и обязанности... исключаются только между предками и потомками, между родителями и детьми»¹. Такая форма семьи является прямым следствием естественного разделения труда, появляющегося в мустьерский период².

Следующая, интересующая нас в первую очередь ступень — так называемый *г р у п п о в о й б р а к*. На этой ступени запрещены ³ браки между единоутробными брать-

¹ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч., т. 21. М., 1961, стр. 42.

² В. И. Р а в д о н и к а с. История первобытного общества, ч. I, стр. 182.

³ Это, конечно, не моральный или тем более правовой по происхождению запрет, а закономерное отражение того биологического факта, что постоянное кровосмешение ведет к вырождению.

ями и сестрами. Энгельс пишет по этому поводу: «...Как только возникло представление о nepозволительности половой связи между детьми одной матери, это должно было сказаться при дроблении старых и при основании новых домашних общин (которые при этом не обязательно совпадали с семейной группой)»⁴. Иначе говоря, кровнородственная семья распалась на брачные классы. Внутри каждого из этих классов браки были запрещены: вступать в брак можно было только с лицами, не принадлежавшими к данному классу, к данной общественной группе.

Такой порядок заключения браков этнографы называют экзогамией: каждый класс образовывал экзогамную группу. Это и был род.

Род был тесно сплочен экономически: он был «хозяйственной общиной с коллективным производством, собственностью и потреблением»⁵. Он не мог, однако, существовать самостоятельно, так как вступать в брак между собой члены рода не имели права. У современных народов мы обычно находим объединение родов в племя. Но существовало ли племя с самого начала?

«У нас нет данных, свидетельствующих об одновременном возникновении с экзогамией племенного строя, объединявшего группы родовых общин в племена. Напротив, этнографический материал показывает, что в Австралии экзогамные отношения не связывают роды в племена. ... Экзогамная организация не связана с племенем, а гораздо шире его. Показательна и отмечаемая всеми этнографами... крайняя неформленность племенной организации у австралийцев, стоявших уже на мезолитической, если даже не на неолитической стадии развития. Развитой племенной строй мы находим лишь у народов, далеко ушедших в своем развитии от стадии мезолита.

Наконец, разновременность сложения родовой и племенной организации подтверждают и данные лингвистики. ...Из всего этого ясно, что нет оснований предполагать наличие племенного строя для раннеродового общества, каким являлось общество позднего палеолита»⁶.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 43.

⁵ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I, стр. 209.

⁶ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 46.

Между тем в позднем палеолите явно складываются связи между отдельными группами, которые отражаются в появлении ярко выраженных локальных различий материальной культуры. А. А. Формозов выделяет на территории Европейской части СССР три такие локальные области. Что же это за связи? «Скорее всего нужно говорить об экзогамных связях, типа австралийских..., соединявших общины, отстоящие друг от друга на многие сотни километров.

При редкой населенности территории СССР в эпоху позднего палеолита людям приходилось поддерживать связи с общинами, живущими во многих днях пути от исходного пункта. Но большие расстояния, как показывает этнография, не являются препятствием для первобытного человека, если у него есть необходимость в общении с людьми, живущими в сотнях километров. Для родового же общества, каким являлось общество позднего палеолита, экзогамные связи совершенно обязательны»⁷.

Значит, между отдельными родами устанавливаются связи, выходящие далеко за границы первоначальной кровнородственной семьи⁸. Естественно предположить, что если эти связи отразились на материальной культуре, то тем более они должны были отразиться на языке и привести к частичному сближению, интеграции первоначальных «стадных» языков.

Именно такую гипотезу выдвинул в 1950 году С. П. Толстов. Вот что он писал:

«Естественно, каждый род, живя своей замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свойственный только ему язык. Однако, общаясь на почве брачной жизни с другими родами, люди разных родов нуждаются в известном минимуме взаимного понимания. В процессе общения между родами их родовые языки идут по пути взаимообмена,

⁷ Там же, стр. 66.

⁸ Как считают многие советские этнографы, концепция кровнородственной семьи, заимствованная Энгельсом (не без оговорок) у Моргана, не соответствует современному уровню этнографических знаний. Это ни в коей мере не противоречит нашим соображениям, как не противоречит им, по-видимому, и положение о первичности так называемого дуально-родового дислокального брака.— См.: Ю. И. Семенов. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии.— «Вопросы философии», 1959, № 7.

взаимопроникновения, приводящего в итоге тысячелетней истории первобытных родов к созданию ... того, что я назвал бы своего рода «первобытной лингвистической непрерывностью». Языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает, и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседних локально-родовых языков оказывается допускающей взаимное понимание. Нет резких лингвистических границ. Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, — однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает. Перед нами вместе с тем отнюдь не диалекты в современном понимании этого слова, а самостоятельные языки, ибо кроме них никаких других языков не существует и каждый из них является орудием общения экономически самодовлеющего коллектива... Естественно, любое переселение рода или группы родов даже на небольшое расстояние вызывает разрыв этой первобытной непрерывности»⁹. В качестве примера такого положения С. П. Толстов приводит современные языки Австралии и особенно Новой Гвинеи, где Н. Н. Миклухо-Маклай в свое время отметил, что жители деревень, лежащих в часе ходьбы друг от друга, иногда не понимают друг друга. Очень показательны, по мнению С. П. Толстова, собранные Миклухо-Маклаем словари папуасских диалектов: «мы видим, что в соседних деревнях основной словарный фонд характеризуется значительными совпадениями и одновременно значительными различиями. Характер языков допускает, несомненно, взаимное понимание соседей, хотя язык каждой деревни остается своеобразным»¹⁰.

Гипотеза «первобытной лингвистической непрерывности» вызвала ряд возражений. Основными из них были следующие.

Во-первых, говорилось, что гипотеза Толстова яко-

⁹ «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 17—18.

¹⁰ Там же, стр. 18.

бы вообще отрицает происхождение родственных языков из единого источника. Нет необходимости говорить, что это — натяжка. Конечно, наряду с интеграцией могла быть и дифференциация языков, в частности, в связи с «новообразованием племен и диалектов путем разделения» (Энгельс). Но Толстов берет определенный период, — когда род уже сформировался, а племен еще не было, — и выдвигает свою гипотезу именно для этого периода. Кстати, поэтому бессмысленно опровергать ее фактами современных языков Европы. Кроме того, «первобытная лингвистическая непрерывность» не обязательно должна была существовать у всех народов одновременно: даже наоборот, — ведь социально-экономическое развитие идет разными темпами.

Во-вторых, говорилось, что при скрещении и взаимовлиянии двух языков не может получиться третий язык, а должен обязательно победить один из этих двух. Это не соответствует реальным фактам — достаточно привести пример креольских языков. К тому же «первобытная лингвистическая непрерывность» совершенно не обязательно предполагает, что при скрещении должен получиться язык, совершенно отличный от скрещивающихся языков.

Наконец, утверждалось, что невозможна хозяйственная самостоятельность рода при его несамостоятельности как семейно-брачного института. Это тоже не подтверждается фактами.

Таким образом, серьезных возражений против гипотезы Толстова не выдвигалось. Очень многие археологи, антропологи и этнографы (П. И. Борисковский, В. В. Бунак, Н. А. Бутинов, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин) либо поддерживали ее, либо, во всяком случае, признали весьма вероятной. Напротив, основная критика исходила от неспециалистов, в частности, от лингвистов.

За прошедшие 10 лет точка зрения лингвистов, однако, изменилась. Все большую популярность завоевывает мысль о том, что так называемые праязыки, якобы породившие целые языковые семьи путем дифференциации, были на самом деле группами диалектов, имевших общие черты¹¹. В этой связи очень интересны для нас выводы Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова, реконструировавших для обще-

¹¹ В. П и з а н и. Этимология. М., 1956, стр. 43—55.

балтийского языкового состояния «открытую» диалектную область, незаметно переходящую в такую же славянскую диалектную область¹². Впрочем, пока нельзя сказать, чтобы это мнение стало общепринятым в советской лингвистике.

Формирование территориальных объединений — племен, союзов племен, наконец, государств — подкосило «первобытную лингвистическую непрерывность». Окончательно и невозвратно она исчезла, когда начались направленные миграции народов: угро-финны переселились на запад, индоевропейцы на восток, малайо-полинезийцы на юго-восток, банту на юг и т. д. Тогда эти объединения перетасовались, так что карта языков мира напоминает сейчас известную детскую игру «китайскую головоломку», в которой требуется сложить из отдельных кусочков какое-либо изображение. Трудности здесь возникают, впрочем, значительно бóльшие, чем в этой игре, так как каждый «кусочек», развиваясь долгое время сам по себе, уже не может быть вплотную пристроен к другому так, чтобы они точно совпали.

2. РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЯЗЫКА

Говоря о развитии фонетики, мы имеем в виду не только появление определенных звуков, а гораздо более широкую совокупность явлений. Например, мы никак не можем обойти молчанием изменение структуры слога.

Как мы предположили во второй главе, сначала слог был структурно неразложим. Он представлял собой единое фонетическое целое, в котором не различались согласные и гласные, причем фонологическую, т. е. смысловозначительную роль, играли место артикуляции звука и его относительная высота. Важно подчеркнуть, что благодаря возможности осознания языка (см. выше) стали возможны и довольно тонкие артикуляционные различия.

Строго говоря, не всякий первичный слог мог быть совершенно бесструктурным. В таких слогах, которые артикулировались со взрывом, гласный звук не мог не выделиться, так что должно было получиться сочетание

¹² В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958, стр. 40.

типа *ta*. Напротив, в слоге со спирантом (*f, s, x*), плавным (*r, l*) или носовым (*m, n, η*¹³) гласный был не обязателен: все эти звуки могут быть слогообразующими (например, *r* и *l* в сербском языке, *m* — в японском).

Таким образом, мы должны принять три типа первичного слога: 1) тип *ta*; 2) тип *a* (без всякой смычки); 3) тип *s-s-s, l-l-l* или *m-m-m*.

Как от такого положения можно было перейти к структуре слога, типичной для современных языков? Естественно допустить только один путь: согласный призвук в слоге первого типа, образующийся благодаря инертности органов артикуляции и неспособности их сразу выйти из положения, в котором они артикулировали начальный взрывной. Конечно, при этом не могла повториться в точности артикуляция взрывного, — ведь она требует сознательного напряжения речевых органов; поэтому можно предположить, что конечный звук такого слога был или очень слабым глухим взрывным, или глухим спирантом, или, наконец, носовым звуком: *taʔ tas (taθ) tān*¹⁴.

Даже в тех современных языках, где слог является в то же время и словом (т. е. в изолирующих языках), в конце слова может стоять далеко не всякий согласный, а обычно лишь глухой взрывной или носовой. Особенно показательны, что у ребенка в возрасте одного года — одного года трех месяцев все слова (а не только слоги!), как правило, имеют согласные лишь о д н о г о места образования: или только губные, или только зубные и т. д. Повторяя за взрослыми слова, ребенок в соответствии с этой закономерностью их преобразует: вместо «бах!» он говорит «баф!», вместо «сахар» — «саса» и т. д.

Следует обратить внимание, что в слоге с носовым надгласным стоит тильда — \sim . Этим способом мы обозначили носовой характер гласного, который приходится допустить, если мы допустим появление носового согласного в конце слога, так как быстрый переход от ртовой к носо-

¹³ Значком η мы обозначаем носовой взрывной согласный, одинаковый по месту образования с *k* или *g* (он встречается хотя бы в немецком языке, например, в слове *springen* «прыгать»).

¹⁴ Точка под буквой обозначает, что данный звук произносится слабо. Значок θ обозначает межзубный щелевой согласный, как в английском *thing* «вещь».

вой артикуляции при отсутствии дискурсивности внутри слова был невозможен.

Не все указанные возможности, вероятно, сначала использовались для смысловоразличения. Впоследствии, когда появилась потребность усложнить звуковую форму первичного «слова», для того чтобы выразить новое содержание, они могли стать смысловоразличительными. Как мы покажем ниже, очень вероятно, что противопоставление сонанты — шумные (носовые, ртовые) возникло очень рано. Тогда мы можем представить себе следующую таблицу гипотетических «первослогов» человеческого языка:

	Слоги с призвуком	Слоги без призвука
Слоги с чисто ртовой артикуляцией	<i>ta(tas)</i>	<i>ta, a, s-s-s, l-l-l</i>
Слоги с постепенным переходом от ртовой к носовой артикуляции	<i>tān</i>	—
Слоги с чисто носовой артикуляцией	—	<i>n-n-n</i>

В нашей таблице не отражены различия в месте и органе артикуляции согласных, кроме противопоставления ртовых носовым, о чем сейчас будет сказано особо. Пока же отметим следующее: при закреплении описанных фонетических различий в качестве смысловоразличительных могли образоваться, в частности, такие противопоставления, как:

ta:tas ta:tān tas:tān

Все эти противопоставления, однако, предполагают уже не чисто слуховое, а весьма тонкое артикуляционно-слуховое различие при восприятии. Ведь наши формулы слогов обобщают целый ряд различных артикуляций: воспринимая речь, первобытный человек должен был различить не только конец, но и начало слога. (Кстати, может быть, различия в конечном согласном слога сначала воспринимались только при одинаковости начального?) Скажем, слог типа *tas* мог на самом деле выглядеть как *raf, tas, taš* (с церебральным *t* и шипящим), *kax, qah* (с гортанной артикуляцией) и т. д. Для восприятия этих противопоставлений нужна была функциональная система речевого слуха, которая обеспечила уже почти безгра-

ничное развитие фонетической стороны языка — начиная, вероятно, с обмена конечными согласными слогов — не только *tas* или *tān*, но и *taf* или *tām*¹⁵.

На этом мы остановимся, так как представить себе более ясно, как возникла система фонем, очень трудно. Займемся другим вопросом: какие звуки или звуковые противопоставления должны были появиться раньше, какие — позже?

Прежде всего, постараемся понять, какие факторы должны были влиять на постепенное расчленение звуков и появление новых звуков. Таких факторов два: акустический и артикуляционный. Иначе говоря, последовательность появления звуков должна была определяться, с одной стороны, их различимостью на слух (безотносительно к участию органов артикуляции), с другой — противопоставленностью их артикуляций.

Чтобы представить себе очередность появления отдельных звуков, мы располагаем различными методами.

Во-первых, мы можем проследить развитие фонетического строя у ребенка: ведь он усваивает «легкие» звуки быстрее, чем «трудные», т. е. артикуляционно сложные и плохо различимые на слух. Но здесь очень трудно сказать, какую роль играет восприятие речи взрослых; может быть, как раз те звуки, которые возникли у человека относительно поздно, ребенок усваивает первыми, скажем, благодаря их распространенности в языке. Это маловероятно, но от такого просчета мы не гарантированы.

Во-вторых, мы можем применить специальную методику и выяснить степень только артикуляционной и только акустической противопоставленности звуков речи. Это тоже может подсказать нам, какие звуки «легче», а какие «труднее».

В-третьих, мы можем сравнить, какие звуки легче исчезают и быстрее восстанавливаются в речи больных афазией, т. е. потерявших речь в результате травмы или опухоли коры мозга. Это в какой-то мере связано со структурой речевого механизма.

Это — три психологических метода.

В-четвертых, можно сопоставить современные языки

¹⁵ П. И. Мещанинов. Основные лингвистические элементы. — «Язык и мышление», II. Л., 1934. — Однако правильные, по-видимому, соображения используются в этой статье для доказательства марровской теории «четырёх элементов».

и выяснить, какие звуки и звуковые различия встречаются в них чаще всего.

В-пятых, можно выяснить, какие звуки, звуковые различия наиболее часты в каждом языке, т. е. какие звуки и различия в нем обычны, а какие играют вспомогательную роль.

В-шестых, можно проследить фонетические изменения в истории языков и выявить наиболее типичные из них.

Это — три лингвистических метода. Им полностью доверять трудно: но если окажется, что они дадут результаты, совпадающие с результатами психологического исследования, это, вероятно, свидетельствует о правильности наших выводов.

В-седьмых и в-последних, мы можем привлечь к нашему анализу и соображения чисто анатомические, точнее — анатомио-физиологические. Но опираться только на них никак нельзя — ведь развитие звуковой системы языка обуславливается развитием функциональной речеслуховой системы и лишь в конечном счете упирается в анатомио-физиологические особенности строения речевых органов.

К сожалению, далеко не все перечисленные методы достаточно широко применялись, и поэтому наши данные будут весьма отрывочными.

1. По Н. Х. Швачкину и другим авторам, в процессе развития фонематического слуха наблюдается такая последовательность различения звуков:

- сонорные — шумные
- взрывные — фрикативные (спиранты)
- глухие — звонкие
- шипящие — свистящие

Постепенность становления звуков в речи ребенка иная:

- сонорные — шумные
- глухие — звонкие
- взрывные — спиранты
- шипящие — свистящие.

При этом взрывные согласные появляются раньше, чем спиранты, глухие — раньше, чем звонкие¹⁶.

¹⁶ Н. Х. Ш в а ч к и н. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте. — «Изв. АПН РСФСР», вып. 13. М. — Л., 1947, стр. 132; А. Н. Г в о з д е в. Вопросы изучения детской речи. М., 1967.

2. Степень акустической противопоставленности звуков речи была исследована недавно В. И. Бельтюковым. Получилась следующая таблица (от меньшего к большему акустическому сходству):

шипящие — свистящие
сонорные — шумные
глухие — звонкие
взрывные — спиранты¹⁷.

Степень артикуляционной противопоставленности проверена на глухонемых детях, которые не могут в своем произношении ориентироваться на слух. Поэтому в их речи звуки часто смешиваются.

При смешении звонких и глухих наблюдается интересное явление: замена звонких глухими встречается в пять раз чаще, чем обратная замена. В целом намечается такой ряд (от артикуляционно менее сходных, т. е. реже смешиваемых, к более сходным звукам):

взрывные — спиранты
шипящие — свистящие
глухие — звонкие.

Другие данные дают аналогичный результат:

сонорные — шумные
взрывные — фрикативные
шипящие — свистящие
глухие — звонкие¹⁸.

3. У афатиков обычно нарушается различение звонких — глухих, свистящих — шипящих, реже — взрывных — спирантов, почти никогда не смешиваются сонорные — шумные.

4, 5, 6. К сожалению, здесь мы не располагаем достаточным материалом. Поэтому нам придется ограничиться общими замечаниями.

По Н. С. Трубецкому, практически во всех языках есть противопоставление шумных — сонорных, взрывных — спирантов и противопоставление взрывных по месту образования. По нашим подсчетам, чрезвычайно распространено также противопоставление свистящих и шипящих.

¹⁷ В. И. Бельтюков. Роль слухового восприятия при обучении тугоухих и глухонемых произношению. М., 1960, стр. 136.

¹⁸ Ф. Ф. Рау. Обучение глухонемых произношению. М., 1960, стр. 61—62; В. И. Бельтюков. Роль слухового восприятия..., стр. 200.

Статистический анализ встречаемости фонем дает для русского языка следующие результаты: глухие согласные относительно часты; звонкие — редки; сонанты, кроме *м'* («мягкого» *м*), часты, к ним тяготеют зубные и губные. Подсчет частотности групп фонем дает такую последовательность:

сонорные — шумные
свистящие — шипящие
взрывные — спиранты
глухие — звонкие.

Что касается наиболее типичных фонетических изменений, их никто еще не исследовал. Впрочем, сравнение звукового состава праиндоевропейского языка со звуковым составом современных индоевропейских языков подтверждает мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что типичное развитие ведет от гортанных и заднеязычных звуков к губным и переднеязычным.

Посмотрим, что получается в конечном счете.

Противопоставление сонорные — шумные всюду стоит на первом месте, кроме таблицы акустического сходства. Но ввиду явного артикуляционного различия, большего, чем у других групп, а также под давлением анатомо-физиологических соображений акустическими данными здесь можно пренебречь.

Второе и третье места разделяют противопоставления взрывные — спиранты и шипящие — свистящие. При этом шипящие — свистящие артикуляционно различаются меньше, нежели взрывные — спиранты, но акустически — больше.

Наконец, четвертое место прочно занимает противопоставление глухие — звонкие.

Конечно, эта интерпретация изложенных выше данных вовсе не претендует на серьезную ценность. Мы хотели только продемонстрировать читателю, какими путями можно прийти к более или менее определенным выводам о последовательности появления отдельных звуков. Для того чтобы эти выводы были достаточно обоснованными, необходима серьезная и длительная работа.

Для этого нужно, во-первых, провести ряд наблюдений над речью детей, говорящих на языках разных систем, а также над детьми, овладевающими с самого начала двумя языками (такие случаи известны), чтобы исключить возможность влияния особенностей конкретного язы-

ка на наши выводы¹⁹. Наблюдения эти должны касаться как развития фонематического слуха, так и развития способности правильно артикулировать звуки речи.

Для этого нужно, во-вторых, исследовать степень акустической и артикуляционной противопоставленности звуков на материале различных языков.

Для этого нужно, в-третьих, точно изучить распространенность тех или иных нарушений фонематического слуха у больных афазией, а также сравнивать данные об афазии у лиц, говорящих на разных языках.

Наконец, необходимо провести статистическое обследование языков как с точки зрения распространенности в них тех или иных звуковых противопоставлений, так и с других точек зрения, о чем мы уже говорили.

Рассуждая о последовательности появления звуков речи, мы не принимали во внимание того, что история звуков распадается на два четко определенных периода — до и после формирования речевого слуха. Если учесть это, можно внести в нашу таблицу некоторые коррективы. Скажем, противопоставление свистящие — шипящие целесообразно передвинуть на второе место. Напротив, взрывные и спиранты оказываются ближе к концу, так как это противопоставление очень тонкое и специфически артикуляционное, на слух воспринимаемое плохо.

Мы совсем не учли еще некоторых данных, скажем, данных о последовательности появления звуков в младенческом лепете. Вообще работы здесь непочатый край!

3. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

а) Синтаксис

Вернемся к вопросу, которым мы закончили вторую главу, и посмотрим: что в первую очередь человек должен был уметь выразить в своем языке? Если подходить к этому вопросу «умозрительно», не обращаясь к фактам конкретных языков, мы придем к следующему выводу.

Прежде всего, человек должен был уметь сказать, какое трудовое действие он совершил, совершает или будет совершать и над каким предметом. При этом в конечном счете безразлично, кто будет совершать это действие,

¹⁹ К сожалению, работ, где бы сравнивалось развитие речи у детей, говорящих на разных языках, пока еще не существует.

потому что оно все равно не имеет личной целенаправленности, а производится общественными средствами для общественной цели; важно выразить сам ф а к т д е й с т в и я.

Важно также было для человека обозначить и его собственное поведение. Это было существенно потому, что в конце мустьерского периода, а тем более у *Homo sapiens*, зарождается уже очень сложная, высокоорганизованная форма общества — а именно род. Поэтому даже не непосредственно трудовые действия человека, вероятно, приобретают в это время общественную значимость и начинают регулироваться в общественном порядке.

Исходя из этого, мы можем предположить, что в конце неандертальского периода, перед самым превращением неандертальца в *Homo sapiens*, должны были существовать по крайней мере два структурных типа высказываний. Одно из них должно было строиться так: трудовое действие + объект действия; другое — субъект действия + + действие (нетрудовое).

Эти соображения отчасти подтверждаются данными современных языков человечества ²⁰.

Так, во многих языках, генетически совершенно не связанных друг с другом, все глаголы распадаются на две группы: глаголы активного действия (переходные) и глаголы, так сказать, пассивного действия или состояния (непереходные). При этом типичная структура предложения в первом случае — субъект в форме специального, так называемого эргативного падежа + глагол + объект в форме именительного падежа или в форме чистой основы; во втором случае — субъект в форме именительного падежа или чистой основы + глагол. В чукотском (луораветланском) языке находим такие предложения: *клявол чейвыркын* «мужчина ходит»; *кора чейвыркын* «олень ходит», но *клявол-я кора имыркын* «человек оленя убивает» (т. е. собственно «человеком олень убивает он-его».

Другой пример — из цезского языка (Дагестан): *чаняхъана бехурси чылед зей* «охотник убил пулей медведя»,

²⁰ Приводя здесь и далее примеры, мы отнюдь не стремимся доказать, что используемые для примеров языки более примитивны, элементарны, древни, чем другие: если в них действительно сохранились какие-то очень архаичные черты, то это дело исторической случайности (см. § 4).

буквально «охотником он-убил пулей медведь» и *зейй зия бехунно* «медведь убил корову», буквально «медведем он-убил корова». Противоположность эргативного и абсолютного (именительного) падежей известна почти во всех кавказских языках, а также в баскском, в палеоазиатских, во многих языках Америки и т. д.

В ряде языков предложения «активно-объективные» и «пассивно-субъективные» характеризуются разными типами согласования. Более того, в некоторых языках индейцев Северной Америки встречается такое явление: один и тот же глагол имеет совершенно различные основы в зависимости от того, единственное или множественное число выражает субъект (если глагол непереходный, типа «идти», «лежать», «сидеть») или объект (если глагол переходный, типа «убивать») ²¹.

Видимо, очень архаично явление, встречающееся в языке тупи (Бразилия). В нем предложение *pejucâ Pedro* может значить и «вы убиваете Педро» и «Педро убивает вас». Язык тупи как будто сначала не мог допустить и мысли, что кто-то участвует в действии, кроме лиц, обозначаемых личными местоимениями (меня, тебя и т. д.), и что может поэтому возникнуть недоразумение.

Тип «ваше-убийство Педро» или «ваше Педро-убийство» вообще очень распространен в языках мира. С этим явлением можно сравнить другое, тоже очень распространенное: лицо глагола выражается тем же способом, что притяжательность. Например, в древнеегипетском языке находим *pr. s.* «дом ее», но также *sdm. s* «слушает она».

Можно предположить, что «Педро-убийство» или «олене-убийство» — это как раз и есть самый ранний тип предложения. Сначала было несущественно, кем это «олене-убийство» было совершено; да и, вероятно, чаще требовалось призвать к «олене-убийству», чем констатировать его. Лишь позже, когда укрепилось самосознание и «я» стало последовательно противопоставляться «не-я», возник тип «мое олене-убийство» или «мне олене-убийство». И самым последним возник тип «человеком олене-убийство»; не

²¹ Х. К. У л е н б е к. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. — В сб.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 77—78.

случайно эргативный падеж, в отличие от именительного, никогда не бывает представлен чистой основой, а в табасаранском языке (Северный Кавказ), например, является единственным падежом, не имеющим постоянного падежного окончания.

Второй тип предложения — «человек ходит» — видимо, сначала имел вид «мое хождение» или, что безразлично, «мне хождение» («я хождение») и появился, вероятно, одновременно с моделью «мое олене-убийство». Интересно, что в предложениях типа «человек-хождение» существительное в большинстве языков, в том числе в языках с эргативной конструкцией, грамматически не оформляется или начинает оформляться очень поздно: ведь здесь не может быть двусмысленности, неясности — к кому именно относится глагольное действие.

К сожалению, все попытки в деталях представить себе дальнейшую эволюцию синтаксического строя до сих пор оканчивались неудачей. В частности, явно несостоятельной была концепция «стадиальности» в развитии языков мира, которую отстаивал Н. Я. Марр и его ученики. Марр прямо связывал различные типы языковой структуры с различными ступенями развития общества и его культуры и утверждал, что всякий язык должен пройти через эти ступени: например, считалось, что все индоевропейские языки прошли через «яфетическую» (кавказскую) стадию. Баскский язык, близкий по структуре к языкам Кавказа, — это всего-навсего задержавшийся в своей типологической эволюции «яфетический» язык, а латинский или германские языки, совершенно от них отличные, наоборот, уже перешагнули границу между «яфетическими» и «прометеидскими» языками.

Конечно, построения Марра, как и многое другое в его теории, произвольны. «Реальное распределение языков на земном шаре в прошлом и настоящем не подтверждает этой теоретически мыслимой картины. Сплошь и рядом мы видим, что народы, имеющие сходную культуру и сходный общественный строй, говорят на языках совсем разного типа, и обратно — сходные по типу языки принадлежат народам, находящимся на разных ступенях культурного и общественного развития»²². Но тем не

²² В. И. Абаев. Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти. «Вопросы языкознания», 1960, № 1, стр. 97.

менее во многих «стадиальных» работах есть рациональное зерно. Особенно это касается работ акад. И. И. Мещанинова, которые имеют большую научную ценность и, безусловно, заслуживают самого внимательного изучения²³.

Совершенно ясны только пути возникновения сложного предложения. Сложносочиненное предложение — это два простых, поставленных рядом. Сложноподчиненное предложение происходит из сложносочиненного; ср. такие конструкции, как арабская *Qâla' 'Abû, Mu'awwija-ti wa kâna min 'ulamâ'i an -nâsi* «сказал Абу Моаввия и был (-который был) из ученых людей» или старонемецкая (из «Песни о Нибелунгах») *ergezet si der leide, und ir habet getan* «вознаградите ее за те огорчения, и вы ей причинили (=которые вы ей причинили)»²⁴. Можно сопоставить со сложноподчиненными предложениями и аналогичные им по значению синтаксические образования в изолирующих языках, например, китайское *ни цюй, во е цю цюй* «ты пойдешь, я тоже пойду». Это предложение в зависимости от контекста может значить или «когда ты пойдешь, тогда я тоже пойду» или «если ты пойдешь...» или «так как ты пойдешь...». В меланезийском диалекте тасирики, чтобы сказать «я иду, чтобы разбудить его», надо употребить конструкцию: «я иду, я буду будить его».

б) Морфология

В большинстве известных нам языков, располагающих системой аффиксов (приставок, суффиксов и окончаний), эти аффиксы возникли, по-видимому, из «настоящих» слов²⁵. Например, в индоевропейских, алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских), финно-угорских, дравидских, семито-хамитских, банту и многих других группах языков личные окончания глагола обнаруживают черты родства с личными местоимениями. В большинстве языков показатели падежей так или иначе можно возвести к первоначальным наречиям (например, в некоторых кавказских) и т. д. Нет оснований считать, что у истоков фор-

²³ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. Л., 1940; е го ж е. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945; е го ж е. Глагол. М.—Л., 1949.

²⁴ Ф. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 16.

²⁵ Или в результате переразложения.

мирования грамматического строя стояли слова с флективной или агглютинативной структурой, — они, вероятнее всего, больше напоминали слова изолирующих языков типа китайского или вьетнамского (некоторые подробности об этом см. ниже).

Выше мы говорили, что первое предложение (слово-предложение) было, по-видимому, сочетанием неоформленных основ (или корней). Судя по тому, что в огромном большинстве современных языков, независимо от их родства друг с другом, повелительное наклонение глагола и звательная форма существительного не оформлены грамматически и представляют собой чистую основу, первое слово (слово-звук), имевшее, как мы знаем, нерасчлененное значение и приложимое как к действию, так и к предмету, тоже было «чистой основой», т. е. было морфологически нерасчлененным. Слово-звук возникло до появления предложения и «являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего»²⁶, примерно соответствуя по функции как раз повелительному наклонению глагола (ударь!) и звательной форме имени (мама!). Есть основания согласиться с Н. Ф. Яковлевым, который писал, что «на самой заре человечества мы должны... предположить существование... примитивного строя речи, который мы определяем как язык нечлененных звуков-предложений... В эпоху звуков-предложений предложение, не имевшее никаких форм, не расчлененное еще внутри себя ни на слова, ни на отдельные звуки, было одновременно зачатком, зародышем и слѡва, и отдельного звука (фонемы)»²⁷.

Появление в языке частей речи и грамматических категорий связано с образованием первичного предложения. Остановимся прежде всего на истории частей речи.

Имя существительное и глагол были, вероятно, древнейшими частями речи, как это ясно из сказанного выше о синтаксисе. Можно думать, что факт их расчленения связан в первую очередь не с особенностями значения, а с синтаксической функцией (подлежащее — сказуемое).

²⁶ А. П. Поцелуевский. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944, стр. 49.

²⁷ Н. Яковлев и Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 8—9.

Имя прилагательное в большинстве языков возникло из имени существительного, как показал еще замечательный русский лингвист А. А. Потебня. Представление о качестве выражалось сначала сочетанием двух существительных: не *зеленая трава*, а *зелень-трава*²⁸. Но есть языки, в которых прилагательное как особая категория отсутствует, а значение качества выражается с помощью глагола, или точнее, так называемого предикатива (так во вьетнамском языке).

Личное местоимение третьего лица возникло, по-видимому, позже местоимений первого и второго лица, вероятно, уже после появления типа «человек-хождение». В большинстве языков его можно вывести или из указательного местоимения, или из существительного. Напротив, происхождение местоимений первого и второго лица, как правило, не может быть установлено; это указывает на их относительную древность.

Личные местоимения вообще тесно связаны с указательными и притяжательными и во многих языках совпадают по форме с последними. Кстати, нам обычно кажется, что местоимения выражают лишь наш «личный» взгляд на мир, наше собственное отношение к другим участникам беседы. Это не так: местоимение — как бы крохотное зеркало, в котором отражается система общественных отношений. Например, в языке блэкфут (Северная Америка) есть четвертое лицо, обозначающее человека из другого рода. В меланезийском языке о. Лифу имеется три различных местоимения второго лица: *eö* — с обычным значением, *hshupe* — для обращения к нижестоящему (в социальном отношении) лицу и *silie* — для обращения к вождю²⁹. В яванском языке положение еще сложнее: *sirã* употребляется раджей в обращении к подданным; *pékép-nigã* — высшим чиновником в обращении ко всем нижестоящим; *kowé* — вообще для обращения к нижестоящему лицу; *handikã* — между равными; *hijëng-ngandikã* — для

²⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899, стр. 73; а также: В. М. Жирмунский. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении. — «Изв. АН СССР, отд. лит-ры и языка», т. V, 1946, вып. 3.

²⁹ Н. А. Бутинов и Ю. М. Лихтенберг. Языки народов Меланезии. — В сб.: «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 382.

обращения к старшему, но социально стоящему ниже, или младшему, но более высокопоставленному; *sampéuan* — для обращения к более высокопоставленному. Есть еще два местоимения специально для обращения к принцам и к радже³⁰.

Поэтому нет ничего невероятного в том, что могла существовать стадия развития языка, когда употреблялись только местоимения первого и второго лица — при условии, что существовала такая система общественных отношений, при которой мало существенны действия постороннего, «третьего лица». А такая система как раз и отвечает, по-видимому, концу мустьерской — началу ориньякской эпохи, когда только начало формироваться самосознание человека и круг его интересов во всяком случае не выходил за пределы общественного производства и собственной деятельности³¹.

Указательные местоимения, как правило, легко соотносить с существительными или наречиями³². Кстати, далеко не все языки довольствуются, как индоевропейские, двумя-тремя указательными местоимениями. Вот что пишет русский лингвист начала XIX века Иннокентий Вениаминов об алеутском языке: «Таковых относительных местоимений в сем языке довольно так, что не называя по имени, можно означить несколько человек, находящихся в одном месте, как-то: сидящие означаются: от говорящего на низ или к дверям первый *уан*, 2-й *инган*, 3-й *икун*, дальний *акан*, предпоследний *каган*, последний *какán*; впереди *кикун*, в самом переди *какун*; на верху *икán*, на самом верху *'акán*; на низу *укнán*, еще ниже *унán*, самый нижний *сакán*. Стоящие: ближайший *йкун*, далее *'акун*. Идущие: ближайший *ауán*, дальний *акун*. Лежащий возле *удан*. Находящийся вне дома *сáдан*, внутри дома *укан*. На той стороне *аган*: *аман* и *уман* означают тех, кого не видим»³³. Но это явление сравнительно

³⁰ Н. В о h a t t a. *Praktische Grammatik der javanischen Sprache*. Wien — Pest — Leipzig, S. 42—43.

³¹ Интересные соображения о происхождении местоимений см. также у С. Д. Кацнельсона в его книге «К генезису номинативного предложения» (М.— Л., 1936).

³² Г. А. М е н о в щ и к о в. Указательные местоимения в эскимосском языке.— «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 31—32.

³³ И. В е н и а м и н о в. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846, стр. 23.

позднего происхождения и с мифической «конкретностью» «пралогического» мышления (Левин-Брюль) не имеет ничего общего.

Очень интересно происхождение числительных. В самых различных языках (например, в нивхском на о. Сахалине, в языках Новой Гвинеи и в языке лентуа в Парагвае) числительные связаны со счетом по пальцам. На Новой Гвинее одно из племен считает так: *тарангеза* «мизинец левой руки» — 1, *мета кина* «следующий палец» — 2; *гуигимета кина* «средний палец» — 3; *топеа* «указательный палец» — 4; *манда* «большой палец» — 5, *габен* «запястье» — 6; *транк гибне* «локоть» — 7; *поден* «плечо» — 8; *нгама* «левая сторона груди» — 9; *дала* «правая сторона груди» — 10³⁴. В тамильском языке *агаи* «поясница» — половина; *кāl* «нога» — четверть³⁵.

Очень часто для счета разных предметов применяются разные числительные: в нивхском языке, чтобы сказать «пять», следует выразиться одним из следующих способов: *т'ом* (если считаем лодки), *т'орш* (при счете нарт), *т'ор* (связок юколы), *т'он'ак* (прутьев с нанизанной на них корюшкой), *т'овор* (неводов), *т'ола* (шестов), *т'оть* (досок) и т. д.³⁶ Но такие классификационные числительные, как правило, вторичны.

Служебные слова всегда происходят из полнозначных. В тамильском языке *itam* «место» = у, к, при; *mēl* «небо» = на, над, после; *kīl* «дно, основа» = под³⁷. Впрочем, в русском языке предлог «под» и существительное «под» (у печи), видимо, тоже связаны. В меланезийском языке о. Лифу *hutro* «по, за» и в то же время «спина»; *hīiñe* «в» — «сердце»; *gēteke* «пред, впереди» — «лицо»³⁸ и т. д.

Два слова об отдельных грамматических категориях.

Грамматический род в языках мира возникал, вероятнее всего, в связи с «активной» или «пассивной» функ-

³⁴ Л. Левин-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930, стр. 127.

³⁵ А. М. Мерварт. Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929, стр. 114.

³⁶ В. З. Панфилов. К вопросу о соотношении языка и мышления. — В сб.: «Мышление и язык». М., 1957, стр. 136—137.

³⁷ А. М. Мерварт. Грамматика тамильского разговорного языка, стр. 184—187.

³⁸ Н. А. Бутников и Ю. М. Лихтенберг. Языки народов Меланезии, стр. 391.

цей обозначаемого предмета (см. в § 5 о «симпрактическом» мышлении). Так, в праиндоевропейском языке все существительные, видимо, делились на две категории: к «одушевленному роду» принадлежали те, которые могли быть субъектом активного действия; к «неодушевленному» — те, которые были потенциальным объектом такого действия. Очень похожую систему двух родов мы находим в хеттском языке. Затем «одушевленный род» распался на мужской и женский, а «неодушевленный» превратился в средний. На вероятность такого развития указывает тот факт, что общеиндоевропейское окончание винительного падежа *-m* по звучанию совпадает с окончанием именительного падежа среднего рода *-m*³⁹.

Категория числительных существительных в большинстве языков возникла, по всей вероятности, из собирательных по значению слов типа немецкого *Gebirge* «горы», русского *дурачье*, *листва* и т. д. В этой связи важно знать, что категории числа в некоторых языках вообще нет, например в языках банту; там различие между одним человеком и множеством людей выражается в различии грамматических классов, т. е. примерно так же, как различие между одушевленным и неодушевленным предметом. В других языках, например в индонезийском, множественность выражается просто удвоением существительного: *orang* «человек», *orang-orang* «люди» (в современной орфографии пишется *orang*²). В тибетском, бирманском и некоторых других языках слово «люди» — это «человек + множество».

Падеж, по-видимому, — довольно позднее образование. То, что называется в современных языках падежом, может восходить к очень разным явлениям. Например, многие из так называемых падежных форм в финно-угорских и кавказских языках, как мы уже упоминали, — это наречие с пространственным или другим конкретным значением, слившееся с основой имени. Такую же гипотезу применительно к индоевропейским языкам выдвинул в свое время Ф. Шпехт. Самые древние падежи, возникновение которых обычно связано с синтаксисом, — это

³⁹ Х. К. Уленбек. *Agens* и *Patiens* в падежной системе индоевропейских языков. — В сб.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1960; W. P. Lehmann. On earlier stages of the Indo-European nominal inflection. — «Language», 1958, v. 34, № 2.

в большинстве языков именительный, винительный и родительный.

О л и ц е глагола мы упоминали выше. Оно могло возникать или из конструкции типа «лов мой» (имя действия + притяжательное местоимение), например, мордовское *кундай-т'* «ловил ты» и *вэл'т'* «село твое»⁴⁰, древнеегипетское *dd ntsn* «говорят они», т. е. собственно «говорение их», или из конструкции типа «ловец я»: в арабском *taqatlā* «ты убил» из «ты убийца»⁴¹. В кушитских языках (п-ов Сомали) для этой цели используется конструкция «ловец есмь»⁴².

В р е м я глагола возникло одновременно с видом и первоначально не различалось с ним (а в большинстве языков мира и сейчас не различается). Только что упомянутая арабская форма *taqatlā* означает не «ты убил в прошедшем» в противоположность «ты убиваешь сейчас» или «ты убьешь в будущем», а «ты уже закончил совершать убийство». Если же это действие еще не закончено, то вы обязаны выразиться по-арабски *taqtu'u*. Интересные соображения о происхождении категорий времени и вида можно найти в книге Р. А. Будагова «Введение в пауку о языке» (М., 1958, стр. 283 и след.).

Будущее время появилось почти во всех известных языках позже, чем настоящее и прошедшее. Очень интересны пути его формирования. Наиболее простой из этих путей — употребление форм настоящего времени в функции будущего. Так возникло, например, русское будущее время типа «погуляю». Для образования составных форм будущего времени обычно употребляется либо модальный глагол, либо глагол движения; например, датское *det vil koste mange penge* «это будет дорого стоить», буквально «это хочет дорого стоить», португальское *eu vou vir* «я буду идти, я пойду», буквально «я иду идти». Ср. также эве *t-a kro ni* «я буду видеть», буквально «я прихожу видеть».

⁴⁰ Д. В. Б у б р и х. К вопросу о происхождении спряжения (финно-угорские данные). — «Изв. АН СССР, отд. лит-ры и языка», т. V, 1946, вып. 1, стр. 59—60.

⁴¹ С. В r o c k e l m a n n. Semitische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig, 1916, S. 121.

⁴² С. M e i n h o f. Die Entstehung flektierender Sprachen. Berlin, 1936, S. 98.

На этом мы закончим наш обзор. Сказанное в этом параграфе, конечно, дает самое отрывочное представление о генезисе грамматики: к сожалению, на современной ступени развития лингвистики мы не можем точнее представить себе ход событий. Во всяком случае, можно с довольно большой уверенностью сказать, что формирование зачатков грамматического строя предшествует образованию фонологической системы, т. е. что на рубеже неандертальского и современного периодов человек уже говорил предложениями, но едва ли мог последовательно располагать звуки внутри слова. Поэтому вслед за Н. Ф. Яковлевым целесообразно говорить не о первичном слове, — этот термин предполагает дискурсивность внутри слова, — а о «глоссемах». Поздний неандерталец мог либо выразить пожелание, призыв, приказание (тогда хватало, вероятно, и одной глоссема — будущего повелительного наклонения), либо передать какое-то сообщение — для чего нужно было уже двучленное предложение, точнее — единое слово из двух слившихся глоссем.

И еще раз подчеркнем: если в одном языке мы находим один способ выражения, а в другом — другой, эти языки нельзя сравнивать как более или менее архаичные. После того как языки с архаическими особенностями, например меланезийские, отделились от общей массы и пошли своим путем, они не застыли, а продолжали идти дальше, и пройденный ими путь ничуть не короче, чем путь, пройденный, скажем, индоевропейскими языками.

Это не так очевидно, как кажется на первый взгляд.

4. О «ПРИМИТИВНЫХ» ЯЗЫКАХ И СТОЙКИХ ПРЕДРАССУДКАХ

С того самого момента, когда человек впервые обратил внимание на то, что люди говорят на разных языках, и до настоящего времени существует убеждение, что один язык может быть в чем-то более совершенным, другой — менее, один — больше подходит для выражения мысли, другой — меньше.

Особенно часто встречается утверждение, что языки так называемых первобытных, нецивилизованных народов более примитивны, чем языки цивилизованных. Нам придется подробно рассмотреть этот вопрос и выяснить, так дело обстоит или нет.

Какие же «обвинения» предъявляются «примитивным» языкам?

1. «Наиболее резко бросающаяся в глаза черта... заключается в особом внимании, уделяемом ими выражению таких конкретных деталей, которые в наших языках остаются невыраженными и подразумеваемыми»⁴³. Например, индеец племени понка, чтобы сказать: «человек убил кролика», должен выразиться следующим образом: «человек, он, один, живой, стоя (в именительном падеже), нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего (в винительном падеже)». Эта черта особенно бросается в глаза, когда мы даем подстрочный (буквальный) перевод текста на каком-нибудь «примитивном» языке. Например, буквально перевод текста на языке суахили выглядит так: «Он-был-там человек один он-который был слепой с рождения его. День один оно-проходило-мимо чудо глаза его они-стали-открытыми так только внезапно. И перед его оно (место)- было с осел он-стоял он-его-увидел этот осел-он-не видел вещи более»⁴⁴.

Такой тарабарский перевод может создать впечатление, что суахилец действительно нагромождает кучу слов там, где достаточно одного. На самом деле, конечно, никаких «он», «его» и так далее в суахильском тексте нет. Он начинается со следующих слов: «*Alikuwako mtu mmoja*». Здесь *a-* — грамматический показатель того, что подлежащее стоит в третьем лице, причем обозначает одушевленный предмет; *-li-* — префикс прошедшего времени, *m-* — префикс класса людей (в единственном числе) и т. д. Но примерно те же самые грамматические значения выражены в любой русской фразе. Может вызвать сомнение только «класс людей», ибо мы не привыкли говорить в русской грамматике о грамматических классах: однако принятое у нас разделение всех существительных на три рода совершенно аналогично разделению суахильских существительных на грамматические классы. Тарабарщина же получается потому, что на место одной м о р ф е м ы мы

⁴³ Л. Левин-Брюль. Первобытное мышление, стр. 96.

⁴⁴ Удовлетворим законное любопытство читателя, которому непонятно, кто где стоял, кто кого увидел и при чем тут осел. Вот литературный перевод того же отрывка: «Жил-был один человек, он был слепым с самого дня своего рождения. Однажды случилось чудо: его глаза вдруг открылись. Случайно перед ним в тот момент стоял осел. Слепой увидел только осла и больше не увидел ничего».

подставляем с л о в о, характеризующееся в русском языке, помимо лексического содержания, целым рядом грамматических значений (грамматических категорий). Говоря «человек», мы, естественно, соединяем с этим словом представление об именительном падеже. А в суахили нет совсем падежей. Читая «день один оно-проходило-мимо», мы не можем представить себе день иначе как мужского рода, причем стоящим в именительном падеже. А в суахили нет рода!

Лучше всего Леви-Брюлю по этому пункту возразил американский языковед Эдуард Сепир. Вот что он писал:

«... Такое именно положение, и еще в усугубленном виде, мы наблюдаем в латинском языке. Латинские фразы *illa alba femina quae venit* «та белая женщина, которая приходит» и *illi albi homines qui veniunt* «те белые мужчины, которые приходят», если их переводить по заключенным в них понятиям, сводятся к следующему: «тот-один-женский деятель один-женский-белый-деятель женский-действующий-один-женщина который-один-женский деятель другой-(т. е. не ты и не я. — Э. С.) один-теперь-приходить «и» тот-несколько-мужеский-деятель несколько-мужеский-белый-деятель мужеский-действующий-несколько-мужчина который-несколько-мужеский-деятель другой-несколько-теперь-приходить...» ... Умный и чуткий китаец, привыкший вникать в самую суть языковой формы, мог бы воскликнуть по поводу такого латинского предложения: «Какая педантичная образность!». Для китайца, когда он впервые сталкивается с нелогичной осложненностью наших европейских языков, трудно, должно быть, освоиться с такой языковой обстановкой, при которой внутреннее содержание речи до такой степени перепутывается с ее внешними формами или, лучше сказать, при которой некоторые конкретные по своему характеру понятия столь широко используются для выражения столь ослабленных реляционных связей»⁴⁵.

2. Вторая черта «примитивных» языков, по Леви-Брюлю, — «почти полное отсутствие в языке... родовых выражений, соответствующих общим в собственном смысле слова идеям»⁴⁶. Например, у австралийцев нет якобы таких слов, как «дерево», «рыба», «птица», хотя есть слова

⁴⁵ Э. Сепир. Язык. М.—Л., 1934, стр. 74—76.

⁴⁶ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление, стр. 112.

для обозначения каждой особой породы деревьев, рыб, птиц. С другой стороны, «примитивные» языки отличаются от «цивилизованных» обилием конкретных терминов. У лопарей (саами) есть 20 слов для обозначения льда, 11 — для обозначения холода, 26 глаголов — для обозначения мороза и таяния и т. д.

Во-первых, совершенно неверно, что в «примитивных» языках нет общих понятий. В австралийских языках, напротив, «имеются и родовые понятия, например, слово для обозначения рыбы вообще и конкретные названия для различных видов рыбы; различаются также дерево, как вид растительности, и различные древесные породы»⁴⁷. В языке аранта наряду с 28 названиями видов змей есть и общий термин «змея». Длинный список абстрактных понятий, встречающихся в языках Австралии, приводит К. Мошинский⁴⁸: здесь есть не только «змея» и «рыба», но также «самец» и «самка», «начало» и «конец», «запах» и «вкус», «звук» и «эхо», «слово» и «имя», «песня» и «игра», «война» и «мир», «дружба» и «любовь», наконец, «правда». Кое в чем «примитивные» языки даже превосходят «цивилизованные». Например, в меланезийском языке острова Новая Британия каждая из 100 разновидностей банана имеет свое название, но нет слов «животное», «птица», «растение». Поэтому этот язык очень любят приводить как пример «примитивного». Но в том же самом языке есть такие слова, как слово *a beo*, имеющее значение: «всякое летающее существо», включая птиц, насекомых и т. д.⁴⁹ До такой степени обобщения многие индоевропейские языки, например, не дошли.

Во-вторых, мы удивляемся конкретности терминов в языках малокультурных народов, не замечая конкретности терминов в своих собственных языках. Во всех языках Европы банан обозначается только одним словом: русское «банан», немецкое «Banane», английское «banana» и т. д. Это и понятно — для русских, англичан или немцев не существует различия между отдельными разновидностями бананов, и нам, с нашей европейской «колокольни», кажется, что совершенно естественно называть все

⁴⁷ А. Э л ь к и н. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 29.

⁴⁸ К. М о с з ы њ с к и. Człowiek. Wrocław — Krakow — Warszawa, 1958, стр. 739—740.

⁴⁹ Там же, стр. 742—743.

эти разновидности одним словом. Но можно себе представить, какое возмущение вызвало бы, если бы мы заявили, что совершенно естественно назвать одним словом не только паровоз (не говоря уже о тепловозе или электровозе) и поезд, но также автомобиль, вагон, телегу, карету, тачку и детскую коляску! А в языке суахили именно так и есть — слово *gari* обозначает все эти понятия, да еще от него образуется масса словосочетаний: например, *gari la miguu* «велосипед». Для суахильца это тоже совершенно естественно. Кстати, в работах, где рассматривается лексика «примитивных» языков, обычно словосочетания во внимание не принимаются, как будто их в языке нет, а лексическое значение сосредоточено только в отдельных словах. С этой точки зрения в суахили нет понятия «самолет». На самом деле оно, конечно, есть: самолет называется по-суахильски либо *ndege ya Ulaya* «европейская птица», либо *chombo ya heuani* «корабль воздуха», либо *meli ya juu* «верхний пароход»⁵⁰.

«Конкретность» Леви-Брюль видит, между прочим, в том, что во многих языках нет особых названий для обозначения цвета; чтобы указать на цвет данного предмета, его сравнивают с другим: например, у меланезийцев слово *коткот* значит не только «ворона», но и «черный». Но сравним русские *червоный* или *червленый*, *чермный* (червоное золото, Чермное море, т. е. Красное море) от *червь* (из одного вида червей добывалась красная краска); *коричневый* от *корица*; *оранжевый* от французского *orange* «апельсин»; *фиолетовый* от французского *violette* «фиалка»; *лиловый* от французского *lilas* «сирень»; затем *розовый*,

⁵⁰ Д. А. О л ь д е р о г г е. Языки и письменность народов Африки. — В сб.: «Народы Африки». М., 1954, стр. 116. — О субъективности суждений европейских ученых, когда они сталкиваются с фактами чуждых языков, хорошо сказал К. Мошинский в уже цитированной нами книге. Приведя отрывок из работы Карла фон Штейнена об индейцах Бразилии, где указано, что «индейцы знают... особенности каждого вида попугаев или пальм и точно отражают их в своих понятиях, но не интересуются общими чертами попугаев или пальм... Они задыхаются в массе материала и не умеют экономично располагать его», Мошинский возмущенно пишет: «Какой европеец, даже высокоинтеллигентный, интересуется «общими чертами» хвойных деревьев или глухарей, тетеревов и куропаток?! А если бы у него и было общее название для глухарей, тетеревов и куропаток, то разве значило бы это, что он умеет экономично располагать материал?» (К. М о с з у њ с к и - Człowiek, s. 738).

сиреневый, бордовый (цвета вина бордо), *олисковый* (цвета оливок, т. е. маслин), *золотистый, телесный, пепельный, лимонный, вишневый, малиновый, песочный, янтарный, каштановый, кирпичный, фисташковый, шоколадный* и, наконец, *вороной* (о масти коня), т. е. такой же по цвету, как ворон.

В-третьих, наши данные о «конкретности» «примитивных» языков часто являются результатом недоразумения.

Вот пример из практики известного русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. Предоставим ему слово:

«Названия, которые я желал знать, я мог получить, только или указывая на предмет, или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источниками многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь — третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье — «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами.

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как я мог, например, представить понятие «сны» или «сон», как мог найти название для понятия «друг», «дружба»? Даже для глагола «видеть» я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола «слышать» так и не мог узнать»⁵¹.

⁵¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Замечания об изучении языка и о диалектах папуасов Берега Маклая. — Собр. соч. в пяти томах, т. III, ч. I. М.—Л., 1951, стр. 90—91.

3. Третье «обвинение» «примитивным» языкам сводится к тому, что в них якобы очень мало слов. Называются такие невероятные цифры, как 200—300. На этом обвинении мы не будем задерживаться ввиду его явной несостоятельности: например, известный исследователь африканских языков В. Блик записал 10 тыс. слов языка бушменов, а другой языковед миссионер Т. Бриджес составил словарь языка одного из самых малокультурных народов мира — огнеземельцев, включающий около 30 тыс. слов. Реальная проблема здесь не в количестве слов, а в том, какие именно слова имеются в языке. Конечно, в бушменских языках нельзя найти достаточно подробной технической и спортивной терминологии. Но принципиальное единство уровня развития всех языков мира сказывается в том, что любой язык может в кратчайший срок тем или иным способом (заимствованием или путем словообразования) пополнить свой лексический запас до необходимых пределов. Другой вопрос, насколько целесообразно, скажем, создавать термины и печатать книги по атомной физике на бушменских языках; но это уже вопрос не лингвистический, а социологический. Подобными вопросами (применительно к языкам СССР) занимается сейчас Научный совет при Президиуме АН СССР по изучению закономерностей развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций.

Все остальные признаки, якобы отличающие более «примитивные» языки от менее «примитивных», не так важны, и мы просим читателя поверить нам на слово, что их существование так же легко опровергнуть⁵².

Подводя итоги, можно выразить их в следующих двух положениях.

Все современные языки стоят на одной генетической ступени. Встречающиеся в них архаические черты всегда сочетаются с чертами, свидетельствующими о высокоразвитости. Поэтому непосредственно сопоставлять языки, утверждая, что один из них более примитивен, чем другой, неправомерно.

По данным языка нельзя судить о мышлении. В частности, различие структур языков еще не говорит о различиях в самом процессе мышления.

Впрочем, о мышлении следует сказать особо.

⁵² Это и сделано во многих работах, которые мы здесь перечислять не будем.

Для нас этот вопрос совершенно ясен, как и для любого современного человека. Мы знаем: всякий человек смертен. Сократ — человек. Следовательно, Сократ смертен.

То, что мы сейчас произвели, называется силлогизмом, у м о з а к л ю ч е н и е м.

Мы априорно, без всякого опыта способны прийти к выводу, что Сократ смертен.

Без всякого ли опыта?

Если мы говорим, что «каждый человек смертен», то этим выражаем определенное суждение. «Каждый человек умеет летать» — тоже суждение. Почему мы с вами убеждены, что первое суждение истинно, а второе ложно? Потому, что совокупный опыт человечества подтверждает истинность первого суждения и ложность второго, а мы уж буквально «верим на слово» нашим предкам, не пытаясь проверить каждое утверждение, дошедшее до нас из глубины веков. Именно таким путем и передаются от человека к человеку, от поколения к поколению достижения мышления.

Человек не сразу пришел к возможности передавать таким путем социально-исторический опыт. Сначала долгое время, как мы видели, передавался только трудовой опыт и только путем подражания. Потом стали передаваться орудия вместе с умением совершать операции по их изготовлению. Потом операции закрепились в первичных представлениях, функционально близких к понятиям.

Однако эти понятия-представления все-таки больше представления, чем понятия. Наверное, неандерталец мог сочетать их в «суждение» вроде «оленеубийство», но это было вполне конкретным, представимым убийством вполне конкретного оленя. Несколько позже он сможет образовывать и суждения типа «человек смертен». Но до определенного времени это будет значить в его устах только одно: что человек, как я лично убедился на опыте, смертен. А. П. Поцелуевский называет подобные «суждения» суждениями восприятия.⁵³ Учитывая практический, а не созерцательный характер деятельности перво-

⁵³ А. П. Поцелуевский. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944, стр. 50.

бытного человека, правильнее будет назвать их чувственно-практическими суждениями. Если неандерталец скажет «человек смертен», то это свидетельствует о том, что все до сих пор встречавшиеся ему существа, входящие в класс «человек» и обозначаемые этим словом, были смертны. «Человек» здесь еще не понятие, а обобщенное представление. Этот знак служит только для того, чтобы «связать в узел» данные индивидуального опыта человека.

У некоторых современных народов сохранились пережитки такого этапа в развитии мышления, хотя, конечно, они широко пользуются и «настоящим», силлогистическим мышлением. Выражаются эти пережитки в том, что человек избегает делать чисто логические умозаключения о предметах и явлениях, с которыми он не знаком. (С подобными случаями столкнулся, например, А. Р. Лурия, когда он в начале 30-х годов был в экспедиции в Средней Азии). Это косвенно свидетельствует о том, что у колыбели силлогистического мышления стоит мышление, которое можно назвать синпрактическим, то есть неразрывным с практикой.

Синпрактическое мышление частично отложилось и в языке, и выше нам уже приходилось с ним сталкиваться.

Чувственно-практического, или синпрактического мышления, было достаточно, когда передаваемыми от поколения к поколению орудиями и трудовыми операциями исчерпывалась вся роль общества в жизни человека. Но когда первобытный человек становится *Homo sapiens*, в его жизни уже практически не остается таких уголков, куда не «вторгалось» бы общество: достаточно указать на семью. И вот эта неизмеримо возросшая роль общественной жизни является первым условием перехода от синпрактического мышления к силлогистическому, от представления к понятию. Теперь человеку приходится иметь дело с громадным количеством всякого рода знаний и обычаев, правил и норм. Сначала для этого было достаточно и чувственно-практических суждений; но наступает момент, когда опыт человечества перестает в них укладываться. Это первое условие перехода к «настоящему» мышлению.

Существенно меняет дело и многообразие трудовой деятельности, многообразие и расчлененность форм общественной практики, и, в частности, появление таких

видов труда, при которых результат отделен во времени от причины: весной посеют ячмень, осенью его собирают. Это второе условие.

Когда «человек смертен» стало значить не «по моему опыту, человек смертен», а «известно, что человек смертен», «человек» и «смертен» стали п о н я т и я м и. Появилась возможность умозаключения. Следовательно, понятие появилось одновременно с логическим суждением на основе сложившихся ранее первоначальных псевдологических форм: обобщенного представления и чувственно-практического, или синпрактического, суждения.

Дальнейшее развитие мысли человека уже ничем не связано. Путем силлогистического умозаключения мы можем образовывать понятия любой степени абстрагированности. А потому возможно и безграничное развитие человеческого знания.

Итак, мысль человека проходит путь от конкретности к абстрактности. Но мы часто слышим, что и лексика языка проходит тот же путь — от конкретности к абстрактности. Не связаны ли обе тенденции?

Нет, прямо не связаны. Если в папуасском диалекте Берега Маклая *ямба* значит «мизинец левой руки» и в то же время «завтра», а *алиу* — «безымянный палец левой руки» и в то же время «послезавтра», то перед нами, конечно, конкретный способ выражения абстрактных временных понятий. Но при этом имеется вполне «современное» понятие «мизинец левой руки» — именно понятие, а не представление — и понятие «завтра». Конкретность здесь не в характере понятий, а в том, какие признаки используются для «наращения» нового понятия. Это конкретность в т о р и ч н а я. Способы наращивания меняются от языка к языку, от культуры к культуре, от общества к обществу; сама же природа нарекаемых понятий всюду одна и та же — общность этой природы и позволяет представителю любого самого «дикого» племени овладеть любыми сокровищами науки и культуры. В языке эве способы наращивания очень образны, конкретны, но существуют хорошие переводы романов Льва Толстого на этот язык: ведь «когда речевое новообразование поступило в коммуникативный оборот, при употреблении его вовсе не повторяется каждый раз вся та работа мысли, с которой было связано осознание-наращивание... Семантические представления концентрируются все больше вокруг тех устойчивых, стабильных, адекватных

объективной действительности элементов восприятия, которые образуют «ядро»⁵⁴.

Из общего круга выраженных в языке понятий выпадает только один класс слов — междометия. Некоторые лингвисты считают, что и по особенностям своего звукового оформления (диффузность), и по функции они являются пережитком древнейших слов — «глоссем»⁵⁵. Чтобы решить этот вопрос, необходимо планомерное обследование и анализ системы междометий разных языков: до сих пор таких сопоставительных работ по языкам разных групп еще нет. Большая часть имеющихся данных по междометиям касается не настоящих междометий, характеризующихся специфическим фонетическим обликом, а их языковых эквивалентов. В русском языке исследуется, скажем, не губно-губной звук, употребляемый для остановки лошадей, а его «перевод на язык фонем» — *тпру*, не протяжный носовой звук, разделенный смычкой нёбной занавески и обозначающий «понятно!», а его эквивалент *ага* и т. д., причем это нигде специально не оговаривается. Иннокентий Вениаминов, во всяком случае, откровенно писал: «Междометие *а* употребляется в разных случаях и может изображать разные чувствования души, отличаясь произношением, чего не возможно никаким образом изложить на бумаге»⁵⁶.

6. ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК И КАК ПРОИСХОДИТ ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ?

Наш обзор подходит к концу. Прежде чем окончательно распрощаться с читателем, мы хотели бы сказать несколько слов о том понимании языка, которое объективно следует из изложенных нами фактов и соображений.

Язык можно определять по-разному, и можно рассматривать языкознание как самую различную по характеру науку. Долгое время лингвистику относили к наукам ес-

⁵⁴ В. И. Абаев. Язык как идеология и язык как техника. — «Язык и мышление», II. Л., 1934, стр. 37; см. также: В. И. Абаев. Понятие идеосемантики. — «Язык и мышление», XI. М.—Л., 1948.

⁵⁵ А. П. Поцелуевский. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944; Л. В. Щерба. О «диффузных звуках». — В сб.: «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935.

⁵⁶ И. Вениаминов. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846, стр. 77.

тественным, затем ее стали относить к наукам психологическим. Только в 80-х годах прошлого столетия польский ученый Карл Апфель заявил со всей определенностью, что языкознание, или лингвистика, — наука общественная; но прошло не меньше четверти века, прежде чем это положение стало аксиомой. А когда это случилось, лингвисты бросились в другую крайность и совсем забыли о человеке — носителе языка. Только одна лингвистическая школа, о которой мы упоминали во введении — школа И. А. Бодуэна де Куртенэ — сумела в это время найти правильное соотношение между общественным и индивидуальным в языке.

Как впервые отметил Е. Д. Поливанов (Л. В. Щерба высказывал аналогичные мысли в применении к фонетике), языковая деятельность имеет много общего с другими видами специфически человеческой, прежде всего трудовой деятельности: «Язык должен изучаться как трудовая деятельность (параллель до известной степени найдется в изучении производственных процессов), но не индивидуальная, а коллективная». Это глубоко верная мысль, и, как мы стремились показать в данной брошюре, между языковой и трудовой, производственной деятельностью человека действительно есть много общего, в частности, в законах, управляющих генезисом этих видов деятельности. Вообще между трудовой, или, как говорят, орудийной и языковой деятельностью в известном отношении нет принципиального различия; и та, и другая связаны с опредмечиванием в продукте специфически человеческих психических способностей, определяемых не морфологическими особенностями строения тела человека, а тем, что он черпает из сокровищницы общественного опыта. Языковая способность так же хранится в этой сокровищнице, как и умение производить трудовые операции, но только «на другой полке», это продукт не материальной, а духовной культуры. Кроме того, языковую способность совершенно необходимо предварительно «снять с полки», чтобы усвоить то, что лежит на этой полке «во втором ряду», — продукты человеческого мышления. Этим существенное отличие языка от других видов деятельности, однако, исчерпывается.

Таким образом, язык имеет три основные функции.

Прежде всего, язык выступает как средство закрепления и передачи достижений челове-

ч е с к о г о м ы ш л е н и я, человеческого знания. В этом своем качестве он может быть сопоставлен с трудовой деятельностью. Но различные неязыковые виды передачи и хранения информации не могут быть сопоставлены в этом качестве с языком: это всегда лишь вспомогательные средства. Никогда ни один ребенок не овладевал военноморским флажковым кодом или азбукой Морзе раньше, чем своим родным языком. Исключением являются глухонемые; но спонтанная «ручная» речь глухонемых примитивна и по своей природе не может обеспечить полное усвоение глухонемым социально-исторического опыта. Поэтому все глухонемые, начиная с известного возраста, выучивают новый, второй язык жестов, копирующий звуковой язык.

Затем, язык — средство к о м м у н и к а ц и и. Но он лишь постольку является у современного человека средством коммуникации, поскольку служит для закрепления общественно выработанного содержания. В этом качестве язык имеет мало общего с трудовой деятельностью, но может быть сопоставлен с другими (в том числе и искусственными) знаковыми системами.

Наконец, язык — средство в ы р а ж е н и я говорящим своего отношения к содержанию речи и вообще средство выражения эмоций и воли. Эта функция, о которой мы здесь почти не говорили, обязана своим существованием двум предыдущим: сопоставлять ее с эмоциональными звуками у животных, как это иногда делается, совершенно неверно, так как и средства выражения эмоций, и их психологическая сущность в обоих случаях совершенно различны.

Главной, конституирующей функцией человеческого языка является первая функция — ф у н к ц и я я з ы к а как ф о р м ы с у щ е с т в о в а н и я ч е л о в е ч е с к о г о м ы ш л е н и я. Ведь лишь она характерна т о л ь к о для человеческого языка.

Содержание, передаваемое с помощью языка, не одно и то же у всех людей, говорящих на этом языке, потому что условия общения, труда, вообще жизни у них различны. Хотя каждый из них пользуется общественным опытом человечества, но черпает из него то, что ему нужно; кроме того, у каждого говорящего есть свой, личный опыт. Поэтому, скажем, значение одного и того же слова по существу различно для каждого говорящего: каж-

дый соединяет с ним какие-то свои ассоциации, свои эмоции⁵⁷.

Но иногда — вернее, очень часто — бывает, что условия жизни и деятельности группы говорящих в чем-то существенном совпадают. Поэтому и те ассоциации, которые то или иное слово у них вызывает, оказываются примерно одинаковыми: сходным оказывается выбор слов, одинакова манера произносить те или иные звуки и т. д. Можно сказать, что весь язык оказывается в каком-то смысле различным для разных общественных групп — например классов, но с и с т е м а языка одинакова для всего языкового коллектива, иначе язык не был бы пригоден для коммуникации. Различается только н о р м а языка.

Механизм эволюции языка полностью определяется сказанным выше. Языковое изменение проходит три этапа.

Э т а п п е р в ы й. Индивидуальное новообразование или новообразование, употребительное в узком кругу постоянно общающихся между собой людей. Например, русский писатель Н. М. Карамзин придумал слово «влияние» (по образцу французского *influence*).

Какое-то время это слово, кроме самого Карамзина, наверное, никто не употреблял. Бывает, что дальше словоупотребления одного-двух людей такое новообразование так никогда и не распространяется: «У нас с Володей установились, бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги; *шилика* (причем надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д.»⁵⁸

Э т а п в т о р о й. Если общественная речевая практика санкционирует такое новообразование, если оно нужно для выражения какого-то нового содержания, оно входит в с о ц и а л ь н у ю н о р м у, т. е. начинает употребляться в определенной социальной группе внутри языкового коллектива. Такое новообразование может

⁵⁷ Поэтому некоторые психологи различают объективное значение слова и субъективный смысл его для говорящего.

⁵⁸ Л. Н. Толстой. Юность. Собр. соч. в 14-ти томах, т. I. М., 1951, стр. 267.

войти и в определенную стилистическую норму, т. е. употребляться в одном речевом стиле и не употребляться в другом: например, фонетическое новообразование с диссимилиацией $л > н$ более-и-менее из более или менее в разговоре совершенно обычно, но не встречается в торжественной, например, ораторской речи. Выдуманное Карамзиным «влиание» стало сначала достоянием литературного языка — и даже не всего литературного языка, а определенного стиля внутри него.

Эта третья. Новообразование становится общепринятым (входит в общую норму языка), а затем, может быть, и общеобязательным во всем языковом коллективе, т. е. входит в систему языка. Так в конечном счете и случилось со словом *влиание*, которое вошло в общеязыковую норму. Что касается системы, то характерным примером является заимствование русским языком из греческого звука «ф», которого в фонологической системе старорусского языка не существовало⁵⁹.

Далек о не каждое новообразование проходит весь этот путь. Для этого нужно, чтобы оно удовлетворяло потребностям всего языкового коллектива и, кроме того, соответствовало требованиям системы языка: если мы будем в речи смешивать глухие и звонкие согласные, язык отметит это «новообразование».

Поэтому язык обогащается, как правило, медленно и трудно. И поэтому же в те эпохи, когда общество делает гигантские шаги по пути прогресса, язык развивается особенно интенсивно: новообразования, которые в обычное время остались бы индивидуальными, «подхватываются» и используются для закрепления нового содержания, не ущемляющегося в старых языковых рамках. В качестве примера такого новообразования приведем возникновение в русском языке сложносокращенных слов типа *совнархоз*: модель, которая еще в начале двадцатых годов XX века казалась непривычной и не свойственной русскому языку (о чем писали В. И. Ленин, М. Горький и др.), к началу тридцатых стала общепринятой и весьма продуктивной⁶⁰.

⁵⁹ A. N. Leontiev și A. A. Leontiev. Cu privire la problema «sistemului lingvistic individual». — «Revista de psihologie», anul VI, 1960, № 4.

⁶⁰ А. Н. Леонтьев и А. А. Леонтьев. О двойном аспекте языковых явлений. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1959, № 2, стр. 121.

Как уже заметил читатель, мы не пытались дать полное описание всех процессов, связанных с возникновением и развитием языка. Да это и невозможно. Мы стремились наметить основные вехи, очертить наиболее важные особенности этих процессов, как они вырисовываются в настоящее время в свете данных лингвистики, психологии, антропологии, археологии и других наук.

Мы хотели не просто доступно изложить читателю в более или менее компактном виде достижения современной науки, а ввести его в лабораторию научной мысли. Надеемся, что это нам удалось.

- Агглютинативные языки** — языки, в которых каждый аффикс имеет определенное звучание и определенное закрепленное за ним грамматическое значение, а слово строится путем постепенного «наинзывания» таких аффиксов. Например, в киргизском: кол-дор-ум-го «моим рукам»: кол- — рука, -дор- — аффикс мн. ч., -ум- — аффикс 1-го лица, -го — аффикс дат. пад.
- Алеутский язык** — язык коренных обитателей Алеутских (США) и Командорских (СССР) островов.
- Алтайские языки** — собирательное название для тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских и некоторых других языков. Генетическая общность всех этих языков окончательно не доказана.
- Анализатор** (слуховой, зрительный, кинэстетический) — орган, анализирующий раздражители, воздействующие на организм. Анализатор состоит из чувствительного аппарата (глаз, ухо и т. д.), проводящих нервных путей и нервных клеток коры головного мозга.
- Антропогенез** — происхождение человека.
- Артикуляция** — произношение звука. Артикулировать звук — произносить звук. Артикулированный звук — членораздельный звук. Органы артикуляции — органы речи.
- Афазия** — потеря человеком способности говорить (а также понимать речь) из-за опухоли или травмы (например, ранения) управляющих речью и речевым слухом участков коры головного мозга. Больной афазией — афатик.
- Аффективный** — эмоциональный, связанный с выражением чувств.
- Аффикс** — обобщающий термин для суффиксов, окончаний (флексий), приставок (префиксов) и других частей слова, имеющих грамматическое значение.
- Банту языки** — группа языков, на которых говорят коренные жители Центральной и Южной Африки (включая республику Конго, Танганьiku, Северную и Южную Родезию, Мозамбик, Анголу и т. д.).
- Баскский язык** — язык басков в юго-западной Франции и на севере Испании. Его родственные связи пока неизвестны.
- Взрывной звук** — звук, произносимый благодаря резкому размыканию органов речи; например, в русском языке — *п, б, д, т, г, к*.
- Глоточный резонатор** — полость гортани.

- Гортанный звук** — звук, произносимый с помощью гортани (как немецкое *h*). Гортанные звуки часты в кавказских, семито-хамитских и некоторых других языках.
- Дескриптивная лингвистика** — направление, характеризующееся последовательной, специально разработанной методикой описания языка; распространено главным образом в США.
- Дискурсивность** — расчлененность во времени и пространстве.
- Диссимилиация** — фонетическое явление, заключающееся в том, что из двух (или нескольких) одинаковых или сходных звуков один изменяется, например, вместо *коридор* часто говорится *колидор* (диссимилиация *р/л*).
- Дифтонг** — гласный звук, который как бы состоит из двух звуков, частично слившихся друг с другом. Например, в немецком языке дифтонги: *ei* (Kreide «мел»), *eu* (Leute «люди»), *ai* (rauchen «курить»), во французском *oui* и т. д.
- Дифференциация и интеграция раздражителей** — физиологические процессы, лежащие в основе различения и объединения впечатлений.
- Диффузный (звук)** — не имеющий четко выраженной артикуляции.
- Дравидские языки** — группа языков, распространенных в Южной Индии и на о. Цейлоне.
- Зоопсихология** — наука, изучающая психику животных.
- Изолирующие языки** — языки, не имеющие или почти не имеющие аффиксов. В них грамматические отношения выражаются только порядком слов и служебными словами; например, китайский язык, язык эве.
- Индоевропейские языки** — группа языков, к которой относятся славянские (в том числе русский), балтийские (литовский, латышский), германские (немецкий, английский, скандинавские и другие), романские (французский, испанский, итальянский, румынский и другие), индоиранские (хинди и другие языки Индии, кроме дравидских и некоторых других; персидский, афганский и другие), армянский, албанский, греческий, вымершие хеттский, тохарские и т. д.
- Интериоризация** — превращение первоначальных внешних действий человека во внутренние, умственные.
- Кавказские языки** — собирательное название для трех групп языков, родство которых друг с другом окончательно не доказано: картвельской (грузинский, сванский и другие), абхазо-адыгской (абхазский, кабардинский и другие), вейнахской (чеченский, ингушский и другие) и дагестанской (лакский, даргинский и другие).
- Кинестетические ощущения** — ощущения движений органов собственного тела.
- Креольские языки** — смешанные языки, особенно распространенные на Антильских о-вах (Центральная Америка). Отличаются по грамматическому строю и лексике от языков, легших в их основу.
- Малайско-полинезийские языки** — в эту группу входят языки Юго-Восточной Азии и о-вов Тихого океана (индонезийский, тагальский на Филиппинах, различные языки Океании, в том числе гавайский, маори и другие), а также мальгашский язык на о-ве Мадагаскар.

- Меланезийские языки** — языки коренного населения некоторых о-вов Тихого океана на север от Новой Гвинеи. Входят в группу малайско-полинезийских языков.
- Монгольские языки** — группа языков Центральной Азии, включающая монгольский, бурятский, калмыцкий и некоторые другие языки.
- Моновокалическое состояние языка** — такое состояние языка, когда в нем имеется только один гласный звук или, вернее, когда различные гласных звуков не используется для различения звуковых оболочек слов.
- Нёбная занавеска** — подвижная часть нёба, которая может закрывать или открывать доступ из глотки в полость носа. Носовые звуки произносятся при открытом положении нёбной занавески, ротовые — при закрытом.
- Общеславянское языковое состояние** — восстанавливаемый некоторыми лингвистами период, когда славянские языки (см. Индоевропейские языки) были диалектами единого языка, а не самостоятельными языками.
- Оптогенез** — развитие отдельного индивида (например, оптогенез речи ребенка — развитие речи у ребенка).
- Палеоазиатские языки** — условное название, объединяющее несколько не родственных, по-видимому, языков Дальнего Востока: чукотские (чукотский, корякский, камчадалский — родственные друг с другом), одульский (юкагирский), нивхский (гиляцкий) и кетский.
- Полисинтетические языки** — языки, в которых нашему предложению может соответствовать одно слово (а словам, следовательно, — отдельные аффиксы). Например, в чукотском: ты-ата-каа-ным-ркын «я жирных оленей убиваю»: ты- — аффикс 1-го лица, -ата- — жирн-, -каа- — олен-, -ным- — убив-, -ркын — аффикс наст. вр.
- Праиндоевропейский язык** — восстанавливаемый некоторыми лингвистами с помощью сравнительно-исторического метода древнейший язык, из которого в дальнейшем (путем его распада) образовались индоевропейские языки. Современная лингвистика считает, что это был не язык в строгом смысле слова, а скорее группа диалектов.
- Предкатив** (во вьетнамском языке) — такая часть речи, характерная для изолирующих языков вообще, в которой объединяются значения глагола и прилагательного (т. е. признак может быть описан только как определенное действие: не «белый снег», а «снег белеется»).
- Презентироваться** — делаться объектом осознания.
- Редукция** — сокращение из-за ненужности, избыточности. Редукцироваться — сокращаться и упрощаться (о действии или о звуке). Редуцированный — сокращенный.
- Семито-хамитские языки** — группа языков, куда входят языки семитские (арабский, древнееврейский, финикийский, ассирийско-вавилонский, языки Эфиопии), хамитские (язык туарегов и некоторых других народов Северной Африки), кушитские (на п-ове Сомали), а также древнеегипетский и некоторые другие языки Африки и Азии.
- Сонанты** — звуки типа *p, л, м, н* (иначе — плавные звуки).

Спектр, спектрограмма — «фотография» звука, на которой он с помощью специальной аппаратуры разложен на входящие в его состав частоты; те участки спектра, которые соответствуют преобладающим в данном звуке частотам, выходят более темными.

Спирант — см. Щелевой звук.

Сравнительно-исторический метод — лингвистический метод, разработанный впервые в начале XIX в. Если нам известны несколько родственных языков, сравнительно-исторический метод позволяет восстановить тот более древний язык, из которого эти языки развились; проще говоря, это совокупность правил сравнения языков для реконструкции их более древнего состояния.

Тамилский язык — наиболее распространенный из дравидских языков.

Типологическая классификация языков — классификация языков безотносительно к их родству, только по их внешнему сходству или несходству в грамматическом строе.

Тунгусо-маньчжурские языки — группа языков, на которых говорят эвенки, нанайцы и некоторые другие народы Сибири и Дальнего Востока.

Тюркские языки — группа языков, куда входят в СССР — азербайджанский, алтайский, башкирский, казахский, киргизский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский, чувашский, якутский и некоторые другие, а за границей — турецкий, уйгурский (КНР) и другие языки.

Филогенез — развитие не отдельного индивида, а вида в целом.

Финно-угорские языки — группа языков, куда входят в СССР — коми, манси, марийский, мордовский, саамский, удмуртский, ханты, эстонский и другие, а за границей — венгерский и финский языки.

Флективные языки — языки типа русского, в которых один аффикс может выражать сразу несколько грамматических значений (*стол-ам!* — *ам* — аффикс мн. ч. и дат. пад.) и наоборот — одно значение может выражаться разными по звучанию аффиксами (*стол-ы, снег-а, книг-и*); причем отдельные аффиксы фонетически четко не разграничены.

Фонема — лингвистическое понятие, примерно соответствующее звуку, но основанное не на акустических и артикуляционных его особенностях, а на функции его в языке. Так, в русском языке фонема, обозначенной на письме буквой *щ*, могут соответствовать, в зависимости от диалектных особенностей произношения, разные звуки: или *шч*, или мягкое *шь*. Значение слова от взаимной замены этих звуков не изменится.

Фонология — учение о системе фонем в языке.

Функциональные мозговые системы — прижизненно складывающиеся объединения участков коры мозга, функционирование которых обеспечивает у человека осуществление сложных психических функций.

Хеттский язык — вымерший индоевропейский язык, очень архаичный по своему строю. Был распространен во втором тысячелетии до н. э. в Малой Азии.

Церебральный звук — согласный звук, образующийся благодаря прикосновению к нёбу загнутого назад кончика языка. Особенно часты церебральные звуки в дравидских языках.

Щелевой звук — звук, произносимый благодаря трению воздуха о неплотно сомкнутые органы речи (например, в русском языке *с, з, х, ш*).

Эве язык — изолирующий язык, относящийся к гвинейской группе языков (Западная Африка). Распространен в Гане и соседних с нею государствах.

Языковая форма (в понимании В. Гумбольдта) — специфичные для данного языка особенности, которые не могут быть заменены другими без изменения самой сущности языка.

Из работ классиков марксизма-ленинизма для нас наибольший интерес представляет известная статья Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» («Диалектика природы») и «Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» К. Маркса.

История вопроса лучше всего изложена в книге А. Л. Погодина «Язык как творчество». К сожалению, недостаточное внимание здесь уделено «трудовой» теории Л. Нуаре.

Кроме этого, по материалу первой главы можно посоветовать работу Л. С. Выготского «Поведение животных и человека» и книгу Н. Н. Ладыгиной-Котс «Развитие психики в процессе эволюции организмов». По материалу второй главы можно порекомендовать статью А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» в его книге «Проблемы развития психики», книгу М. Ф. Нестурха «Происхождение человека» и статью А. П. Окладникова «Возникновение человеческого общества».

По материалу третьей главы ни одной достаточно популярной обобщающей работы не существует. Некоторые вопросы хорошо освещены в книге Р. А. Будагова «Введение в науку о языке».

- А б а е в В. И. Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти.— «Вопросы языкознания», 1960, № 1.
- А б а е в В. И. Понятие идеосемантики.— «Язык и мышление», XI. М.— Л., 1948.
- А б а е в В. И. Язык как идеология и язык как техника.— «Язык и мышление», II. Л., 1934.
- А н д р е е в Н. Д. Периодизация истории индоевропейского языка.— «Вопросы языкознания», 1957, № 2.
- Б е л ь т ю к о в В. И. Роль слухового восприятия при обучении тугоухих и глухонемых произношению. М., 1960.
- Б о д у э н д е К у р т е н э И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX в.— В его кн.: «Избранные труды по общему языкознанию», т. II. М., 1963.
- Б о к а р е в Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Б о н ч - О с м о л о в с к и й Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба.— В сб.: «Палеолит Крыма», вып. II. М.— Л., 1941.
- Б о р о в с к и й В. М. Психическая деятельность животных. М.— Л., 1936.

- Б у б р и х Д. В. К вопросу о происхождении спряжения (финно-угорские данные).— «Известия АН СССР, отделение литературы и языка», т. V, 1946, вып. 1.
- Б у д а г о в Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958.
- Б у н а к В. В. Происхождение речи по данным антропологии.— В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.
- Б у т и н о в Н. А. и Л и х т е н б е р г Ю. М. Языки народов Меланезии.— В сб.: «Народы Австралии и Океании». М., 1956.
- В а л л о н А. От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии. Перев. с франц. М., 1956.
- В а ц у р о Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе). М., 1948.
- В е н и а м и о в И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.
- В и ц о г р а д о в М. И. Физиология трудовых процессов. Л., 1958.
- В о й т о н и с Н. Ю. Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза). М.— Л., 1949.
- В о р о н и н Л. Г. Анализ и синтез сложных раздражителей у высших животных. Л., 1952.
- В ы г о т с к и й Л. С. История развития высших психических функций.— В кн.: «Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов». М., 1960.
- В ы г о т с к и й Л. С. Мышление и речь.— В кн.: «Избранные психологические исследования». М., 1956.
- В ы г о т с к и й Л. С. Сознание как проблема психологии поведения.— В сб.: «Психология и марксизм». М.— Л., 1925.
- Г а л ь п е р и н П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных. Канд. дисс. Харьков, 1936.
- Г а л ь п е р и н П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В сб.: «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959.
- Г в о з д е в А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Г о р д о н Ч айлд В. Археологические документы по предыстории науки.— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1.
- Г р а н и т Р. Электрофизиологическое исследование рецепции. Перев. с англ. М., 1957.
- Г р е м я ц к и й М. А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному.— «Ученые записки МГУ», вып. 115. М., 1948.
- Г р у б е р Р. И. Всеобщая история музыки, ч. I. М., 1960.
- Д е б е ц Г. Ф. О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXIII. М., 1948.
- Д е м б о в с к и й Ян. Психология животных. Перев. с польск. М., 1959.
- Д е ш и н А. А. К вопросу об эволюции коры мозга.— «Антропологический журнал», 1934, № 1-2.
- Е ф и м е н к о П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л., 1938.
- Ж и н к и н Н. И. Механизмы речи. М., 1958.

- Ж и н к и п Н. И. Новые данные о работе двигательного речевого анализатора в его взаимодействии со слуховым.— «Известия АПН РСФСР», вып. 81, М., 1956.
- Ж и р м у н с к и й В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении.— «Известия АН СССР, отделение литературы и языка», т. V, 1946, вып. 3.
- З а м я т н и н С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.
- З а м я т н и н С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.
- З о л о т а р е в А. Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов.— «Антропологический журнал», 1936, № 3.
- И в а н о в В. В. и Т о п о р о в В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. (Доклад на IV Международном съезде славистов). М., 1958.
- К а п н е л ь с о н С. Д. К генезису номинативного предложения. М.— Л., 1936.
- К а п н е л ь с о н С. Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы.— «Вопросы языкознания», 1958, № 3.
- К о м а р о в В. Л. Учение о виде у растений. М.— Л., 1944.
- К о р о с т о в ц е в М. А. Египетский язык. М., 1961.
- К о р ш Ф. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877.
- К о с в е н М. О. Очерки истории первобытной культуры, изд. 2. М., 1957.
- К о ч е т к о в а В. И. Эволюция специфически человеческих областей коры мозга гоминид.— «Вопросы антропологии», вып. 7. М., 1961.
- Л а д ы г и н а - К о т с Н. Н. О познавательных способностях пингвин.— В кн.: Альфред Брэм. Человекообразные обезьяны. М.— Л., 1924.
- Л а д ы г и н а - К о т с Н. Н. Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958.
- Л е в и - Б р ю л ь Л. Первобытное мышление. Перев. с франц. М., 1930.
- Л е о н т ь е в А. Н. Об историческом подходе в изучении психики человека.— В кн.: «Проблемы развития психики». М., 1959.
- Л е о н т ь е в А. Н. Очерк развития психики.— В кн.: «Проблемы развития психики». М., 1959.
- Л е о н т ь е в А. Н. Человек и культура. М., 1961.
- Л е о н т ь е в А. Н. и Л е о н т ь е в А. А. О двойном аспекте языковых явлений.— «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1959, № 2.
- Л у р и я А. Р. О двух видах аналитико-синтетической деятельности коры головного мозга.— «Труды Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова», т. 147. Одесса, 1957.
- Л у р и я А. Р. Травматическая афазия. М., 1947.
- М а р к с К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии».— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19. М., 1961.

- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3. М., 1955.
- Меновщиков Г. А. Указательные местоимения в эскимосском языке.— «Вопросы языкознания», 1955, № 1.
- Мерварт А. М. Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929.
- Мещанинов И. И. Глагол. М.— Л., 1949.
- Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л., 1940.
- Мещанинов И. И. Основные лингвистические элементы.— «Язык и мышление», II. Л., 1934.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.— Л., 1945.
- Миклухо-Маклай Н. Н. Замечания об изучении языка и о диалектах папуасов Берега Маклая. Собр. соч. в пяти томах, т. III, ч. I. М.— Л., 1951.
- Молчанов И. В. О биологических предпосылках сознания. Автореф. канд. дисс. М., 1956.
- Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М., 1958.
- Нестурх М. Ф. Человек и его предки. М., 1934.
- Нуаре Л. Происхождение орудия.— В кн.: Э. Капп, Г. Куннов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925.
- Окладников А. П. Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытнообщинного строя.— «Всемирная история в десяти томах», т. I. М., 1955.
- Ольдерогге Д. А. Языки и письменность народов Африки.— В сб.: «Народы Африки». М., 1954.
- Орбели Л. А. О второй сигнальной системе.— «Вопросы высшей нервной деятельности». Лекции и доклады 1922—1949 гг. М.— Л., 1949.
- Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Сборник статей, докладов, лекций и речей. М., 1938.
- Панфилов В. З. К вопросу о соотношении языка и мышления. В сб.: «Мышление и язык». М., 1957.
- Пизани В. Этимология. История — проблемы — метод. Перев. с итал. М., 1956.
- Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.— «Избранные философские произведения», т. I. М., 1956.
- Плеханов Г. В. Письма без адреса.— «Избранные философские произведения», т. V. М., 1958.
- Погодин А. Л. Язык как творчество. (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка. Харьков, 1913.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, III. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899.
- Позелуевский А. П. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944.

- Равдоникас В. И. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939.
- Рау Ф. Ф. Обучение глухонемых произношению. М., 1960.
- Рогинский Г. З. Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л., 1948.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции.— «Антропологический журнал», 1936, № 3.
- Рогинский Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека.— В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.
- Рогинский Я. Я. и Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
- Семенов С. А. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.— Л., 1957.
- Семенов Ю. И. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии.— «Вопросы философии», 1959, № 7.
- Сепир Эдуард. Язык. Введение в изучение речи. Перев. с англ. М.— Л., 1934.
- Сепп Е. К. История развития нервной системы позвоночных. М., 1959.
- Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. Избр. произв., т. I. М., 1952.
- Тимирязев К. А. Исторический метод в биологии. Избр. соч., т. III. М., 1952.
- Тих Н. А. Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблем антропогенеза. Автореф. докт. дисс. Л., 1950.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Перев. с нем. М., 1960.
- Тэйлор Э. Первобытная культура. Перев. с англ. М., 1939.
- Уленбек Х. К. Apens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков.— В сб.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1950.
- Уленбек Х. К. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки.— В сб.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1950.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Фролов Ю. П. От инстинкта до разума (Очерк науки о поведении). М., 1952.
- Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Перев. с англ. Вып. I—IV. Л., 1928.
- Швачкин Н. Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте.— «Известия АПН РСФСР», вып. 13. М.— Л., 1948.
- Щерба Л. В. О «диффузных звуках».— В сб.: «Академику Н. Я. Марру». М.— Л., 1935.
- Эдер Б. Мои питомцы. М., 1955.
- Элькин А. Коренное население Австралии. Перев. с англ. М., 1952.
- Энгельс Ф. Диалектика природы.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. М., 1961.

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. М., 1961.
- Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза.— В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.
- Яковлев Н. и Ашхамов Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.
- Bohatta H. Praktische Grammatik der javanischen Sprache. Wien — Pest — Leipzig, s. a.
- Booutan L. Le pseudo-langage. Observations effectués sur un anthropoïde: le gibbon. Bordeaux, 1913.
- Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig, 1916.
- Buytendijk F. J. Traité de psychologie animale. Paris, 1952.
- Ginneken J. van. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939.
- Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala — Leipzig, 1942.
- Jakobson R., Halle M. Fundamentals of language. 'S-Gravenhage, 1956.
- Katz D. Animals and men. Melbourne — London — Baltimore, 1953.
- Köhler W. Zur Psychologie der Schimpanzen.—«Psychologische Forschungen», Bd. 1, 1921.
- Kuipers A. H. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe). 'S-Gravenhage, 1960.
- Lehmann W. P. On earlier stages of the Indo-European nominal inflection.— «Language», v. 34, 1958, № 2.
- Lehmann W. P. Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952.
- Leontiev A. N., Leontiev A. A. Cu privire la problema «sistemului lingvistic individual».—«Revista de psihologie», anul VI, 1960, № 4.
- Meinhof C. Die Entstehung flektierender Sprachen. Berlin, 1936.
- Moszyński K. Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1958.
- Piéron H. De l'actinie à l'homme. Etudes de psychophysiologie comparée. T. I—II. Paris, 1958.
- Sarris E. G. Sind wir berechtigt, vom Wortverständnis des Hundes zu sprechen? Leipzig, 1931.
- Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
- Stoopa R. Powstawanie i klasyfikacja dźwięków mowy ludzkiej.— «Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozpr. Komisji językowej», I. Wrocław, 1959.
- Uexküll J., Kriszatz G. Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Berlin, 1934.
- Wängler H. H. Singen und Sprechen in einer Tonsprache (Hausa).—«Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 11, 1958, H. 1.
- Yerkes R. M., Learned B. W. Chimpanzee intelligence and its vocal expressions. Baltimore, 1925.

Введение.	3
Глава I. Генетические корни мышления и речи	
1. Умеют ли мыши читать по-гречески?	6
2. «Мартышкин труд»	16
3. ... и труд человека	24
Глава II. Возникновение мышления и речи	
1. Что мы достоверно знаем о предках человека	31
2. Еще несколько слов о первобытном человеке	38
3. Каким было мышление древнейшего человека?	48
4. Мышление и речь неандертальца	58
5. От неандертальского человека к Homo sapiens	74
Глава III. Предыстория языка	
1. Внешняя предыстория языков человечества	89
2. Развитие фонетической стороны языка	94
3. Развитие грамматического строя языка.	101
4. О «примитивных» языках и стойких предрассудках	112
5. Смертен ли Сократ?	119
6. Что такое язык и как происходит его эволюция?	122
Словарь терминов	128
Литература	133

Алексей Алексеевич Леонтьев

**Возникновение
и первоначальное развитие языка**

*Утверждено к печати
Редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *Н. В. Шевелева*
Художник *Н. Н. Степанов*
Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

РИСО АН СССР № 15-53В. Сдано в набор 3/VII 1963 г.
Подписано к печати 28/VIII 1963 г. Формат 84×108^{1/2}.
Печ. л. 4,37=7,38 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,4
Тираж 20.000 экз. Т-11677. Изд. № 1851 Тип. зак. № 2470

Цена 22 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

22 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР